

АКАДЕМИЯ МАГИИ

АННА ОДУВАЛОВА

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ
ПРОКЛЯТЯ
ЛИЧНАЯ ПОМОЩНИЦА РЕКТОРА

Annotation

Что делать, если невезение следует за вами по пятам? Как быть, если карьера не сложилась, а личная жизнь не задалась? Конечно же, отправиться в магическую академию. Навести там порядок, приструнить шушеля, подружиться с личем, постараться не влюбиться в своего начальника и, самое главное, не вылететь с работы... А то мама уже наглаживает свадебное платье, а папа отбирает женихов. И это страшнее, чем ректор-тиран!

Переиздание второй части нашумевшей дилогии Анны Одуваловой! Хорошая история с веселым концом. Писательнице удастся погрузить каждого читателя в волшебный мир магии, любви и рабочих будней магической академии.

- [Анна Сергеевна Одувалова](#)
  -
  - [Глава 1. Начальники бывают разные](#)
  - [Глава 2. Новая работа – старые заботы](#)
  - [Глава 3. Со страхами – лицом к лицу](#)
  - [Глава 4. Несмертельное проклятие](#)
  - [Глава 5. Личная помощница в действии](#)
  - [Глава 6. Добыть эликсир](#)
  - [Глава 7. Неспкойная ночь](#)
  - [Глава 8. Нам проблемы ни о чем!](#)
  - [Глава 9. Свидание под звездами](#)
  - [Глава 10. Волшебный эликсир](#)
  - [Глава 11. Вернуться в прошлое](#)
  - [Глава 12. Время летит быстро](#)
  - [Глава 13. Ночь вдвоем](#)
  - [Глава 14. Урок магического искусства](#)
  - [Глава 15. Кто без греха, пусть первый бросит камень](#)
  - [Глава 16. Бал для неудачницы](#)
  - [Глава 17. Возлюбленная тирана](#)
  - [Глава 18. В плену у сумасшедшей](#)
  - [Глава 19. Час расплаты](#)

- [Глава 20. Здравствуйте, я ваша мама](#)
  - [Глава 21. Призрак из прошлого](#)
  - [Эпилог](#)
-

Анна Сергеевна Одувалова
Личная помощница ректора

© Одувалова А. С., текст 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Начальники бывают разные

Ну почему я такая невезучая!

Карета подскочила на очередном ухабе, и я снова припечаталась нежной филейной частью о жесткую деревянную лавочку. Выругалась и придержала цветочный горшок, боясь, как бы из него не выскочил Васус – наследство любимой бабушки и память о ней. Цветок ядовитый и с колючками, красный, с обманчиво приятным запахом и удивительно красивый. Я его возила с собой везде вот уже три года.

– Высший Управленческий Университет с отличием! – бухтела я себе под нос. – Рекомендации, билет в будущее... И все пошло прахом! И ведь даже винить, кроме себя, некого!

Я тряслась в карете, ругая себя, весь белый свет и несправедливое мироздание. Началось все тогда, когда меня, выпускницу Высшего Управленческого Университета, пригласили на должность пресс-секретаря к его светлости герцогу Влисскому. О такой удаче никто из выпускников даже мечтать не мог, я была горда невероятно и даже не предполагала, что счастье не будет долгим.

До сих пор считаю, что чашка кофе, пролитая на нежный зад его возлюбленной, – не моя оплошность. Просто не ожидала я – юная и не искушенная делами любовными барышня – узреть герцога, запросившего кофе, в столь пикантной позе. А уж просьба подать поднос с напитком прямо на спину томно закатывающей глаза блондинке и вовсе виделась мне чем-то из ряда вон выходящим. Вот и дрогнула рука. А с кем не бывает?

Потом был барон Митерр – мужчина серьезный, увлеченный работой. Там я сама виновата: открыла ежедневник не на той страничке, записала встречу на день позже, сорвала важные переговоры и сделку. Страна потеряла миллиардный контракт, а я – работу.

Баронесса Тиррил сразу предупредила, что в личной помощнице ценит утонченность, стиль и пунктуальность. Надо ли говорить, что, торопясь на первую рабочую встречу, я упала в грязь, порвала платье и переодевалась в ближайшем магазине готовой одежды? В результате опоздала, и вид мой был далек от совершенства.

В агентстве по найму на меня уже смотрели не то с удивлением, не то с подозрением, но периодически подкидывали работу. Каждый раз вариантов становилось все меньше, но даже там задержаться не получилось. Пару раз я уходила сама по разным причинам, ну, или творила глупости, влипала в неприятности.

Закончилось все тем, что в последний мой приход из всех вариантов остался один. На мой взгляд, не очень и плохой. Единственное, что печалило, – нужно было переехать из столицы за город и стать личной помощницей ректора магической академии.

Это уже потом, когда я подписала контракт, мне сказали, что, во-первых, ректор – мужчина специфический и характер у него сложный. Дольше всего проработала моя предшественница – полгода – и была уволена за неподобающее поведение. Говорят, хотела соблазнить. А во-вторых... если меня выгонят и оттуда, я могу идти работать куда захочу – мыть полы, выгуливать собак, а диплом прибить на стенку над кроватью и рыдать над ним перед сном, так как время на учебу было потрачено зря. И теоретические знания на практике мне помочь не способны.

За поворотом показался каменный забор и возвышающиеся вдалеке башенки академии. Флаг этого достойного заведения я разглядеть не смогла. Издалека он смотрелся странно, и расцветка у него была необычная – белая, в розовые точки.

Пока я размышляла, Васус почти выбрался из горшка. Он расправил стебель и тянулся алыми лепестками к занавеске, намереваясь сожрать.

– Фу! – цыкнула я и тихонько шлепнула ладонью по плоске.

Цветочек послушно занял свое место, приняв приличествующий растению вид. Только лепестки сложились таким образом, что лично мне виделся какой-то неприличный жест. Но я не стала заострять на этом внимание. Пусть тешится.

Я расплатилась с возничим, вытащила свой необъятный чемодан на вымощенный плиткой внутренний двор, смахнула со лба бисеринки пота и, стараясь принять полагающееся личной помощнице выражение лица, направилась к главному входу. Васус под мышкой немного смазывал впечатление, но класть его к вещам было чревато. Вообще цветочек у меня мирный, но когда скучал или злился, жрал все, что не

прибито. Раньше он таким не был, просто после смерти бабушки характер испортился.

Во дворе было тихо, что и неудивительно – середина лета, пора отпусков и каникул. У меня впереди полтора месяца, чтобы вникнуть в дела, разобраться в обстановке и только потом столкнуться нос к носу с толпой диких студентов. В том, что студенты дикие, я даже не сомневалась. Сама не так давно закончила учиться. Управленцы в большинстве своем хитрые, подлые, но благовоспитанные, а вот про студентов-магов всегда ходили самые разные слухи.

По дороге я не встретила никого, лишь за спиной пару раз мелькнули тени. Они, видимо, приглядывались ко мне. Какие-нибудь магические охранники. Васусу они не понравились, и он клацнул зубами, едва не выпрыгнув из горшка. Пришлось остановиться и нежно почесать лепесточки. Цветочек завибрировал и тихонько заурчал – радовался.

Я толкнула дверь и сразу же попала в ад. Кто-то орал громко и так витиевато, что я оторопела. Жутко воняло краской, создавалось впечатление, что в холле произошел какой-то неудачный магический эксперимент: лестница без перил, на полу – осколки плитки, серые стены в разводах, и все покрыто мелкой белой пылью от шпаклевки. До меня не сразу дошло, что это всего лишь ремонт.

– Эй, ты! Белобрысое недоразумение! – крикнули откуда-то со стороны, и я, прижав к груди цветочный горшок с Васусом, замерла словно испуганная мышь. Медленно повернулась и встретила с пылающим взглядом демонических глаз.

– Онемела? Прием заявлений – со следующей недели! А сейчас – брысь отсюда! Не видишь – у нас ремонт! – грозно рыкнул мужчина. Он был высок, выше меня на голову, широк в плечах и страшен. Его перемазанная в краске физиономия не предвещала ничего хорошего.

«Вот почему эффектные мужики такие хамы и чаще всего обделены интеллектом?» – вздохнула я и решила: надо пожаловаться ректору, что у него работают до ужаса не воспитанные маляры.

Правда, будучи девушкой утонченной и вежливой, на месте я скандал устраивать не стала, лишь тихонько пискнула:

– Простите... но я... не...

– И герань свою дома оставь. Оригинальных ценят, но не до такой же степени? И проверять будут знания. Всем наплевать на то, что ты

стащила с окна у бабушки герань. Тут нужны только знания. Все, беги давай, некогда!

Я опешила. Мужчина развернулся ко мне влоборота, а противная скотина Васус, который никогда не умел себя вести, оскорбился, вытянул стебель (я даже не представляла, что он такой длинный) и попытался вцепиться грубияну в плечо.

Понимая, что вряд ли получится избежать катастрофы, я рванула горшок на себя. Хищные челюсти клацнули в миллиметре от грязной, покрытой побелкой рубашки. Пытаясь удержать равновесие, я отступила, споткнулась о свой чемодан и, испуганно взвизгнув, полетела на пол. Точнее, полетела бы. Не знаю как, но грубиян успел развернуться быстрее, чем я рухнула. Он хотел удержать меня за руку, но так как горшок я не выпустила, схватил за талию. Очередной писк вышел мышинным: незнакомец был мужчиной крупным и тренированным. Рабочим строительных профессий не нужно потеть в спортзале, тяжелый физический труд помогает держать себя в тонусе.

– Спасибо, – успела я шепнуть едва слышно, прежде чем Васус, про которого мы неосмотрительно забыли, извернулся и все же тяпнул незнакомца за руку.

– Вот же дрянь вонючая! – взвыл мужчина, но меня не отпустил.

Я отскочила осторожненько сама и сразу доложила, чтобы не начали убивать:

– Если что, я не виновата и совсем не абитуриентка! Я личная помощница ректора! Меня трогать нельзя! Вот!

– Да ты что? – изумился мужик как-то очень уж отстраненно. Вероятнее всего – потому что прицеливался к моему цветку, даже рукава закатал. Но цветуй шипел и клацал зубами – голыми руками его не возьмешь.

– Не троньте Васика! – завопила я, пытаюсь спрятать горшок, и все же плюхнулась на зад в самую грязь. Похоже, с новым платьем придется попрощаться.

Цветуй, почувяв опасность, сразу же притих, быстренько съежился и исчез в горшке с землей.

– Ты даешь имена растениям? – подозрительно тихо уточнил мужчина и посмотрел на меня как на сумасшедшую. Но руки почему-то убрал.

Допустим, не я, а бабушка, но ему-то какое дело? Хочу и даю!

Я уже набрала в рот воздуха, намереваясь отчитать нахала, но тут заметила, что в помещении стало удивительно тихо. За нами внимательно наблюдали и маляры, красившие стены, и толстая тетка на стремянке под потолком, и сухонький мужчинка в очочках, который показался из коридора.

Может быть, это и есть ректор? Тогда мне опять не повезло. Плохо, наверное, предстать перед будущим начальником на полу, в грязи, в обнимку с цветочным горшком.

Впрочем, все оказалось намного хуже. Мужичок в очочках осторожно подобрался к нам и очень вежливо и тихо пропел, обращаясь к сегодняшнему источнику моих бед:

– Герр ректор...

После этих слов меня сначала бросило в жар, а потом – в холод. Я едва удержалась от стога. С этим местом работы мне, видимо, тоже не повезло.

– Там опять проблемы... – Он несчастно покосился на меня, сглотнул и совсем тихо закончил: – С флагом академии...

Вид при этом мужчина имел потерянный и слегка смущенный. Я вообще сидела на полу ни жива ни мертва и даже попыток встать не делала. Зачем, если можно попрощаться с мечтами о безбедной жизни? Придется возвращаться в отчий дом и выходить замуж за какого-нибудь сына мясника. Никто другой меня точно не возьмет. Возраст не тот, и с везучестью проблемы. Да и по дому я делать ничего не умею.

– Вот же лохматый гаденыш! – взорвался ректор, добавил пару непечатных фраз и кинулся к выходу.

Я, пискнув, отползла с дороги и снова привлекла к себе ненужное внимание. Ректор замер, посмотрел на меня так, словно я была раздавленной лягушкой, и скомандовал:

– И эту... с геранью... кто-нибудь устройте! Сейчас совсем не до нее! Кто у нас самый свободный?

– Конечно, профессор Сазейр. Он же у нас не может мараться, это мы – простые смертные – отдуваемся, – пробухтела полная женщина, которая опасно покачивалась на стремянке.

Я бы на ее месте, с таким-то весом, поостереглась лазить по верхотуре.

– Вы бы не возмущались, герра Сибилла! А то обзавидовались тут! Я вам мигом организую все условия, которые есть у профессора.

Женщина ойкнула, с трудом удержала равновесие и тут же замолчала. Интересно, чего она так испугалась? И что это за профессор такой, который может себе позволить бездельничать, когда все остальные работают?

– Кстати, найдите его кто-нибудь! – скомандовал ректор на ходу. – Пусть покажет тут все моей помощнице. А в пять вечера жду вас в моем кабинете! И ничего, богов ради, до моего прихода не трогайте! Знаю я вас! Все секретарши одинаковые: или сломаете что-нибудь, или потеряете! Все, свободны!

Я не сразу поняла, что последняя часть фразы относится ко мне.

Едва ректор скрылся за дверью, движение возобновилось. Мужчина в очках кинулся обратно в коридор, видимо, разыскивать профессора. Тетка посмотрела по сторонам и, изогнувшись на стремянке, повернулась ко мне.

– Боги услышали мои молитвы! Девонька, доработай хоть до сентября, а? Дольше-то не прошу. Вижу же: ты нежная, воспитанная... Не приживаются у нас такие. – Она вздохнула, подумала и добавила: – Да никакие у нас не приживаются. Характер уж больно у нашего ректора дурной. Да и условия работы тяжелые, а ведь никаких надбавок.

Я собиралась возразить, но не успела, так как мне навстречу в темно-алой профессорской мантии вышел самый настоящий мертвец.

– Вставайте, – скомандовал он и протянул ко мне костлявые руки. В провалах глазниц полыхало пламя, тонкая кожа обтягивала впалые щеки, а безгубый рот скалился.

Я не смогла даже завизжать, просто покрепче прижала к себе Васуса и отключилась.

* * *

Висеть было неудобно, поэтому я, наверное, и пришла в себя. И еще – от тихих голосов над ухом.

– Куда вы ее тащите?

– А что вы предлагаете, герра Сибилла, ее там, на осыпавшейся штукатурочке оставить валяться? Сейчас этот дикобраз придет. Кому достанется?

– Всем, – обреченно отозвался женский голос.

– Вот именно – всем! Нужно убрать следы. Сделаем вид, что все пошло по плану. Может, и не вскрыется.

– Может – да, а может – нет... – проворчала герра Сибилла. – Осторожно! – завопила она (видимо, наша процессия едва не налетела на что-то). – Герань-то! Герань заберите! А то расстроится девочка. А так, может, хоть чуток у нас поработает!

– И что же молодежь такая впечатлительная пошла! – пробухтел лич где-то над ухом.

Его голос я узнала и открывать глаза передумала. А когда до меня дошло, что за руки меня тащит именно он, я едва не заорала, но предпочла обмякнуть и не подавать признаков жизни. К счастью, за ноги несет явно кто-то живой. Или у них тут стадо умертвий бегают?

Открыла глаза, только когда меня положили на что-то мягкое, подоткнули подушечку, повозились справа у уха, повздыхали.

– Умаялась деточка, – умилилась герра Сибилла.

Через секунду хлопнула дверь. Ни на одном месте работы коллеги так радушно меня не встречали. И почему все так хотят, чтобы я осталась?

Я открыла глаза и резко села.

К счастью, Васус был здесь: стоял на подоконнике и меланхолично жевал соседний цветок. Я шикнула, отругала и шлепнула по горшку. Цветуй демонстративно сжался, задрожал и попытался спрятаться.

– Не придуривайся! Сейчас только уйду, снова примешься за старое.

На тумбочке у кровати лежал листок с какой-то пентаграммой и ключ-жетон. Я так и этак повертела бумажку и все же сообразила, что кривые линии – это коридоры, а красный жирный крест где-то вверху, вероятнее всего, кабинет ректора. Кто-то добрый над крестом пририсовал череп – очень обнадеживающе.

Я уже более-менее пришла в себя. До встречи оставалось время принять душ, переодеться и обдумать сложившуюся ситуацию. Распаковывать чемодан я не стала, только достала сверху темно-серое строгое платье. Я помнила о судьбе своей предшественницы и решила не испытывать удачу – гардероб подобрала скромный. Сейчас, правда,

не была уверена, что мне это поможет. Попрет меня ректор взащей за утреннее представление. Хотя я-то тут при чем? Это все Васус.

Цветуй все же пришлось убрать с окна, пока он не успел доесть бедненькое и без того хиленькое растение в соседнем горшке.

Мне выделили очень приятную комнату – даже не скажешь, что в ней кто-то жил до меня. Как в номере хорошей гостиницы, здесь были уничтожены все следы бывших жильцов.

Персиковый ковер. Большая кровать под балдахином, встроенный в стену шкаф, способный вместить все мои многочисленные вещи, и две двери. Одна – в душевую комнату, другая – в небольшую гостиную с диваном и камином. Просто, мило, уютно. Окна выходили на небольшую площадь и башенку. Странно, но флаг чудесным образом поменялся. Вместо белого – синий фон, на котором расправила крылья сова – символ мудрости и знаний. И никаких розовых точек. Может быть, мне просто с дороги померещилось?

Я приняла душ, переделалась и даже успела накраситься. Зеркало отражало миниатюрную блондинку. Мне говорили о том, что я красива, но это качество нужно девушке, если она мечтает выйти замуж, я же хотела сделать карьеру и быть независимой. Я видела, во что превратилась жизнь мамы и сестер. Нет уж, кухня, дети и вышивка – это не то, чем бы мне хотелось заниматься круглосуточно. Поэтому я не то чтобы скрывала свою внешность, нет. Скорее предпочитала не акцентировать на ней внимание. Светлые серебристые волосы собирала в гладкую прическу, носила строгие платья с высоким воротником-стойкой и никогда не пользовалась яркой помадой – акцент делала на глаза.

Единственное, что не удавалось замаскировать, – возраст. В свои двадцать четыре я выглядела студенткой. Неудивительно, что ректор принял меня за абитуриентку. Но тут я ничего поделать не могла, да и не считала нужным себя старить.

Поразмыслив, я решила никого не подставлять и умолчать об обмороке. Вдруг это своего рода проверка на стрессоустойчивость? Остальные при виде ожившего мертвеца сознание не потеряли, значит, он здесь существо обыденное и придется привыкать. Демоны, я даже есть с ним из одной тарелки была готова, лишь бы меня оставили жить в этой комнате и работать в этом месте!

Когда-то я мечтала о политической карьере, но сейчас была рада и тому, что имею.

Чтобы не заблудиться и не опоздать, я даже вышла заблаговременно. Сунула под мышку Васуса, который на новом месте чувствовал себя явно неуютно. Брать его в кабинет к ректору после утреннего происшествия не стоило, но и оставлять его одного я боялась. Теоретически цветуй мог уползти из горшка и забиться в какую-нибудь щель, а как любое растение, жить без земли и воды не мог. Поэтому пришлось рискнуть.

Как ни странно, кабинет я нашла без проблем, даже жетон подошел и никаких неприятностей не случилось. Я выдохнула. Аккуратно закрыла за собой дверь и остановилась, чтобы осмотреться.

Здесь был бардак. И не просто бардак, а бардак с большой буквы. Стопы бумаг, немые кружки из-под кофе, какие-то магические предметы и еще много всего, не поддающегося идентификации.

А на столе, за которым, предположительно, я должна была работать, лежали трусы. Большие – в них влезли бы я и моя соседка по комнате со студенческих времен – и очень странного фасона. Высокие, с рюшами и кружевами. Расцветка тоже радовала: белые, в крупную ярко-розовую клубничку. В общем, весьма странная и пугающая вещь. Если у ректора такой фетиш, пожалуй, я понимаю, почему тут никто работать не хочет.

Я прижала Васуса поближе к груди и задумалась. На меня сегодня уже орали, я получила приказ не трогать ничего до появления недовольного начальства, но сидеть рядом с *этим* тоже не хотелось.

Подумав, я поставила цветочек на подоконник рядом со столом и решила сделать кофе – это, по крайней мере, безопасно.

Не только себе, конечно, но и новоиспеченному начальнику. Вдруг проникнется и оценит если не качество напитка, то хотя бы чистоту чашек.

Выходила я буквально на пять минут, помыла чашки и налила в графин воды. В приемной обнаружила маленькую плитку с кристаллами – там можно было вскипятить воду. Ректор оказался эстетом и использовал только стеклянную посуду – никакого тебе презренного металла. Ставишь графинчик на магический кристалл, и нагревается сама вода, а не стекло. Очень удобно.

Возвращалась я бегом, под доносящиеся из кабинета нечеловеческие вопли. Увидев странную картину, я едва не лишилась рассудка. Сердце упало в желудок, а графин с водой – на пол, но я даже не заметила этого.

Мой цветучек дотянулся до милых ректорскому сердцу труселей и сожрал уже половину, даже больше. Из пасти торчали оборки одной штанины, а за другую с визгом и воплями цеплялось маленькое лохматое существо. Если память мне не изменяла, существо именовалось шушелем и являлось выходцем из тонкого мира.

Шушель истерил, верещал и пытался спасти труселя, мой цветуч не сдавался и спешно дожевывал свою добычу, а я стояла как столб, понимая, что, видимо, снова придется паковать чемоданы.

Наконец шушелю удалось отвоевать резинку с остатками веселенькой ткани. Ругаясь на своем шушелячьем языке, он забился в угол и принялся так жалостливо подвывать, что мне стало очень стыдно за невоспитанного и прожорливого Васуса, который давился, но все же упорно заглатывал остатки тряпки.

– Что за?.. – раздалось за спиной.

Я вздрогнула, сообразив, что пожаловал хозяин кабинета, и отскочила, зажмурившись. Было очень-очень страшно, потому как я понимала: сейчас будут убивать. По всей видимости, не только меня, но и Васуса, а цветочек я в обиду не дам.

– Твоя герань сожрала Труселя? – подозрительно тихо поинтересовался ректор, а я едва заметно кивнула, не открывая глаз. Руки дрожали, ноги подкашивались.

Чего я не ожидала, так это взрыва хохота, последовавшего практически сразу же.

– Что, твареныш лохматый? – со злорадством поинтересовался ректор. – Лишился своей игрушки! Так тебе и надо, погань пакостливая!

Шушель зашипел так громко, что я открыла глаза и успела метнуть чашку, которую сжимала в руке, в сторону гаденыша, нацелившегося на Васика. Реакция у меня всегда была отменная. Гаденыш увернулся, ректор, как ни странно, тоже.

Шушель распушился, заверещал и кинулся на меня. Я испугалась, но отступить и не подумала. Оттолкнула ректора, который занимал

слишком много места, и пошла в наступление, вооружившись шваброй.

– Кыш! Пошел, мерзавец! – орала я. – Нечего где ни попадя свое имущество раскидывать!

Шушель вопил, шипел, но пробраться к цветку не мог, хотя и заходил с разных сторон. Мы, наверное, с ним долго танцевали бы, но ректор сделал едва заметный жест, и твареныш с верещанием исчез в стене.

– Думаю, сработаемся, – резюмировал ректор, когда я поставила швабру в угол и поправила выбившуюся из идеальной прически прядь. – Но герань свою береги. Он не отстанет.

– Так вы же его... того... – Я покосилась на Васика, который приобрел нежно-розовый оттенок, даже клубнички местами проступили.

– Это ненадолго. – Ректор сморщился, как от зубной боли. – Часа через два снова появится и какую пакость учудит на этот раз – неизвестно. Мы с ним почти полгода воюем, и пока счет не на нашей стороне.

– А...

Я не успела сформулировать вопрос, ректор и так понял, что хочу узнать, поэтому сам выложил занятную историю про шушеля и Трусея.

– Нет... с одной стороны, наверное, давно самому следовало их уничтожить... – задумчиво выдал он, рассматривая клочок веселенькой ткани в клубничку, которую не дожевал Васус.

– Трусы? – участливо осведомилась я, напоминая себе, что личная помощница прежде всего должна уметь слушать. Нас так учили.

– Да, их. Но было жалко. Все же столько сил вложено... Душа... опять же, – задумчиво продолжил он и вздохнул. Между темными густыми бровями пролегла складка.

– В трусы? – Я сглотнула. Конечно, работу хотелось очень, но я не занималась сиделкой к душевнобольному. Судя по воплям, которые ранее довелось слышать в коридоре, он еще и буйный.

– Да что вы заладили: «трусы-трусы»! – взорвался ректор, и я предусмотрительно отступила. – Да, трусы! Это самый сложный экспериментальный образец – пояс верности. Они удобные, натуральный хлопок, безопасные, гигиеничные... Исчезают, когда

надо. Эта модель могла бы стать прорывом в артефактике. Я уверен, изобретение пользовалось бы спросом.

– А расцветка и фасон? – не выдержала я, все еще не понимая, зачем ректору академии пояс верности и при чем здесь шушель.

– Расцветка и фасон – отпугивающие! – совершенно серьезно заявил ректор и взъерошил короткий ежик волос. – Кого же на такие потянет? Да и ни одна современная, с позволения сказать, девица продемонстрировать не решится. Так что с расцветкой все нормально. Сам выбирал.

– И за что же вы так жену? – Я не выдержала и проявила женскую солидарность.

– Жену? – Ректор, казалось, искренне удивился.

– Любовницу? – ужаснулась я, осенив себя защитным знаком. Странный мужчина.

– Дочь, конечно же! – Кажется, мои предположения его оскорбили. – Она у меня... Впрочем, вы сами будете иметь счастье с ней познакомиться в начале учебного года, если, конечно, не сбежите раньше. Лето она проводит с матерью. Должен же быть у меня хоть какой-то отдых. Она – стихийное бедствие! – Арион фон Расс закатил глаза, а мне как-то подурнело. Не думала, что у него есть дети. Не то чтобы мне это было интересно, но все же.

– А дочери у нас сколько? – поинтересовалась осторожно. Вдруг такие вопросы – табу.

– Восемнадцать, но Трусея я на нее надел в семнадцать, так как рыжая пакостница совсем отбилась от рук. Вы даже не представляете, что это такое! По степени причиненного ущерба она на вас похожа.

– Я не пакостница! Я благовоспитанная и очень скромная барышня!

– Да? – удивился ректор. – А сразу-то и не скажешь. Думал, только Кассандра может быть катализатором неприятностей, сама того не желая.

– Итак... – Я вернула разговор в нужное русло. – Вы надели на свою несовершеннолетнюю дочь пояс верности. Не будем углубляться в морально-этическую сторону вопроса, но что дальше?

Ректор и сам углубляться не хотел. Он поморщился, словно от зубной боли, и продолжил:

– Ну, Кассандра была бы не Кассандра, если бы не попыталась пояс верности снять. Ничего у нее не получилось – вполне ожидаемо. – На красивом, словно высеченном из камня лице появилась хитрая усмешка, которая очень быстро сменилась кислым выражением. Видимо, переиграть дочурку у незадачливого папаши не вышло. Следующие его слова подтвердили мои догадки.

– Она разозлилась и вызвала шушеля!

– Обрато отправлять отказалась? – Я понимающе кивнула.

– Если бы! У Кассандры одна, но большая беда – у нее все получается случайно! Еще с того времени, когда она ходила под стол пешком!

Это мне было знакомо. Правда, в мою жизнь нелепые случайности начали проникать не с детства, а с момента получения диплома, и привыкнуть к ним я так и не сумела.

– Шушеля она вызвала случайно, а он всегда появляется с определенной целью. В нашем случае формулировка: «Шушель их заberi» касаето трусов сработала прямо. Целый месяц в академии творился ад! Не заставляйте меня рассказывать об этом позоре подробнее! Тогда первый раз в жизни я серьезно переживал, что меня снимут с занимаемой должности! Шушель охотился на Трусея! Кассандра от них избавилась, а этот поганец до сих пор их ворует, куда ни спрячь, и вывешивает на флагшток вместо флага академии! Я снимаю, провожу ритуал изгнания, он снова ворует и вывешивает. Надо мной уже студенты за спиной смеются, а преподаватели страх потеряли и ржут в голос.

– Ну так сожгли бы их или выкинули! В чем проблема?

Я действительно не понимала сложностей моего нового начальника. Сейчас вопрос решился благодаря Васусу, но неужели нельзя было повернуть раньше что-то подобное?

– Во-первых, это значит сдаться и признать свое поражение перед мелкой гадючной тварью! Нет уж! Во-вторых, жалко – я, скорее всего, еще одни не создам, тогда был зол и не записал формулу. Все собирался попытаться повторить на досуге, но конец учебного года без личной помощницы – это ад! А в-третьих... – Ректор задумался. – Отберешь у этой твари трусы, которые она нежно любит, и что? Кто знает, как шушель будет мстить. А он будет, поверьте. И очень хочется надеяться, что вам и вашей герани, а не мне и моей академии.

– Ой-ой... – протянула я и покосилась на довольного Васику, который сейчас ничем не отличался от обычного цветка.

– Вот вам и «ой-ой», – передразнил меня начальник. – От позора вы меня спасли, но проблем прибавили!

– И что теперь делать?

– Работать, цветочница моя, работать! Вы же за этим сюда приехали?

Я едва заметно кивнула. Сколько получится продержаться на этой должности, одним богам известно. Но уже сейчас я могла сказать: скучно точно не будет. Впрочем, мне нигде скучно не было – неприятности находили меня сами.

Глава 2. Новая работа – старые заботы

В кабинет к начальству, который находился за дубовой дверью, я пошла вместе с довольно мурлыкающим Васусом после того, как убрала воду и осколки графина с пола. Оставлять цветочек один не хотелось, я помнила слова ректора про мстительного шушеля. Мало ли откуда появится мохнатый поганец и постарается обидеть моего питомца? Если с ним что-нибудь случится, я себе этого не прощу!

Арион фон Расс уже успел разместиться за своим столом. На секунду прикрыв глаза, я постаралась представить, что это наша первая встреча. Ведь она должна была быть такой. Точнее, почти такой – он сидит за столом и смотрит на меня с выражением вежливого интереса, и я захожу, вся собранная, причесанная и прилично одетая. Если исключить растрепанные волосы и мокрый подол платья (я все же облилась, когда уронила графин), а также Васуса под мышкой, все так и было.

Ректорский кабинет меня впечатлил. И не только тем, что беспорядок здесь царил такой же, как и в приемной, но и массой разнообразных и, наверное, опасных вещей. Чего здесь только не было! Магические шары, которые стояли рядом с географическими глобусами. Кубки за достижения, кальян, множество мелких артефактов и бумаг.

– Вы там так и будете стоять? – раздалось ворчливое, и я посмотрела прямо перед собой.

Так получилось, что как следует разглядеть Ариона фон Расса я удосужилась только сейчас. Сначала приняла его за маляра, а потом просто была занята. Я уже отметила спортивное телосложение и сейчас снова убедилась в том, что ректор магической академии строен и подтянут.

Ректор поднялся мне навстречу. На нем были узкие темные брюки и обычная светло-зеленая рубашка, которая натягивалась на широченной груди. Казалось, слишком маленькие пуговички сейчас вылетят из петель. Ректорская мантия небрежно висела на спинке стула.

Я сглотнула и попыталась отвести взгляд. Не вышло. Интересно, студентки выстраиваются в очередь перед кабинетом? И в чьи должностные обязанности входит их отгонять? Очень надеюсь, не в мои.

– Как понимаю, разговаривать по делу вас в ваших университетах не учили! – язвительно заметил он, заставив меня испуганно вздрогнуть, и начал перебирать бумаги из моего личного дела. Вообще, он должен был это сделать раньше – тогда, когда одобрял мою кандидатуру. Впрочем, я сама сведения о нем прочла уже после того, как сказала «да» в агентстве. Похоже, впервые мне попался работодатель, которому я нужна не меньше, чем он мне.

– Так-так, а у вас богатый послужной список! – присвистнул он. – Я-то думал, вы только окончили свой вуз. И вы мне доказываете, что нежная благовоспитанная фиалка?

– Я не фиалка и не цветочница! – Я постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. – Меня зовут Эльмира фон Морр.

– Даже «фон»... – хмыкнул он, намекая на мое аристократическое происхождение, словно оно было чем-то постыдным. Сам-то?

– Обнищавший аристократический род? – деловито заметил ректор и снова вывел меня из себя. Удивительная способность.

– Почему же сразу обнищавший? – возмутилась я. – Да, наше состояние не так велико, но назвать нас обнищавшими?

– А зачем же вы работаете? – искренне удивился он. – Я могу еще понять магичек. Отчасти. На одной такой я был женат, вторую воспитал и скоро выпущу в люди. Все же, надеюсь, сначала замуж, а потом в люди, – задумчиво добавил он.

– Уже и кандидата, наверное, подыскали? – желчно осведомилась я, думая, как же ненавижу такое положение вещей. Бедная девочка, мне ее жаль. С таким-то отцом! Наверное, и отказаться не дали.

– А как же? – Он был явно горд собой. – И что самое приятное, они до сих пор считают, что нашли себя сами. Здорово ведь, правда?

Я не знала. Моего мнения никто не спрашивал и уж тем более не пытался сделать так, чтобы я думала, будто сама выбрала кандидата в мужья. Хорошо хоть, успела сбежать и поступить в университет, иначе сейчас бы подтирала сопلي третьему, а то и пятому отпрыску.

– Так зачем вы работаете? – снова поинтересовался он. – Мужа ищите?

– Как раз нет! – Я разозлилась всерьез. – Мужа мне найдут и без моих усилий. У матушки с моих пятнадцати лет есть список. Длинный, занимает целый блокнот. Но я хочу быть независимой, самостоятельной и успешной женщиной.

– Получается пока не очень, – честно отозвался он, еще раз заглянув в мое дело, и заставил покраснеть. – Ваш список впечатляет. За три года вы сменили девять мест работы. Вы считаете, это нормально?

– За последние три года от вас сбежали десять секретарш, – парировала я. – И это тоже ненормально. Так что давайте закроем тему наших бывших и постараемся сработаться.

– Не повод хамить начальству и ставить условия! – огрызнулся он, и я послушно закрыла рот. Впрочем, я давно поняла: молчать – не лучший вариант. Нервы портятся, а итог все равно одинаков. Можно молчать и вылететь, можно отвечать и так же вылететь. Поэтому когда ректор выдал: «Просто помните: если вас выгонят отсюда, то больше никто никуда не возьмет», – я не удержалась и ответила:

– Если вы выгоните меня, к вам никто не придет. А сейчас извините, я должна попытаться за беспорядком найти свою приемную. Уборщиков у вас в академии нет? Бюджета не хватает?

– Я не пускаю их к себе в кабинет! – рыкнул он и посмотрел на меня с такой ненавистью, что захотелось ойкнуть и сбежать, но я сделала над собой усилие и сдержалась. Начальник как собака – нельзя показывать свой страх, иначе так и будет пугать постоянно. А этот еще и укусить может.

– Очень грамотное решение! – снова не удержалась я, чем, похоже, окончательно вывела его из себя. – И сами не убираетесь? В мои обязанности это тоже не входит! Будем тонуть под горами мусора?

– В ваши обязанности входит все, что я пожелаю. И уборщиков я к себе не пущу! Не хватало еще, чтобы они мне все перепутали, криворукие дармоеды!

За следующие пятнадцать минут я поняла, почему никто тут долго не задерживался. Невинная фраза про уборщиков вызвала бурную и продолжительную реакцию. Арион фон Расс оказался в рабочих вопросах упрямым, скандальным и эгоистичным. И девочка из хорошей семьи Эльмира фон Морр обязательно спасовала бы, но вот Мира, которая повидала на своем веку целых девять неидеальных

работодателей, как ни странно, смогла не только выстоять, но и немного отвоевать позиции.

Сошлись мы на том, что уборщики все же будут, но работать станут под моим непосредственным контролем. После этого ректор изволили метнуть в меня папкой с документами, благополучно промазали и, возжелав кофе, удалились работать. А я закрыла дверь и перевела дух, очень сильно надеясь, что подобное не будет происходить каждый день, а закончится, когда пройдет время притирания друг к другу.

Первый рабочий вечер выдался суматошным. К тому, что мой начальник – несдержанный хам, добавилось понимание: он трудоголик и живет буквально на рабочем месте, как и все мы.

Арион фон Расс или тихо корпел над бумагами у себя в кабинете, или показывался на люди и начинал орать.

На уборщиков, которые тронули вот эту очень важную и опасную для несведущих статуэтку (а что тогда она делает здесь, на полочке, у меня под боком?).

На строителей – ну эти-то ладно, они, как всегда, сделали что-то не то и криво. Я бы и сама на них поорала.

На меня, потому что я была ближе всех, а пар выпустить хотелось, и далее по списку.

Сотрудники, работающие в академии, ходили на цыпочках и старались не попадаться начальству на глаза, поэтому и молились на меня. Я служила буфером между ними и ректором. Не сказать, чтобы такое положение вещей меня устраивало.

В итоге в комнату к себе я приползла в обнимку с Васиком уже после полуночи и рухнула без сил, стараясь не думать о том, что завтра в восемь утра мне нужно стоять перед кабинетом ректора, улыбаться и делать вид, что я счастлива лицезреть недовольное начальственное лицо. Может быть, замуж и не работать – это все же не так плохо? Подобные мысли меня последние три места работы посещали нередко, но я их упорно гнала прочь.

Зато сегодня меня не выгнали, и это уже достижение. А еще я разобрала свое рабочее место, выкинула кипу ненужных бумаг и привела в относительный порядок кабинет ректора. На очереди стояли ведомости, перепутанные личные дела и еще целый шкаф, забитый

бумагами. «Какими-то», – как пояснил ректор. Видимо, от этого пояснения мне должно было стать понятнее.

Приняв душ и переодевшись в любимую ночнушку, я забралась под одеяло, закрыла глаза и почувствовала себя самым счастливым человеком. По привычке посчитала, сколько еще осталось спать, и, опечалившись, что не так уж и много, моментально отключилась.

Доспать до утра мне не дали. Я вскочила, сонно хлопая глазами, потому что услышала повизгивания и шипение, раздающиеся со стороны окна. На подоконнике сидел шушель и пытался выпихнуть в распахнутое окно моего бедного Васику, который выпихиваться не желал и упорно цеплялся листочками за створки.

Я заорала на твареныша и кинулась на помощь. Шушель, чувствуя в моем лице угрозу, схватил цветочный горшок и попытался сигануть вниз. Васик предусмотрительно сжался и постарался зарыться в землю, оставив только тонкие и гибкие отростки. Я в последний миг в прыжке ухватила шушеля за хвост и опасно свесилась вниз с подоконника.

Наглый поганец верещал и пытался вырваться, но, к счастью, не выпускал цветочный горшок. Васус с перепуга выпустил длинные лианы и зацепился ими за все, что можно, – за подоконник и за шушеля. И даже на мою руку намотался и сейчас несчастно пищал. Из ярко-алого в предрассветной дымке он стал грязно-розовым, и на лепестках начали проступать ягодки клубники. Не знаю, на каких инстинктах действовал цветуй, но, увидев знакомые клубнички, шушель восторженно запищал и вцепился в горшок сильнее.

Я держалась одной рукой за подоконник, а второй цеплялась за лохматый шушелев хвост и понимала, что сделать ничего не могу. Тварь с цветочным горшком была мелкой, но вертлявой и тяжелой. Как втащить шушеля и Васику обратно, я не знала. Поэтому пыжилась, пыхтела, с грохотом уронила цветочную вазу, попыталась свободной рукой поймать, в итоге едва не вывалилась из окна сама, завопила громче, но смогла удержаться.

Пузом я лежала на подоконнике, рукой хваталась за створки, ноги болтались в воздухе. Было очень страшно, но отпускать шушеля я не спешила. Ситуация была патовая. Ни туда ни сюда. А силы из-за неудобной позы заканчивались.

Шушелю тоже было неудобно. Он испуганно верещал и болтался, но не делал никаких попыток заскочить обратно, хотя, возможно, просто не мог, так как передние лапы были заняты горшком с Васусом.

Мои вопли все же перебудили соседей, и треск двери за спиной заставил с перепуга вздрогнуть. Наверное, я улетела бы вместе с шушелем и цветущем, но кто-то схватил меня за ноги, потом за талию и бесцеремонно втолкнул обратно в комнату вместе с тваренышем и цветочным горшком. Я для порядка снова заорала, выдохнула и хотела отблагодарить.

Но шушель с визгом выпустил Васику (я едва успела поймать цветочный горшок) и сиганул за окно. Цветочек снова спрятался в землю, а я встретилась с гневно пылающими и очень знакомыми глазами.

– Вы! – припечатал Арион фон Расс, и я испуганно пискнула. – Вы ходячая неприятность! Вы здесь всего ничего, но уже мешаете мне спать! Я вас завтра же отправлю обратно в столицу, предварительно надев на вашу бестолковую голову этот цветочный горшок с сумасшедшим растением! Сейчас четыре утра! Что вы себе позволяете?

– Эт-т-то не я... – писк получился слабым, мышинным. – Эт-то он! – Я показала за окно, туда, где скрылся шушель. – Простите, пожалуйста, я Васику спасала.

На глаза наворачивались слезы. Рано я радовалась, что продержалась хотя бы день. Похоже, сейчас меня и попрут. Было до невозможности обидно. Но не могла же я бросить свой цветочек?

Ректор что-то буркнул и отступил, видимо, немного остыв, а меня запоздало накрыло. Стыд и паника. Я стояла босая, с распущенными волосами. Из всей одежды на мне сейчас имелась серебристая, короткая и очень откровенная ночнушка – полупрозрачный пышный подол и кружево ручной работы на открытом лифе, выгодно подчеркивающим грудь. У каждой же девушки может быть слабость. Моей было белье. Сейчас я пожалела об этом, так как передо мной стоял монументальный, словно скала, сексуальный мужчина в одних домашних штанах. Сильная грудная клетка, рельефные мускулы, пресс, а в глазах – яростный огонь. Аж дух захватывало.

Я покрепче прижала к себе Васику и вздрогнула под взглядом, из которого внезапно начала испаряться злость, сменяясь чем-то другим,

не менее опасным.

– Не знаю, какие цели вы преследуете. – Он снова сделал шаг вперед, и я, вздрогнув, прижалась спиной к подоконнику. – Но ваши крики в ночи, ваш откровенный наряд – все это заставляет мыслить в одном направлении. – Арион фон Расс улыбнулся и наклонился к моим губам, а я боялась даже вздохнуть, потому что и в мыслях не имела кого-то провоцировать. – У меня нет привычки заводить романы с секретаршами, но сейчас... – Он мечтательно закусил губу. – Я готов над этим подумать. Студентов не будет еще целых полтора месяца, а вы все равно дольше не продержитесь ни здесь, ни в моей постели.

– Да вы! – возмутилась я. – Как вы смеете?

– В чем дело, Мира? Вы рассчитывали на брак?

– Я рассчитывала на работу! – Возмущение клокотало в груди. – Меня не интересуют отношения!

– Да ладно! Кому вы врите? Всех интересуют отношения. Даже меня. Спокойной вам ночи. Или... – Он бросил раздраженный взгляд за окно. – Или доброго утра. Не опаздывайте. Я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Он ушел, а я так и осталась стоять у окна. Из всех мерзких ситуаций, в которых я оказывалась за время работы, сейчас я попала в самую мерзкую. На меня запал начальник. Однажды такое уже случалось, но там я сопротивлялась без труда и, когда стало невмоготу, спокойно сбежала. Но в данный момент это место – моя последняя надежда, а Арион фон Расс непозволительно хорош. Но ведь я профессионал и ни за что не сдамся. Наверное, не сдамся. По крайней мере, очень постараюсь.

Сон не шел, и даже думать не хотелось о том, чтобы снова лечь спать. Кто знает, что может привидеться после ночного появления ректора! Поэтому я решила заняться чем-нибудь полезным. Привела себя в порядок, оделась в любимое темно-серое платье, придающее мне уверенности, забрала волосы в строгую прическу, разложила вещи по полочкам в шкафу и, прихватив Васика, который от голода приобрел насыщенно-малиновый цвет и кровожадно щелкал челюстями, отправилась на свое рабочее место.

Без казусов по дороге не обошлось. Васик, прежде чем я успела его оттащить, отхватил кусок висящей на доске почета грамоты, сожрал оставленное кем-то из уборщиков мыло с подоконника и одну

резиновую перчатку. Я решила сбежать побыстрее – конечно, час еще ранний, но мало ли кому по утрам не спится, как и мне.

Я шла на рабочее место намного раньше положенного срока, но решила, что это не страшно. Следовало, во-первых, проявить сознательность и рвение в делах, во-вторых, делать все равно было нечего. Раньше начнешь – раньше закончишь, да и ректора я предпочла бы встретить, уже сидя на рабочем месте. За столом среди бумаг я чувствовала себя старше и увереннее. Ключ от приемной у меня был, а кабинет, насколько я помнила, начальник вчера не закрыл. А если и закрыл, ничего страшного, и в приемной дел невпроворот.

Не учла я только свою невезучесть. Подумала, что после феерического знакомства с новым начальником, сожранных Васиком экспериментальных Труселей и ночных экстремальных развлечений ничего страшного уже произойти не должно, но ошибалась.

Открыв кабинет, я водрузила на окошечко Васика, сунула ему в качестве перекуса скомканную бумажку, которую планировала выкинуть в мусорное ведро, и ринулась в помещение, которое занимал ректор. Если мне повезет, то успею разобрать бумаги в шкафу до его прихода, и можно будет наши контакты в течение дня свести к минимуму.

Дверь и правда оказалась не заперта. Я гордо шагнула внутрь и тут же застряла. Вокруг меня ничего не было, но я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Попыталась повернуться. Кое-как у меня это получилось, но только вполоборота. Лихорадочно подергала руками и одну все же освободила. Но и шагу ступить не смогла. Так и замерла в дверях, словно подвешенная за ниточки марионетка. Справа от меня была полка с трофеями ректора – кубками, баночками с заклинаниями, слева – приемная.

– Вот же шущель! – прошипела я раздраженно. Подобное произойти могло только со мной, и ни с кем больше. Почему же так не везет?

– Нету его тут, – тоскливо отозвался кто-то из-за спины, заставив ойкнуть. Я испуганно задергалась, но никого не заметила и от этого испугалась еще сильнее.

– Тут только я...

Прямо передо мной сгустилось облако, явив взору печального призрака-охранника. Он походил на светло-серую, подрагивающую на

ветру тряпочку с лицом унылого мужичка лет сорока пяти – пятидесяти.

– Это ты меня поймал? – поинтересовалась я, стараясь скрыть дрожь в голосе. Я слышала про призраков-охранников, но в немагических учреждениях, в которых мне довелось работать, таких не держали. И уж тем более я не попадалась в расставленные ими сети, поэтому переживала.

– Ага, я... – безразлично отозвался он и начал медленно таять.

– Отпусти, а? – заканючила я. – Пожалуйста! Мне просто нужно взять документы вон из того шкафа.

– Не могу.

– Почему не можешь-то? – взвыла я. – Я здесь работаю! Отпусти!

– Так не начался еще рабочий день. Он с восьми и до... Ну пока герр ректор не изволит домой уйти. А сейчас рано. Нет еще восьми. Значит, ты тут пока не работаешь.

– Ну отпусти, что тебе стоит?! Я просто встала рано, вот и пришла! Больше не буду, честно-честно!

– Не могу, сказал же.

Призрак летал передо мной, печально заглядывал в глаза, вздыхал, но пути не снимал.

– Почему не можешь? – поинтересовалась я обреченно.

– *Этот* придет, орать будет, – заметил охранник.

Мне не нужно было пояснять, кто «этот», было и так понятно – ректор.

– Скажет: порядок во всем нужен. Сам мусорит, раскидывает все, а от других порядка требует! Знаешь, как тут тяжело работается?

– Да откуда же! – возмущенно фыркнула я. – Ты мне работать не даешь!

– Ничего. Узнаешь, – продолжил он как ни в чем не бывало. – Только привыкнешь к новому лицу, полюбишь, под график подстроишься – сбегает! Я бы и сам сбежал. Так кто ж отпустит?

Призрак вздохнул и в задумчивости завис над ректорским столом. Мне его жалко не было. Хотел бы уйти – ушел бы. Только для таких, как он, это означает окончательную смерть. А призраки держатся за подобие жизни. Стонут, страдают, но и совсем уйти не желают.

Вместо этого я поинтересовалась:

– И долго мне торчать в такой позе? Неудобно, между прочим.

– Пока герр ректор не явится. Герр ректор ближе к восьми приходит и начинает ругаться. Кубками, бывает, кидается! Вот придет, проорется и отпустит тебя. Так что не переживай. Недолго.

– А может, без «проорется» как-нибудь? – с надеждой поинтересовалась я. – Отпусти, а? Давай мы забудем о том, что я сюда пришла? Сделаем вид, будто я просто начала разборку со своего рабочего места, а в кабинет ректора даже не совалась. Ну пожалуйста, нам же работать вместе!

– Не могу! – Темное колышущееся облако с лицом потемнело. Видимо, от злости. – Все думают: призрак-охранник – это никто! Его можно шпынять, даже в кубок засунуть, как джинна, и печатью гербовой заткнуть! Издеваются, как могут! А мне терпи! Не согласен!

– И кто над тобой так издевался? – ужаснулась я. – Ректор?

– Нет. Дочка евойная со своим недомагом.

– Почему недомагом? – уточнила я, понимая, что вникнуть во все хитросплетения жизни академии удастся нескоро.

– Не знаю. Маг как маг, специалист по проклятиям хороший, а недомагом его господин ректор именует. Не любит, видимо. Или, наоборот, любит. Орет чаще всего. Даже чаще, чем на дочурку свою рыжую.

– И за что они тебя в кубок засунули?

Я поняла, что на волю меня не выпустят, поэтому решила пока развлечь себя и послушать рассказы призрака-охранника. Раз не получается сделать ничего полезного до начала рабочего дня, так хоть сплетни местные узнать.

– Мешал я им. Вот как тебе сейчас. Тоже в кабинет сунулись за какой-то надобностью. Я их просто напугать хотел, а они... Целые сутки потом взаперти сидел, пока ректор не выпустил, а в кубке темно, страшно и паутина. Знаешь, как плохо? Нет, не знаешь, ты же не сидела. Вот после того случая я всех неожиданных гостей паутинкой встречаю. Оно надежнее. И поговорить можно спокойно, иначе велик шанс получить заклинание в лоб и снова угодить в кубок. А герр ректор еще ругался потом на меня. «Какой же ты, – говорит, – охранник, раз с двумя недомагами не смог справиться? Никакой». Поэтому и тебя не выпущу.

– А я-то тут при чем?

– А все при том! Они недомаги, а ты вообще обычный человек. Если тебя упусти, достанется еще больше. Так что сиди тут. Осталось не так уж и много. Часика полтора.

Я вздохнула и смирилась со своей судьбой. Очень не хотелось попадаться ректору на глаза в беспомощном плененном состоянии, но выбора никакого не было. Сейчас я, по крайней мере, одета не в прозрачную ночную сорочку. Если оставаться честной, мне вообще не хотелось попадаться ректору на глаза, но это мечты, которым сбыться не суждено. Я была настроена проработать здесь долго и плодотворно, вдруг наконец-то получится создать себе нужную репутацию, несмотря на все сложности и плохую карму.

Я смирилась со своей участью и так бы и висела мирно до прихода ректора, проклиная собственную невезучесть, если бы, повернувшись в сторону приемной, не заметила мелькнувшую возле зазевавшегося Васика лохматую пушистую тварь. Шушель! Вот почему он вздумал появиться именно сейчас, когда мой цветочек совершенно один, беспомощный стоит на окошке и тянется листочками к солнышку!

– Пусти! – крикнула я призраку и рванула из пут. Лохматый гаденыш уже потирал лапки и прицеливался к моему Васусу. – Кыш! – завопила я, пытаюсь прогнать демоненка, но ясное дело, он только мстительно хихикал, повизгивал и больше никак не реагировал. – Пусти же! – это уже призраку-охраннику.

– Не положено! – меланхолично отозвался он.

Я рванулась сильнее, схватила с полки первый попавшийся флакон и под вопль охранника: «Что же ты творишь? Нет!» – метнула его в шушеля, который пытался утащить мой цветочек.

Твареныш взвизгнул, бросил горшок на краю стола и попытался увернуться. В итоге флакон настиг его в полете прямо в центре приемной. Раздался звон стекла, шушель исчез в воздухе, а на полу в центре приемной образовалась темная лужица неизвестно чего.

Горшок с Васусом качнулся на краю стола, пошатнулся и под мой горестный вопль полетел на пол. Но вместо того чтобы разбиться, просто исчез, едва коснувшись мокрого пятна на ковре.

– Ну что ты наделала? – запричитал охранник у меня за спиной, а я пожалала плечами, надеясь, что все не так страшно, как мой тюремщик

пытается показать. Только вот Васика жалко до слез. Куда он мог запропасться?

За следующие пятнадцать минут я извелась, издергалась в паутине, и даже призрак-охранник начал смотреть на меня с жалостью, впрочем, так и не отпустил. А я и не просилась больше. От него я узнала, что именно было в бутылочке, и от этого чувствовала себя еще более отвратительно, так как прекрасно понимала, чем грозит моя неуклюжесть. В лучшем случае – выговором, а в худшем... Проще даже не думать.

Ректор хранил на полке концентрированное заклинание портала, которым пользовался, как правило, для того, чтобы не пропустить важное совещание в министерстве. А я пролила жутко ценную жидкость на ковер и не была уверена, что моей зарплаты хватит, чтобы расплатиться. Очередная неприятность, в которую я вляпалась. Ни один работодатель не станет терпеть на рабочем месте подчиненного с кучей проблем.

Когда начальник появился на пороге приемной, он сразу же заметил меня и протянул:

– У-у-у, какая птичка попала в мои силки. – В приятном бархатном голосе прорезались мурлыкающие нотки. – Мира, а не думаешь ли ты, что это знак?

Я не слушала. Мне показалось, что он слишком близко подошел к опасной зоне – мокрому пятну в центре приемной. Мы с призраком в унисон крикнули: «Не-э-эт!» – но было поздно. Ректор попал ногой на пятно, оставшееся от пролитого заклинания, и с совсем неподобающим его статусу воплем пропал, а я застонала от беспомощности.

– Ну теперь-то ты меня выпустишь, ирод? – крикнула я призраку-охраннику, но он исчез. По подозрительно подпрыгивающему кубку на полке я предположила, что спрятался в него. А ведь вопил как? Обидели! В кубок засунули! Ничего, стоило жареным запахнуть, как сам спрятался и носа не кажет из своего убежища.

Хуже было то, что способность двигаться не вернулась, а у меня пропали любимый цветуй и ректор. По поводу первого я переживала, второе вызывало панику.

«Помощница, по вине которой начальник сгинул», – от одной мысли о подобной записи в личном деле у меня волосы на затылке

зашевелились и стало нехорошо.

В ближайшее время нужно было решить: то ли позвать на помощь, то ли попытаться выманить призрака-охранника, то ли подождать чуть-чуть. Вдруг ректор появится сам, так же внезапно, как и исчез. О последнем я мечтала, даже не вспомнив, что с утра не хотела его видеть. Как-нибудь уж вытерплю и насмешки, и двусмысленные намеки, и даже ругань. Лишь бы было от кого.

Впрочем, сейчас высшие силы услышали мои мольбы, и спустя недолгое время в дверях показался герр ректор собственной персоной. Он был зол, как демон. Глаза светились красным, и под мышкой он держал Васуса. Васик испуганно прятался в землю. Бледные стебли подрагивали, но горшок был цел. Похоже, цветочек не пострадал.

От сердца отлегло, правда, ненадолго. Я дернулась вперед, но паутина не пустила.

– А в курсе ли вы, милая барышня, что я вашими стараниями сейчас попал в приемную министерства? – с шипением начал ректор. – И министерские дамы были крайне напуганы. Потому как сначала на них с потолка упало визжащее лохматое существо, правда, быстро растворилось в стене, не успев никого довести до инфаркта. Потом свалился цветочный горшок с прожорливой геранью. Ну а после весьма неэлегантно явился я собственной персоной в неназначенное время и помешал пить чай! – говорил ректор подозрительно тихо и спокойно, поэтому душа у меня ушла в пятки и руки затряслись от страха.

– Так утро же совсем... – проблеяла я не в тему, лишь бы не молчать. – Рано для чая.

– Про двухчасовую разницу во времени со столицей ты, ветреная моя цветочница, предпочла забыть. Правильно, такие мелочи не должны волновать юных блондинок. Вот скажи мне, Мира, от тебя всегда столько убытку?

– Я нечаянно! – Из груди вырвался всхлип.

– Кто бы сомневался! – саркастически отозвался ректор. Поставил цветочный горшок на стол и подошел ближе. – Зачем ты швырялась заклинанием портала? Ведь оно именно так оказалось в виде лужицы на полу?

– Я хотела Васику помочь! Вот и кинула первым попавшимся! И вообще, если бы не ваш охранник, который меня обездвижил, все было

бы хорошо.

– Хорошо, говоришь? – Ректор наступал на меня, а я даже сбежать не могла. Только дрожала от страха и мечтала свалиться в обморок. – Ты одна большая непрекращающаяся трагедия. Даже моя нежно любимая дочь Кассандра теряет баллы рядом с тобой. Она неспособна причинить столько ущерба на ровном месте!

– Ну я правда не виновата и случайно! – Оправдание вышло жалким, детским и недостойным специалиста со стажем, но что я могла поделать, если правда такова?

– Твоя герань сожрала важный документ в министерстве! И угадай, кому за это досталось? – прошипел Арион фон Расс, наклонившись к моему лицу.

– Ой! – Я прикрыла рот ладошкой, но нашла в себе силы тоненьким голоском поправить: – Васик не герань.

– Да мне до демонов! – взорвался ректор, и от крика у меня заложило уши. – Вот скажи мне, белобрысое скопление неприятностей, есть ли у меня хоть одна причина, чтобы оставить тебя здесь работать, понимая, что неприятности – это составная часть твоей жизни?

– Да. – Я лихорадочно искала ответ. – Даже две. Другой помощницы у вас нет. И я действительно умею работать с бумагами. Я училась и была отличницей! Правда! Это потом на меня свалилась невезучесть! Но я трудолюбивая и постоянно борюсь со своими недостатками!

– Да? – Он хмыкнул и приблизился вплотную, так близко, что я могла разглядеть алые всполохи демонического пламени у него в глазах. – Нет, цветочница. Эти причины – полнейшая ерунда. Мне всегда кого-нибудь находили! И многие кое-как с обязанностями справлялись. Знаешь, в чем основная причина?

– В чем? – пискнула я.

– В отличие от всех остальных, ты меня хоть и раздражаешь, но совершенно в ином и очень волнующем смысле. Мне будет приятно на тебя смотреть. Поэтому так и быть, твори беспредел на моей территории. Но учти: рано или поздно моему терпению придет конец, и тогда ты вылетишь. В твоих интересах сделать так, чтобы это произошло как можно позже!

Он отступил.

Я выдохнула, но, как оказалось, рано. Арион фон Расс раздраженно добавил:

– А сейчас – работать, и так задержалась на полчаса!

– Я?

Возмущенный вопль замер в горле, но я все же нашла в себе силы замолчать и сдержаться. Похоже, мне придется не просто трудно, а непередаваемо трудно. Про явный интерес начальника я предпочитала не думать. Это, конечно, крайне неприятно и опасно, но именно по этой причине Арион фон Расс меня не выкинул сразу же. Значит, буду ходить по лезвию. А что еще остается?

Глава 3. Со страхами – лицом к лицу

Всю первую половину дня я упорно изображала обычную серую мышь. То есть сидела тихо, периодически негромко шуршала бумагами и вздрагивала от каждого шороха. К счастью, начальнику было не до меня. Сначала он громко орал за закрытыми дверями кабинета на призрака-охранника, потом с бухтением и воплями убирал стационарный переход, после этого отправился в традиционный обход по академии. Я так понимаю, чтобы все остальные здесь работающие, не дай боги, не расслабились и не забыли о существовании начальства.

Пока Арион фон Расс отсутствовал, я наслаждалась – это были самые спокойные и плодотворные полчаса за весь мой рабочий день. Васик мирно стоял на окне и дожевывал стащенную из коробки печенюшку, я подшивала дела и наслаждалась тишиной. А потом ректор вернулся и внезапно вспомнил о моем существовании.

– Итак, моя тихая и, к удивлению, ничего не натворившая цветочница. Ты сегодня пристойно справились с работой уборщицы и доказала, что, наверное, из тебя бы вышла неплохая жена. Пылюку на подоконниках протерла, цветочки полила... Все, кроме своего монстра, – его ты не иначе как кровящей ночью поишь. Бумажки в стопочки сложила красиво и аккуратно, а теперь пришла пора поработать по специальности и доказать, что диплом твой честно заслуженный, а не купленный в ближайшей подворотне у талантливого мага. Хотя печать на нем стоит, и с виду совсем настоящая, а я подделку определить могу.

Я сглотнула и кивнула. В глазах дрожали слезы, но я сдерживалась и молчала. Не хватает еще продемонстрировать свою слабость. Не дождется. Ни за что не покажу, что мерзкий тиран меня довел.

– Куда ты приехала работать? – хитро поинтересовался он. Не понимая, где кроется подвох, я послушно ответила:

– В магическую академию.

– Правильно. Заведение у нас учебное, соответственно, все мы следуем некоторым правилам. В обязательном порядке, в числе прочего, разрабатываем программы к новым учебным курсам. С этим

все очень строго. Причем не только у меня, но и на министерском уровне. Мои преподаватели в большинстве своем – люди дисциплинированные и программы уже сдали. Еще бы не сдали! – Он нехорошо усмехнулся. – Нет программы – нет отпуска. Но есть среди нас те... – Ректор помрачнел и обиженно засопел, – кому отпуск без надобности, и они программу по курсу некромантии не сдали до сих пор. А меня ругают в министерстве. Тебе сейчас предстоит навеститься к профессору Сазейру и объяснить ему, что программа должна быть у меня на столе. Самое позднее – через неделю!

С каждым словом голос ректора становился чуть громче, и я поморщилась.

– Он еще в прошлом году ее должен был разработать. Он пришел к нам в феврале и всю весну, а это, считай, практически полностью второй семестр, читал предмет без программы. Вот как так? Предмет есть, а программы нет. Непорядок!

– Ну зачем же так кричать? – тихо спросила я и осторожно взяла из рук ректора папку, которой он размахивал так, словно пытался прибить стадо мух. И тут до меня дошло, кто такой профессор Сазейр и почему мне казалось, что я уже слышала это имя.

Ректор с гаденькой усмешкой удалился к себе в кабинет, а я так и осталась стоять с папкой посреди приемной. Руки тряслись, губы – тоже, а колени подкашивались. Первым порывом было схватить Васику, покидать вещи в чемодан и сбежать к шушелям из этой проклятой академии. Хотя почему – к шушелям? К мамочке с папочкой и их пухлому блокноту со списком женихов. Для меня даже подвенечное платье уже было заготовлено. Как раз на такой случай.

Безрадостные перспективы меня отрезвили. Я выдохнула, смахнула слезинки с ресниц, взяла с подоконника Васику, решительно направилась к кабинету ректора и постучала в дверь.

– Можно?

– Нет, Мира! Нельзя! Пока не поговорите с профессором Сазейром, ничего вам нельзя. Идите уже!

– Но я Васику хотела вам оставить... – Я все же заглянула в кабинет и испуганно ойкнула, встретившись взглядом с раздраженным ректором.

– И зачем мне нужна твоя кусачая герань? Чтобы она сожрала что-то нужное? Нет уж!

Я начала ныть:

– Ну вы его поставьте в стороночку и дайте ненужную бумажку. Он будет занят и никого не тронет. Вдруг его снова шушель обидит?!

– Ага! Может быть, его еще погулять вывести?!

– Погулять не нужно! Ну как я с ним пойду? А если он кусок профессора откусит? Что делать-то будем?

– А он может? – несколько испуганно уточнил Арион фон Расс.

– Понятия не имею. – Я пожала плечами. – Кто же его знает. Васик все ест. А профессор – он ведь малость неживой.

– Поставьте на стул! – недовольно скомандовал ректор и показал, на какой именно. Отсюда Васик не должен был ни до чего достать.

Я оставила свой цветочек и поспешила к двери, надеясь, что не грохнусь в обморок в самый неподходящий момент.

Я честно пыталась не бояться. По коридору шла уверенной походкой, только побледнела чуточку – об этом мне поведало огромное зеркало в холле. Коридоры академии были пусты. Народ разъехался на лето, и остались лишь самые большие энтузиасты или те, кто провинился и был за это лишен отпуска. Ну и обслуживающий персонал. Как ни странно, меня уже узнавали, вежливо кивали и раскланивались. Зажимая под мышкой пухлую папку с документами, я понимала, почему. Личная помощница – звено между начальником и подчиненными. Гадостную новость можно сообщить ей и не огрести по первое число. И с неприятной просьбой придет она, а не начальник – и это очень удобно. Можно тактично отказаться. Крайней всегда останется помощница.

Я все это знала давным-давно, но только тут поняла, насколько катастрофичным может быть подобное положение вещей. Быть вечно крайней у начальника-тирана по-настоящему страшно.

Профессор-лич обитал, как и полагается умертвию, практически в склепе. Его кабинет, аудитория и личные апартаменты располагались в подвале. Мне пояснили, что он всю весну вел занятия в обычных аудиториях, но на следующий учебный год вытребовал себе личные удобные апартаменты. Кстати, меня до глубины души поразила история о том, как он воскрес. Оказывается, его случайно подняла – и ключевое слово тут «случайно» – дочка ректора. В этот момент я начала немного понимать Ариона фон Расса и ему сочувствовать.

Если изначально мне показалось, что быть дочерью тирана сомнительное удовольствие, то сейчас я осознала, что ректор и дочка – одного поля ягоды. И неизвестно, кому повезло, а кому – не очень.

Темный коридор с узкой каменной лестницей вел в подвал. Расположенные на стенах магические светильники давали совсем немного света, и было жутковато. Несколько поворотов, три двери, за которыми находились складские помещения, и я добралась до места назначения.

Я долго медлила перед дверью во владения лича. Топталась на месте и думала, как решиться постучать. Что потом сказать, как себя вести с не первой свежести трупом, который ходит и говорит? Нужно поблагодарить за то, что он донес меня до моих апартаментов, или не стоит акцентировать внимание, все же в обморок я упала, увидев его? Стоит извиниться за свое поведение или все же разумнее промолчать?

Может, просто сразу перейти к делу? А дело, как я поняла, неприятное. Предполагаю, вредный герр ректор уже подходил к профессору-личу с просьбой составить программу и был послан в далекие дали. Не знаю, сколько бы времени я мялась возле двери еще, если бы она сама не распахнулась у меня перед носом – резко и неожиданно, вырвав меня из состояния задумчивости.

Я отпрыгнула, вскинула голову и уставилась в полыхающие алым глазицы. Безгубый рот искривился в кровожадной усмешке, и я опять допустила ту же ошибку, которую и в прошлый раз. Вот была готова к тому, что увижу, но эффект неожиданности все же сыграл злую шутку. Я не успела морально подготовиться, громко заорала и хлопнулась в обморок. Правда, предварительно протянула личу папку с документами.

Когда пришла в себя, сразу же испытала неловкость. Ну разве так можно? Мне же с ним работать дальше, а я второй раз в обморок падаю! А ну как он расскажет ректору, и что тогда делать? Идти паковать чемоданы из-за собственной нелепой впечатлительности? Надо с собой бороться и учиться не реагировать столь остро.

Я медленно открыла глаза и чуть снова не отключилась. Непонятный ветерок, который заставил меня очнуться, доносил запах тлена. Сверкающий сочувственным оскалом лич заботливо обмахивал меня папкой с документами. Я не заорала лишь потому, что потеряла дар речи, в горле застрял комок.

– Любит Арион над сотрудниками издеваться, – прошелестел лич, увидев, что я очнулась. – Причем к каждому находит свой, особенный подход. Меня вот программу заставляет разрабатывать, хотя знает, что я и при жизни не любил заниматься подобными неприятными вещами. Вас – ко мне отправил и убил сразу двух зайцев.

Лич отступил, кинул папку на стол и расположился в кресле возле погасшего камина.

Почувствовав, что опасность миновала, я немного осмелела и поинтересовалась, пытаюсь осмотреться и понять, куда попала:

– Каких?

Вокруг было сумрачно, промозгло, и я готова была спорить, что сейчас нахожусь в гостях у лича. Похоже, он снова меня перенес на руках. В этот раз, правда, не в мои апартаменты, а в свои. Вот же шушель, как неловко!

Дивана у лича не было, кровати – тоже, зато в наличии имелся каменный саркофаг с подушечкой и шелковыми простынями. Вот там я и лежала. Признаться, было удобнее и комфортнее, чем на каменном полу в коридоре, но сам факт заставлял сердце сжиматься, и мне было очень сложно контролировать себя. Я не орала и не бежала лишь потому, что чувствовала слабость, а из саркофага с высокими стенками так просто не выскочишь.

– Вас напугал и в неловкое положение поставил, и меня подловил, – медленно пояснил лич. – Его-то бы я сразу отправил куда подальше с программой, например, в министерство. Я тут, так сказать, на добровольных началах преподаю, денег не получаю, штатной единицей не числюсь, и зачем мне программы писать? А вас отправить к этому тирану без результата не могу, вам и так не посчастливилось у него работать.

– Так, может быть, вас того... – поинтересовалась я. Вид лича уже не вызывал оторопь. Я по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке, но уже не была близка к обмороку.

– Упокоить? – буднично поинтересовался лич.

– Нет-нет! – поспешила я поправиться. – Ни в коем случае! Я другое имела в виду. Трудоустроить.

– Трудоустроить? – Предложение, похоже, поразило профессора до глубины души. – Дорогая моя Мира, а зачем же мне нужны эти лишние телодвижения и хлопоты? Увольте от подобного счастья.

Сейчас программы – моя добрая воля. Как только я буду работать официально, они превратятся в унылую обязанность. Нет уж. Мне нравится, как Арион за мной бегаёт. Согласитесь, у него премерзкий характер, кто-то же должен доставлять ему такие же неприятности, какие он привык доставлять другим. Вы со мной согласны?

– Наверное... – Я осторожно села, все же чувствуя себя очень неловко. Было стыдно, страшно и чуточку противно.

Руки дрожали, ноги – тоже. Естественно, когда я начала вылезать из саркофага, то зацепилась носком туфли за бортик, рыбкой полетела вперед и вниз, лихорадочно замахала руками, сбила что-то на столе и вцепилась в первое, что попало под руку, – рукав лича.

Удержаться все равно не вышло. Увлекая профессора за собой, я рухнула на пол. Единственной мыслью было: «Лишь бы не сломать ценного и бесплатного сотрудника академии».

К счастью, лич оказался на удивление прочным и даже умудрился изловчиться и не упасть на меня сверху, а устоять на ногах.

– П-п-простите... – прошептала я с пола и взвыла в голос, когда заметила, что папка с документами, которую я принесла личу, выпала у него из рук на стол. Падая, я задела чернильницу, и теперь на бумагах расплывалось огромное чернильное пятно.

– Вот что за шумель?!

– Ну не совсем чтобы шумель. – Лич посмотрел на меня строго, и я снова едва не рухнула в обморок. Все было не просто плохо, все было ужасно.

– Это мое вечное невезение! – На глаза навернулись слезы.

– Правда, что ли? – уточнил лич, который брезгливо держал двумя пальцами листочки и задумчиво наблюдал, как на пол с них падают жирные чернильные кляксы. – И давно вам так не везет?

– С момента получения диплома! Что бы я ни делала, все получается...

– Как сегодня. Да?

– Обычно еще хуже, – покаялась я.

– Подойдите сюда! – скомандовал лич и выкинул пришедшие в негодность документы в мусорную корзину.

– Мы сможем это восстановить? – тихо простонала я.

– Мы? – На лице лича мелькнуло удивление. – Мы – нет. Это программа по курсу бессмертных проклятий на следующий год,

которую ректор подsunул мне в качестве образца. Ее делал аспирант Ариона Демион фон Аррис. Он сможет.

– Неужели из-за меня кому-то придется переделывать работу? – Мне стало плохо. Я ужасная! Отвратительная личная помощница!

– Ему не привыкать. – Лич отмахнулся. – Вы представляете, что такое быть аспирантом у нашего ректора? Демион – смышленный молодой человек, должен был оставить себе копию. Если у него ее нет, он дурак. А дураков надо учить. Подойдите сюда, Мира. Я вас не укушу! Что вы, ей-богу, как студентка-первокурсница!

Я не посмела возражать и осторожно, бочком, приблизилась к личу. Он обошел сзади и положил пахнущие тленом руки мне на плечи. Признаюсь, я закрыла глаза и принялась молиться, чего не делала никогда.

– Перестаньте! – раздраженно отозвался он. – Вы мне мешаете своим навязчивым бормотанием!

– Так я про себя!

– Без разницы. Все равно раздражает.

Я послушно попыталась перестать, но тогда в голову начали лезть самые разные мысли, от которых самой стало тошно. Лич снова не выдержал и посоветовал:

– Уж лучше молитесь, фон не такой беспокойный, хотя и раздражает порядочно.

Решив, что когда говорю, меньше думаю и, соответственно, меньше нервную лича, я задала вопрос:

– А что вы, собственно, делаете?

– Ищу проклятие, – как ни в чем не бывало пояснил профессор и продолжил свои манипуляции.

– Проклятие? – удивилась я. – Какое проклятие?

– А это нам с вами расскажет Арион. Он же у нас в академии специалист во всем! – с издевкой резюмировал лич.

Я не поняла, сарказм относится ко мне и ситуации или к персоне ректора.

Профессор бесцеремонно схватил меня за руку и потащил к выходу. Я от этого действия в обморок не рухнула и поэтому возгордилась.

– И все же? – Я не отставала. Практически перешла на бег, чтобы успевать за профессором. – О каком проклятии вы говорите?

– О вашем. Или вы наивно считаете, будто невезучесть имеет естественные причины?

– Хотите сказать, меня прокляли?! – поразила я настолько искренне, что лич хмыкнул.

– Странно, что вам самой это в голову не пришло. Неужели всю жизнь не везло?

– Мне всегда очень даже везло, – призналась я. – Иногда даже слишком. Самый простой билет на экзаменах, научный руководитель, к которому хотела попасть. Я думала, мое невезение – это расплата за чрезмерную везучесть раньше.

– Ваше невезение – следствие чьей-то зависти и злобы, – возразил лич. – Признайтесь, много врагов было? Я так понимаю, ваши проблемы начались после выпуска? Кого вы из одноклассников бесили?

– Ну многих. – Я пожала плечами. – Я легко поступила, легко училась и еще до написания диплома получила первое предложение работы. А у нас коллектив был преимущественно женский и завистливый.

– Что я вам могу сказать, Мира. – Лич развернулся и сверкнул глазами. – Вы влипли. Причем, похоже, очень давно.

– А как мне из этого вылипнуть? – несчастно уточнила я.

– Даже не знаю... Найти того, кто наложил проклятие.

– А если это не представляется возможным?

– Ну тогда вы долго не проживете. Однажды вам на голову упадет кирпич или вы поскользнетесь на вымытом полу. Смерть будет ранней и глупой. Стандартный исход для таких проклятий.

– Но я до сих пор жива...

В горле застрял ком. Перспективы вырисовывались нерадужные.

– И это чудо, я бы сказал. Наверное, это ваше врожденное феноменальное везение вступает в конфликт с проклятием.

– Что это значит?

– Это значит, что вы легко отделались.

Когда мы вошли в кабинет к ректору, то застали удивительную картину. Лич даже замер в проходе и жестом велел остановиться мне. Арион фон Расс стоял к нам спиной, что-то неразборчиво бормотал себе под нос и пытался скормить Васику простой карандаш. Я уже даже рот открыла, чтобы поинтересоваться, когда сообразила, чем

именно занимается ректор. У его ног на полу валялись изгрызенные остатки карандашей, а ректор бухтел:

– Ну вот что же ты творишь-то, погань прожорливая! Говорю же тебе, по чуть-чуть и по кругу. Вот так...

Ректор магической академии, умнейший человек, гнева которого боялись даже в министерстве, с помощью моего Васика пытался точить карандаши.

– Арион, – начал лич. – Тебе точилку, что ли, подарить на ближайший праздник? Что ты дурью маешься?

Ректор вздрогнул, скривился, но не подал виду, что наше появление застало его врасплох. Он с удовольствием обозрел очередной, на сей раз остро отточенный карандаш и заметил:

– А вы, профессор Сазейр, не острите. Не подарите вы мне точилку, так как не на окладе. Средств у вас необходимых не имеется.

– А вот эта милая девушка говорит, что меня надо трудоустроить, – даже не задумавшись, сдал меня лич.

Я сглотнула, поймав угрожающий взгляд ректора, и попятилась. Естественно, наткнулась на полку и обрушила бы все, что на ней стояло, если бы меня не удержал лич.

– Вот что с ней делать, а? Ходячая катастрофа! – простонал Арион фон Расс, задав профессору риторический вопрос, но лич совершенно серьезно ответил:

– Что-что? Либо отправлять куда подальше, чтобы грех на душу не брать, либо избавлять от проклятия.

– Не нужно меня никуда отправлять! – пискнула я и спряталась за спину лича. Внезапно я поняла: он меня пугает значительно меньше, чем ректор.

Арион фон Расс смотрел на меня, словно на клопа, – явно решал, прихлопнуть на месте или не поганить ковер. Кажется, даже Васик его раздражал меньше.

– Вот как вы думаете, профессор Сазейр, – протянул ректор, демонстративно отвернувшись от меня, – в агентстве специально подсунули мне бракованную секретаршу или у них, как всегда, само так получилось?

– Арион, ты себе льстишь! – прошелестел профессор и шагнул в сторону, оставив меня беззащитной перед пронизывающим взглядом черных глаз ректора. – Решай, что будешь делать. Но так это оставлять

точно нельзя. Она себя угробит и тебе академию спалит. А я еще не воспитал достойную смену.

– Все не теряешь надежды, что тебя кто-то упокоит? – хмыкнул ректор. – Вряд ли дождешься.

– А потому что набираете не пойми кого! Ты заявления на отделение некромантии видел? Через одно – сопливые девчонки!

– Не переживай, – с несвойственным ему флегматизмом отозвался Арион. – Половина из них отсеется на первом же этапе экзамена, который будешь принимать ты. Вон, от твоего вида даже секретарши в обморок падают. Или вы думали, я не в курсе? – Ректор мерзко хихикнул, но тут же собрался и продолжил, сменив тему: – А среди оставшихся вдруг будет та самая жемчужина, ради которой не грех перелопатить кучу навоза?

– Сам-то себе веришь? – поинтересовался лич и удалился, а я осталась наедине с ректором ожидать приговора.

Почему-то я была на сто процентов уверена, что возиться он со мной не станет. Одно дело – невезучая секретарша, другое – секретарша проклятая. В учебном заведении такую бомбу замедленного действия держать чревато.

– Паковать чемоданы? – уныло уточнила я.

– Что же ты, Мирочка, так быстро хочешь от меня сбежать? – поинтересовался ректор тихим, вкрадчивым голосом.

Я ойкнула и отступила, пугаясь его напора.

– Потому что проклятие... а тут дети...

– Ну, во-первых, до детей у нас с тобой еще долгих полтора месяца, а во-вторых, эти дети сами кого хочешь проклянут. Поэтому я предлагаю тебе сейчас идти к себе в комнату и отдохнуть. Герань свою не забудь, она мне тут не нужна, а вечером ты составишь мне компанию за ужином.

Не успела я возмутиться, как ректор добавил:

– Кстати, я цветуй твой слегка подпортил. – И как ни в чем не бывало отошел к столу.

Я взвыла и кинулась проверять Васику. На каждом его листочке был зверски выцарапан непонятный знак.

– Вы! – возмутилась я. – Вы! Как вы могли!

– Зато шушель не увидит. Так что спасибо скажите.

Спасибо я говорить не стала, сунула цветочный горшок под мышку и гордо удалилась.

Глава 4. Несмертельное проклятие

К себе я примчалась буквально через пять минут – так сильно торопилась. Едва не сбила в коридоре вахтершу со шваброй, налетела на стремянку и разлила банку с краской у рабочих, скомканно извинилась, услышала в свой адрес совсем неуместную в академии брань и наконец очутилась в относительной безопасности в комнате.

Залезла на кровать с ногами, прижала к себе Васика и крепко задумалась о своей тяжелой судьбе и несложившейся карьере. Значит, проклятие? Вот никогда бы сама до этого не додумалась, если бы лич, который оказался совсем нестрашным и очень полезным, не подсказал. После его слов ситуация стала ясна как божий день.

Я вспоминала свою жизнь до и после университета. Прикидывала, анализировала и пришла к выводу: кто бы ни проклял меня, сделано это было на церемонии вручения диплома. Так как первый казус произошел со мной именно там, когда я, пунцовая от смущения и гордости, спускалась по ступеням со сцены, прижимая к груди диплом. Меня хвалили, пророчили светлое будущее и блестящую карьеру, поэтому нет ничего неожиданного в том, что я зацепилась каблуком за ступеньку, полетела кубарем вниз и изорвала платье. Тогда я списала все на волнение.

А пока я ездила домой, переодевалась, искала другой, менее пафосный, но все же пристойный наряд, все мои согруппники напились, и я застала своего жениха в объятиях первой красавицы курса. Вообще тогда я подумала, что мне повезло. Впрочем, наверное, так и было. Об измене я могла узнать и после свадьбы. Ну а после этого случая неприятность стала моим вторым именем.

Как ни странно, мысли, обычно приводящие к дурному настроению, сегодня оставили меня безучастной. Все это было в прошлом, но вот думать, будто тебя проклял кто-то из пятнадцати человек, с которыми ты пять лет училась в одном месте, сидела рядом в аудиториях и сдавала массу зачетов и экзаменов, было крайне неприятно. Это не давало покоя.

На самом деле у меня было несколько кандидатур. Мой бывший, который не хотел, чтобы я строила карьеру, а сам связался с Рокси –

роковой брюнеткой. А мотив? Надеюсь, что я прощу и вернусь? Рокси, которая долго пыталась отбить у меня Крису. Но зачем ей? Она ведь добилась своего. Насколько я знаю, у них уже есть ребенок. Еще близняшки Пелл и Мэлл, они меня не любили за ту легкость, с которой я училась. Ну и пара-тройка заучек, считавших, будто я получила красный диплом незаслуженно. В любом случае сейчас узнать, кто сделал мне такую гадость, нельзя. Может быть, ректор надо мной сжалится и уберет мое невезение? Вообще, это и в его интересах тоже.

Ободренная этой мыслью, я отправилась собираться на ужин. Это мероприятие тоже не вызывало ни малейшего восторга, но выбора не было. Мое положение в академии и так было крайне шатким. А я очень хотела сохранить работу и избавиться от проклятия.

Васика пристроила на прикроватную тумбочку и уже повернулась к шкафу, когда заметила неясную тень на подоконнике – шушеля. Визжать не стала, но на всякий случай сняла тапку и, ухватив ее поудобнее, начала наблюдать за происходящим.

Твареныш по-свойски забрался на подоконник и закрутился на месте, словно что-то вынюхивая. Длинный носик дергался, шушель исследовал подоконник и, не находя желаемого, нервничал сильнее. Сопение превратилось в повизгивание, и скоро демоненок зарыдал так громко и искренне, что даже у меня кольнуло сердце. Васик пошел клубничинами, потянул к шушелю листочки, но так и остался незамеченным – заклинание ректора работало. А мне стало до ужаса стыдно. Это ведь из-за меня зверь лишился последней игрушки и теперь страдает.

Пока шушель горестно завывал на подоконнике, я, окончательно размякнув сердцем, полезла в сумку, достала кусочек завалявшейся в углу печенюшки и протянула ее зверю. Он брал очень боязно и осторожно. Подбирался ко мне, тихонечко переступая лапками, преданно заглядывая в глаза и вызывая умиление. Аккуратно понюхал сначала печенюку, потом руку, взял лакомство передними короткими лапками и, с наслаждением хрюкнув, тянул меня за палец. Я ойкнула, отскочила, а демоненыш мерзко захихикал, раскрошил печенье на ковер, смачно плюнул и, навалив огромную зловонную кучу на подоконник, скрылся в вечерней дымке.

– Вот ведь тварь! – выругалась я, зажимая кровоточащий палец, вдыхая непередаваемое амбре и проклиная себя за мягкотелость.

В этой ситуации хорошо было только одно. Я убедилась в том, что, пока не исчезли знаки, нарисованные ректором на листочках Васика, шушель мой цветочек не увидит, а значит, и напакостничать не сможет. Это успокаивало.

Я обработала кровоточащую ранку, заклеила палец зеленоватой субстанцией, которую целительница в лавке рекомендовала как чудодейственное заживляющее средство, и убрала все следы пребывания демоненыша в моей комнате. Взглянула на часы и поняла, что подготовиться как следует к ужину с Арионом фон Рассом не успеваю. Впрочем, это было неудивительно. У меня редко что-либо получалось сделать без форс-мажорных ситуаций.

Пришлось бежать в душ, в котором минут через пять (едва я только успела намылиться) закончилась горячая вода. К таким вывертам я привыкла, поэтому, стуча зубами, окатилась ледяной и стала отогреваться, кутаясь в теплый халат. Одновременно пыталась спешно высушить волосы. На укладку уже не оставалось времени, а раз не получалось изображать чопорную даму, платье я подобрала тоже менее строгое, чем обычно. Светло-голубое, с открытыми плечами, но скромным вырезом и струящимся шелковым подолом.

Отражение в зеркале мне понравилось – лучистые синие глаза, ямочки на щеках, волосы, рассыпавшиеся по плечам свободной волной и слегка вьющиеся на концах. Ресницы хорошо бы подчеркнуть тушью, но времени не осталось. Я сунула ноги в босоножки и помчалась по коридорам, надеясь, что не вляпаюсь по дороге в неприятности.

Самая главная неприятность ожидала меня в конце пути. Перед ней померкла и разодранная на лестнице коленка (хорошо хоть платье уцелело и ссадину скрывало), и сломанный при падении ноготь, и даже то, что я запуталась перед этим в шторах, которые вешали две немолодые и пока незнакомые мне женщины.

Их возмущение было искренним. Я получила выговор и чувствительный магический заряд в зад, рассыпалась в извинениях и понеслась дальше. Еще три года назад я, наверное, задрала бы нос и обязательно донесла до всех вокруг, что я не просто мимо пробегающая встрепанная девчушка, а личная помощница. Нас учили, что это звучит гордо. Но сейчас мне было наплевать – только бы успеть, а с имиджем и значимостью можно разобраться позже. Все

равно судить обо мне будут по делам, а не по статусу. Пока ничего полезного для академии я не сделала. И оправдывало меня лишь то, что прошел всего один рабочий день.

Знала бы я, куда тороплюсь. В кабинете ректора не было, зато изрядно смущающийся после утренних происшествий призрак-охранник указал мне дорогу. Хорошо хоть, не дал, как в старых сказках, летящее перышко, за которым герою стоит следовать, чтобы попасть к месту назначения.

Призрак-охранник с печальным вздохом потащился провожать меня сам. В соседнее крыло, через роскошные апартаменты (я не хотела думать, кому они принадлежат), на открытую площадку-балкон на одной из башен.

Отсюда открывался удивительный вид на простирающуюся внизу долину и кажущийся игрушечным город – один из крупнейших в империи. Он протянулся вдоль всего горизонта.

На балконе был накрыт стол на двоих – свечи, бутылка шампанского во льду, все как положено на свидании. Только вот я была настроена на деловой разговор. На свидание я не подписывалась. Как назло, призрак-предатель скрылся, а ректор, который до этого стоял ко мне спиной и наблюдал закат, повернулся и протянул руку со словами:

– Проходите, Мира.

Я двинулась осторожненько, бочком. На ректора косилась подозрительно и думала, а не сбежать ли мне, пока не поздно. Плохо, что я так и не смогла для себя решить, куда. То ли к себе в комнату, то ли вообще из академии.

Хотелось вообще из академии, но я понимала: моих проблем это не решит и от проклятия не избавит. А вот ректор, сколь бы пугающим ни казался, вполне способен. Вместо того чтобы тоскливо завывать в полный голос, я улыбнулась, надеясь, что вышло не слишком натужно, и грациозно села за стол – так, как нас учили. И – о чудо! – даже бокалы не свортила.

Как же я отвыкла чувствовать себя нормальной! Спустя три года жизни с проклятием даже такое простое действие казалось мне достижением.

Но расслабилась я рано. Ректор стремительно подошел к стулу. Он все делал быстро и резко, но вместе с тем выверенно. Ни одного лишнего движения. Он сел напротив и посмотрел на меня так, что я

вздрыгнула, махнула рукой, и бутылка с шампанским и ведро со льдом обязательно бы полетели на пол, если бы их не успел поймать Арион фон Расс.

– И как же вы, Мира, до своих лет-то дожили? – поинтересовался ректор, разливая по бокалам пенящийся напиток.

Он был сосредоточен. Между черных бровей пролегла складка. Сейчас Арион фон Расс выглядел неформально. Несколько верхних пуговиц на черной рубашке были расстегнуты, и мне очень хотелось их застегнуть, чтобы не смущали.

– До двадцати одного года я как-то не страдала от невезучести и рассчитывала на блестящую карьеру! – отозвалась я, с трудом отведя взгляд от сильной шеи. – А вместо этого сижу вот тут... – Дальше я продолжать не стала. Как в голове ни крутила, все одно – получалось не очень корректно по отношению к моему новому работодателю.

– А вместо этого пьете с ректором магической академии, а могли бы – с каким-нибудь герцогом или графом. Безусловно, герцог или граф – более выгодная партия.

Было непонятно, что это: шутка, сарказм или он говорит вполне серьезно. Это раздражало, и я возмутилась:

– При чем тут партия! Просто последние несколько лет мне не везет, и из-за этого «не везет» моя карьера сложилась не лучшим образом, точнее, вообще не сложилась. Про проклятие я узнала только сегодня! Могла бы давно снять.

– Не скажите, Мира! – Ректор глотнул вина и кивнул мне, предлагая сделать то же самое. – Не сняли бы. Сегодня вам улыбнулась удача. Я бы тоже, наверное, заметил проклятие, но не сразу, и то лишь в случае, если бы вас не уволил раньше. А обнаружить его в обыденной жизни вообще непросто. Так что в целом вам повезло: и в том, что вы сюда попали, и в том, что профессор Сазейр посмотрел на вас внимательнее, нежели я. Есть кандидатуры? Может быть, старые недруги? Вы кому-то встали поперек горла. Тут нужен маг достаточно высокого уровня, а такие стоят недешево.

– А это важно? – поинтересовалась я. Настроение упало ниже плинтуса. – Потому что мне сложно сказать – кто. Я могу сказать только – когда. И деньги – не показатель, у нас все были достаточно обеспечены. Многие могли себе позволить услуги хорошего мага.

– И когда же?

В глазах ректора зажегся интерес. Я несколько смутилась, но все же ответила:

– Три года назад на вручении диплома об окончании университета или прямо перед ним. Но точно тогда.

– Кто-то из завистниц? – уточнил он.

– Или завистников. – Я пожала плечами. – А это имеет принципиальное значение?

– Понимаете, Мира, без того, кто вас проклял, проклятие снять практически невозможно.

Ректор отклонился на спинку стула, отчего рубашка натянулась у него на груди (мне стало страшно, что маленькие серебряные пуговички оторвутся), покрутил в руках ножку бокала и нахмурил лоб. Думал, видимо.

– И что же делать? – растерялась я.

– Не хотите ли организовать встречу выпускников?

– Что? – удивилась я, но по взгляду поняла – не шутит.

– Именно, Мира. Соберите всех возможных виновников в одном месте – и тогда получите ответ. Сколько человек было у вас в группе?

– Пятнадцать... – задумчиво ответила я, все еще считая его идею в высшей степени бредовой.

– Пятнадцать – не так уж и много. Я знаком с ректором Высшего Управленческого Университета, думаю, она услышит мою просьбу и примет в своих стенах выпускников, решивших встретиться через несколько лет после окончания и поностальгировать. Тем более повод есть.

– А какой повод? – несчастно заметила я.

– Вы же несколько лет, с ваших слов, на «отлично» учились именно этому! Вы должны уметь организовывать разного рода мероприятия и придумывать поводы. Вот и организуйте встречу выпускников! Считайте это вашим рабочим заданием. Думать можете начинать прямо сейчас!

Сказать, что мне стало страшно, – значит не сказать ничего. Я не знала, с чего начать и зачем это нужно Ариону фон Рассу. Я даже готова была дальше жить со своим проклятием, лишь бы не пришлось собирать вместе всех тех, кого я не видела три года. Ну не готова я была к такому! Расставалась я с ними звездой, а сейчас я кто? Личная помощница тирана. За эти три года я не достигла равным счетом

ничего, а они шли вверх по карьерной лестнице, удачно выходили замуж... То есть стали теми, кем и должны были – успешными, богатыми, такими, какой мечтала стать я, но не смогла.

– Не хочу встречу! – Полный отчаяния возглас вырвался непроизвольно и вызвал у ректора улыбку.

– Не беспокойтесь, Мира, я вас не брошу и буду сопровождать.

Сердце упало в желудок и там сжалось. Все еще хуже, чем я могла предположить. Только нового начальника в качестве сопровождающего мне не хватает! Ведь слухи пойдут! Придется оправдания искать. Он намного старше меня, но в то же время пугающе сексуален. И вообще, мне страшно. Очень-очень.

Все это Арион, видимо, прочел на моем лице, потому что улыбка его стала хищной, и я себя почувствовала маленькой мышкой рядом с удавом.

«Шушель бы побрал это проклятое невезение!» – подумала я и осеклась, вспомнив, что твареныш вполне может прибежать на мои призывы.

– Ну я пойду? – Я подорвалась со стула и покосилась в сторону выхода, планируя сбежать как можно быстрее, но ректор грозно рыкнул:

– А ну стой! Куда собралась? – И схватил меня за руку.

Я пискнула, но послушно уселась на место.

– А как же «думать»? – уточнила я, но Арион фон Расс снова наполнил мой опустевший бокал и скомандовал:

– Пей и любуйся закатом. Смотри, какой красивый! А на то, чтобы подумать, у тебя вся ночь впереди. Или почти вся... – двусмысленно добавил он, но я предпочла намек не заметить и послушно отхлебнула резкий пенящийся напиток. Сотни пузырьков растворились на языке, и нервное напряжение отступило.

Закат за окном и правда был очень красивым – лилово-розовым, необычным и ярким. Он просился на холст, жаль, что я не умела рисовать.

Я молчала, а в голове сами собой появлялись мысли и идеи. Оказывается, не забыла, чему нас учили, и то, что не удавалось применить свои знания на практике, не имело значения. В голове рождались образы, нужные фразы, тема встречи выпускников и антураж. Буквально через пять минут на моих губах появилась

мечтательная улыбка – я твердо знала, что нужно делать и, самое главное, к кому с какой фразой обратиться, кто на какое предложение клюнет. Идея собрать одногруппников вместе уже не казалась нереальной и идиотской, и даже собственная судьба сейчас представилась в другом свете. Я нашла, как можно преподать свое новое положение, чтобы мои бывшие одногруппники начали завидовать, а не презрительно кривиться.

– Я же говорю, закат красивый! – по-своему отреагировал на мою улыбку ректор, а я не удержалась и в голос засмеялась. Не зря. Много бы отдала за то, чтобы еще хоть раз увидеть на его лице такое же ошарашенное выражение.

– Иногда я все же сомневаюсь в вашей нормальности, Мира... – пробурчал он, когда я отсмеялась.

– Простите. – Я прыснула в кулак. – Закат действительно хорош, просто я придумала, как организовать встречу, и уверена: у меня все получится. Если только не вмешается проклятое невезение, – буркнула я.

– Все будет хорошо. Такие проклятия, как правило, бывают очень узкими. Ваше, скорее всего, направлено именно на рабочие моменты. Может быть, на романтические отношения. Будь все иначе, с вами уже давно бы произошла какая-нибудь трагедия.

– Тогда у меня все получится.

– Не забудьте включить в свой план тот факт, что мы с вами будем изображать пару.

– Что? – Я поперхнулась шипучим вином.

– Ну а в каком качестве вы предлагаете мне ехать?

– В качестве дядюшки? – невинно уточнила я, но в ответ получила грозное рычание и полыхнувшие алым глаза.

– Не перегибайте палку, Мира!

Сбежать удалось через полчаса. Ректор не очень хотел меня отпускать, но я не жаждала с ним общаться. Просто не понимала, чего он от меня хочет и как на все реагировать. Зачем помогает? К чему все эти закаты и шампанское? Девочка я уже взрослая, опасному очарованию поддаваться не спешила и недоумевала, почему этот видный и успешный мужчина выбрал меня. Не потому ли, что сейчас лето, ремонт и вообще скучно в этой глуши, а тут, так сказать, развлечение, не отходя от рабочего места?

Ничьим развлечением я быть не хотела, а хотела просто снять проклятие и ради этого готова была на многое, но не на все. Например, не собиралась идти на поводу у ректора.

В комнате меня ждал сюрприз. Видимо, снова приходил шушель. Васика твареныш не нашел, зато изодрал мне все постельное белье, оставил две смердящие кучи и в мелкие клочки порвал пару документов. Я выдохнула, выругалась и принялась за уборку, попутно додумывая план действий на завтрашнее утро.

Уборка заняла минут сорок, и я уже планировала лечь спать, но не смогла. Завалилась на кровать с карандашом и блокнотом. Мысли, перенесенные на бумагу, обрели стройность, и когда начало светать, у меня уже имелся в наличии расписанный план мероприятия.

Поспать не получилось, зато к утру я была во всеоружии и начала бы связываться с бывшими одноклассниками прямо сейчас, если бы не требовалось еще раз все согласовать с начальником. Он должен был сделать самое важное – уведомить ректора моего университета и получить добро на встречу. Также на этом уровне стоило решить, где именно разместят выпускников. Нужно ли бронировать гостиницу или, быть может, ректор разрешит пожить в общежитии. Хорошо бы в своих комнатах.

При мысли о возможности ненадолго вернуться в студенческие будни я заулыбалась. Было бы здорово! Свою неуклюжую подружку-соседку, рыжую хохотушку Като, я не видела с выпуска. А ведь как мы дружили! Но судьба развела, и я даже не знаю, где она сейчас и как устроилась. Интересно будет узнать. Катриона не очень хорошо училась и была немного неловкой, но, может быть, ей повезло и она нашла работу своей мечты?

На работу собиралась, как всегда, второпях, и тут моя невезучесть проявилась в полной мере – за пятнадцать минут я порвала колготки, измочила платье, потому что зачем-то сунулась в душевую комнату и открыла кран. Пришлось переодеваться. Из-за этих злоключений уложить волосы я не успела, как и покормить Васика.

Пришлось цветочек брать с собой. Я неслась по коридорам с лохматыми, развевающимися волосами, сбивая стремянки и зажимая горшок с Васиком под мышкой, и все равно умудрилась явиться позже ректора, в девятом часу.

Сердце упало в желудок и там испуганно задрожало. Ни один начальник на моей памяти не относился к опоздавшим снисходительно, поэтому от Ариона фон Расса я ждала какой угодно реакции.

– П-простите... – проблеяла я, заглянув в дверь кабинета, и собралась ретироваться на свое место.

Но не получилось.

– Стоять! – рыкнул ректор, и я послушно замерла, испуганно хлопая глазами. – На миг я подумал, что Кассандра нагостилась у матери, – ворчливо заметил он. – У вас сейчас прическа один в один как у нее, и топаете вы так же задорно, предвещая неприятности.

– Пр-р-ростите... – еще раз буркнула я, не сообразив, что ответить, а ректор, поморщившись, махнул рукой и скомандовал:

– Растение свое мне оставьте!

– Зачем? – подозрительно поинтересовалась я.

– Развлекает он меня, – не стал отнекиваться Арион фон Расс, и я бочком протиснулась в кабинет. Плечом задела металлический кубок, извинилась, стала поднимать и опрокинула ведро с канцелярским мусором.

– Мира! Вы стихийное бедствие! Знаете?

– Ага. – Я кивнула, поставила Васика в уголок, цветочек сразу же сжался и коварно напал на ближайшее растение. Свежий зеленый лист он поедал с чавканьем и такой жадностью, что ректор не выдержал, поморщился и сказал:

– Кормить домашних питомцев надо, Мира.

Я покраснела и пробормотала что-то невнятное. Акцентировать внимание на том, что Васик сам себе неплохо находит прокорм, я не стала.

Глава 5. Личная помощница в действии

С утра я работала, словно сумасшедший магический веник, – быстро и немного бестолково. Постоянно косилась в приоткрытую дверь ректорского кабинета – переживала, не припомнит ли мне начальник опоздание, ну и проверяла, в порядке ли Васик. Цветуечек чувствовал себя лучше всех: тянул к солнышку ярко-зеленые листочки, неспешно поедая ненужные бумажки и даже периодически, по запросу фон Расса, точил карандаши. Ну и пакостил. Куда же без этого.

Ближе к обеду я успокоилась настолько, что рискнула озвучить ректору все свои задумки. Я бы и раньше их озвучила, если бы не одно «но». С утра ректор орал. Видимо, это было записано у него в ежедневнике отдельным пунктом. С восьми до одиннадцати – ор.

Досталось всем, даже Васику. Точнее, Васику-то как раз за дело, он схозячил какую-то министерскую грамоту, которая была получена герром Рассом совсем недавно и лежала на краешке стола, пока не убранный в рамочку и не повешенный на стену.

Естественно, прилетело и мне, но я быстро открестилась от всех обвинений. Все же не я предложила оставить цветочек в кабинете. Ректор побухтел, но с недовольным видом признал мою правоту и отстал, перенаправив свой гнев сначала на лича, который так и не сдал программу, потом на ремонтников и на какую-то даму из министерства, которая связалась с ним совсем не вовремя. Мне даже жаль ее стало, зайкой ведь станет, болезная. Хотя зарплаты у них там – ого-го! Хватит и на лекаря, и на новую сумочку из последней коллекции маэстро Лициарио. Когда-то я очень тщательно изучала вопрос министерских зарплат и лелеяла надежду рано или поздно получать свою там же. Не сложилось и, подозреваю, уже не сложится.

Зато после обеда герр ректор короткое время всегда пребывал в благостном расположении духа. Вот тут-то я его и планировала подловить. Караулила у дверей столовой и была свидетельницей того, как он сначала высыпал себе в суп содержимое солонки, а потом вылил на брюки кружку кофе. С хорошим настроением не сложилось, и пришлось высказывать свои мысли недовольному и скандальному фон Рассу, который переоделся в чистые штаны и теперь с ненавистью

взирал на торчащий в стене кабинета гвоздь. Видимо, именно на этом месте должна была висеть грамота, сожранная Васусом.

Несмотря на скверное настроение, мои идеи ректор выслушал достаточно спокойно и даже что-то подкорректировал. Пообещал свою помощь и, потерев губу, заметил:

– В своем, безусловном, талантливом плане, Мира, вы упустили одну очень важную деталь.

– Какую? – всполошилась я и снова сунула нос в записи, сделанные мелким, убористым и совершенно нечитаемым почерком. По мне, все было распланировано идеально. Я хоть сейчас готова была защитить диплом по этому проекту.

– Вы не учли свою невезучесть, – припечатал фон Расс, взглянув на меня с усмешкой. Темные, словно угли, глаза на миг вспыхнули демонически-алым, заставив меня вздрогнуть. – Сколько шансов на то, что у вас с вашим проклятием получится уговорить одноклассников на встречу? Мне почему-то кажется – немного.

– Может, пронесет? – с надеждой поинтересовалась я и получила очередной насмешливый взгляд.

– Мира, вы ждали меня с обеда, потому что, как умная секретарша, быстро выучили, когда у меня хорошее настроение. Так ваше проклятие и тут подкорректировало ситуацию! У меня испорченный суп, позорно мокрые штаны и желание убивать всех и вся!

– Вы думаете... – Я неопределенно показала рукой ему на штаны. – Это моя вина?

– Мира, за все годы работы здесь я облился всего один раз, когда моя дочь сказала, что поступила учиться в мою академию. Но тогда был реально стресс!

– А пансион благородных девиц? – глупо поинтересовалась я, вспомнив рассказ ректора.

– Вот после этого случая и отправил! Не понимал, что бесполезно бороться со стихийным бедствием, можно лишь минимизировать последствия. Только к Кассандре в академии немного привык, так вы тут на мою голову свалились!

– Я не специально... это все проклятие. Оно всегда меня в дурацкие ситуации ставит.

– Ну спасибо! – скривился фон Расс. – Никогда еще меня дурацкой ситуацией не именовали.

– Извините... – буркнула я и тут же добавила, чтобы сменить тему: – И что же мне теперь делать?

– Есть у меня одна идея.

Ректор выглядел подозрительно довольным, и это меня сильно настораживало. Насколько я могла судить, веселили его весьма странные вещи.

– Какая? – осторожно поинтересовалась я, чувствуя, что она мне заранее не нравится.

– Дипломаты на высшем уровне иногда прибегают к одному очень хорошему средству. – Ректор сделал паузу, окинул меня таким взглядом, что бросило в жар, а потом продолжил: – Эликсир красноречия называется. Вы когда-нибудь про него слышали?

– Нет. – Я помотала головой.

– Ну и правильно. В реестре империи он приравнен к наркотическому веществу, хотя таковым не является. Но у него много побочных эффектов и дурная слава, поэтому употребляют его редко, с оглядкой и, уж конечно, никогда и никому не афишируют, к каким методам пришлось прибегнуть. Поэтому вы и не в курсе его существования. Вот сложилась бы ваша карьера иначе, тогда, думаю, вы узнали бы про него раньше, – ехидно заметил ректор. – А так мне приходится просвещать.

– И вы мне его предлагаете? – Я испуганно округлила глаза, представив, как на мое проклятие подействует наркотик. Это же кошмар. Я вино-то употребляла с крайней осторожностью, не зная, каких вывертов ждать от своего организма.

– Я ничего не предлагаю, – сразу же открестился ректор. – Но вообще, мне кажется, эликсир красноречия – это единственный шанс уговорить бывших согруппников встретиться. Он на какое-то время делает переговорщика очень удачливым. Помогает найти нужные слова, поэтому все важные переговоры проводятся с магической защитой. В случае же с вами, думаю, эликсир просто на время нейтрализует действие проклятия, а может быть, и везения немного прибавит. Потом будет откат, конечно, но я обещаю поставить у вашей кровати тазик и пришлю профессора Сазейра, чтобы он менял у вас на лбу мокрую тряпку.

Я скривилась. Идея мне не понравилась совсем, но вот определенная истина в словах ректора была, и игнорировать свое проклятие действительно не стоило.

– Ну что, Мира? – поинтересовался Арион фон Расс. – Рискнете связаться со своими бывшими согруппниками без защиты или все же попробуете чуточку подстраховаться?

– А это действительно нужно? – Сомнения меня терзали нешуточные. Я привыкла за последние годы быть очень осторожной. Никогда не знаешь, что окажется катализатором для новой волны неприятностей.

– Я не смею настаивать.

– А может, все же настаите? – несчастно попросила я. Самой решиться было ну очень сложно. Кто бы сказал мне три года назад, что стану такой трусихой!

– Как скажете. – Ректор плотоядно улыбнулся. – Если не сможете организовать эту встречу, я вас уволю. Достаточно настойчиво?

– Тьфу! Ну не так же! – Я надулась. Думать об увольнении не хотелось, а насколько ректор серьезен, я понять не могла, поэтому решила: – Давайте ваше гадкое зелье.

– Во-первых, оно не мое, во-вторых, не факт, что гадкое. В-третьих, у меня его нет. За ним нужно ехать в город. У меня все же магическая академия, а не лавка зельевара.

– Ой-ой... – задумчиво пробормотала я, прикидывая, как добраться до цивилизации и не попасть в передрыгу. – Если я поеду после работы, то еще успею до закрытия? И, кстати, куда именно ехать и сколько это удовольствие стоит?

– Ремесленный квартал не спит даже ночью, – пояснил Арион. – Но я не пушу вас одну, вы притягиваете неприятности. Составлю вам компанию, заодно помогу подобрать гардероб. Должны же вы выглядеть на встрече выпускников прилично.

– Что? – Я даже опешила.

Одевалась я скромно, но довольно дорого. Родители подкидывали немного денег, чтобы чадо выглядело презентабельно. Видимо, все же не теряли надежду, что рано или поздно я найду мужа.

– Мира, чтобы вывести злоумышленника на чистую воду, вам нужно выглядеть успешной, красивой и счастливой. Если вы в себе

ничего не поменяете, они встретят затюканную серую мышь, не добившуюся в этой жизни ничего.

– Ну... – Я грустно улыбнулась. – Так оно и есть.

Слова задели. Да, я не преуспела в карьере и личной жизни, но по поводу внешности не комплексовала. Пока Ариона фон Расса не встретила.

– Мне кажется, вы учились где-то в другом месте! – Он продолжил вбивать гвозди в крышку моего гроба. – Не добились в жизни ничего, так пустите пыль в глаза! Создайте образ, а я вам помогу. Ну в счет вашей будущей зарплаты, конечно.

– О чудо! – Я не удержалась, чтобы не съязвить, так как злилась на слова про серую мышь. – Мне пообещали, что я доработаю по крайней мере до первой зарплаты! Это дольше, чем где бы то ни было!

– Не ерничайте, Мира, лучше отправляйтесь собираться.

– Так рано? – удивилась я. – Рабочий день в разгаре.

– Вечер предстоит долгий. Нам нужно достать эликсир и одежду для вас. Кстати, ваша история для одноклассников такова: у нас любовь неземная, мы души друг в друге не чаем, поэтому вы бросили престижную работу, переехали в академию и полностью счастливы.

– Эта история настолько бредова, что в нее никто не поверит, – фыркнула я. – Чтобы я поменяла престижную работу на мужчину, да к тому же настолько себя старше? Нет. Не получится никого в этом убедить.

– Мир-ра... – Ректор поднялся и подошел опасно близко. – Не провоцируйте меня, пожалуйста. Мне совершенно не нравятся ваши намеки. Будьте добры, сделайте так, чтобы ваши бывшие друзья поверили. В конце концов, в ваших интересах снять проклятие.

– В моих. – Я испуганно сглотнула, но не показала виду, насколько мне страшно, а задала очень важный вопрос, от ответа на который во многом зависели мои дальнейшие действия: – И мне очень интересно, почему вы тратите так много времени и усилий на избавление меня от проклятия. Вам-то это зачем?

– Причин на самом деле несколько, – охотно ответил ректор.

Он подошел ближе. Я сделала шаг назад, но уперлась филейной частью в стол. Арион нависал надо мной, словно скала, а в черных глазах снова бушевало пламя. Он был красив, но какой-то особой

красотой. Резкие черты лица, крупный нос и насмешливая улыбка. От его тела исходил жар, я хотела ускользнуть, но не могла.

Ректор поставил руки на столешницу, почти заключив меня в объятия и тем самым отрезав мне путь к отступлению.

– И какие причины? – Я постаралась, чтобы голос звучал ровно.

– Во-первых, мне скучно. А во-вторых... – Он сделал многозначительную паузу. – всю жизнь мечтал о романе с секретаршей. Но попадались либо дуры, либо стервы, либо страшные, как наш профессор Сазейр. Была одна симпатичная, но я ее выгнал в первый день – слишком напоминала мою бывшую жену. Какая из причин вам нравится больше, а, Мира?

– Ни одна... – пискнула я, наблюдая за тем, как ректор медленно наклоняется к моим губам. Сбежать возможности не было. Я уперлась руками ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть, но он только усилил натиск, сопротивляться которому было мучительно сложно.

Я почти смирилась и чуть приоткрыла губы. Сердце стучало как бешеное, в голове билась одна мысль: нельзя! Но тело хотело прижаться сильнее и растаять.

Вопль ректора над ухом заставил очнуться. Арион фон Расс отскочил в сторону, почему-то ухватившись рукой за свой зад. Выругался неприлично и громко, а я только сейчас заметила у него за спиной Васику, дожевывающего кусок ткани, до боли напоминающий ректорские штаны.

Цветочек стоял от нас достаточно далеко, но, видимо, почувствовав, что хозяйке угрожает опасность, вытянулся, удлинив стебель, и тяпнул обидчика за зад. Не засмеяться я не смогла. Даже перспектива быть уволенной меня не остановила.

Я согнулась пополам и, утирая слезы, под неприличные вопли ректора ретировалась из кабинета, лишь на полпути вспомнив, что Васику спасти забыла. Впрочем, сколь бы ни был страшен в гнев ректор, все же он, кажется, питал к цветочку некую слабость. Поэтому есть шанс, что ничего Васусу не будет. Только вот насколько этот шанс велик?

Я остановилась в коридоре и посмотрела через плечо. Потом малодушно решила, что, если придется выбирать между своей жизнью и жизнью Васику, моя мне все же дороже, и припустила к себе в комнату.

– Опять безобразничает? – поинтересовалась Тьена – наша кухарка, которую я едва не сбила с ног.

– Да как вам сказать... – Я сделала несчастное лицо и под причитания помчалась дальше.

Персонал меня любил и жалел. Большие порции в столовой и идеально чистая комната мне были обеспечены. Все возможное для того, чтобы я не сбежала. Это было приятно, поэтому я и сама прониклась ко всем в академии любовью и уважением.

Пока переодевалась в комнате, все еще хихикала. Веселье даже страх заглушило на какое-то время. Вообще платье, которое я надела на работу, вполне подходило для выхода в город, но я радовалась возможности причесаться, которой с утра не было. Да и на улице стояла жара. Это в стенах замка она не ощущалась.

Я достала свое любимое летнее платье из тонкой и очень легкой голубой ткани. Под него полагалось надевать узкий льняной футляр до колена. В целом получалось дорого, красиво и нежарко. А длинные полупрозрачные рукава закрывали плечи. У меня была слишком светлая кожа, которая на солнце очень сильно обгорала, и я старалась не носить открытые наряды на солнцепеке.

Волосы я распустила по плечам, только убрала несколько прядей от лица и скрепила их на затылке серебряной заколкой с голубыми топазами. Подарок отца на совершеннолетие.

Из зеркала на меня смотрела юная и очень свежая девушка, выглядящая намного моложе своих двадцати четырех лет. Почему-то меня это позабавило. Наверное, мне снова хотелось побесить ректора, подчеркнув разницу в возрасте. Сказал бы кто еще, почему меня это вдруг начало заботить.

Озорное и хорошее настроение померкло, едва я вспомнила, что ректору по моей вине сегодня пришлось два раза менять штаны. Вряд ли Арион фон Расс – сильный, уверенный, харизматичный – забудет унижение. Он ведь почти соблазнил меня, я почти потеряла голову, если бы не Васик. А теперь каждый раз, как только ректор решит ко мне приблизиться, я буду совершенно неприлично ржать. Думаю, он это понимает, и вряд ли данное обстоятельство ему нравится.

В итоге я погрустнела, впала в меланхолию и, естественно, не спустилась вниз вовремя. Ректор явился сам, как всегда без стука,

проигнорировав засов. Почему-то все замки в академии считали своим долгом открыться при его появлении.

– А Васик где? – испуганно пискнула я и попятилась, так ректор все еще был зол. Может, и не стоило так вот сразу спрашивать, но меня волновало местонахождение цветочка.

– Отдал кухаркиной козе! – рыкнул он, а у меня сердце ушло в пятки. Не сомневалась в правдивости слов ни секунды. Рванула к выходу, на глаза навернулись слезы, но ректор поймал меня за локоть.

– Эй, Мира? Вы что, поверили? – изумился он.

Я всхлипнула и кивнула. Мало кто относился к цветку серьезно, все считали его чем-то неодушевленным.

– Вы меня убили своим отношением прямо в сердце, – признался он. – Скажите, может быть, вы еще считаете, будто я кушаю младенцев на завтрак?

– Не-э-эт, – пробормотала я. – На завтрак вы кушаете три тоста, два яйца всмятку, клубничный джем и иногда манную кашу.

– Тьфу ты! – выругался он. – Лучше мои повадки знает только мама. Точнее, знала. Сейчас мы, слава демонам, не каждый день встречаемся.

– А вы на нее похожи? – с ужасом уточнила я.

– Слишком, я бы сказал. А вы что, уже к знакомству готовитесь?

– Упаси боги! – вырвалось у меня.

Ректор поморщился. Видимо, на моем лице отразился нешуточный испуг.

– Удивительная девушка вы, Мира. Первая на моем пути, которая не просто красуется, а действительно боится замужества как огня.

– Я вообще не в этом смысле! – Щеки вспыхнули. – Я просто представила вас в женском обличье, и мне стало плохо. Академия не выстоит.

– Да, это точно. Пойдемте уже, раз разговор у нас с вами не складывается. Может быть, хоть прогулка совместная удастся?

– Не думаю. – Я невесело усмехнулась, но позволила вывести себя из комнаты. – Магазины – это место, где можно много всего разбить и уронить. Не люблю их с некоторых пор.

– Я буду за вами следить. Можете на меня положиться.

От низкого хриповатого голоса по спине побежали мурашки, а взгляд из-под опущенных ресниц опалил. Стало не по себе, и я

поинтересовалась:

– И все же где Васик?

– Шушель его чувствует, – охотно пояснил ректор. – Не видит, но знает, что он поблизости. Будет искать и пакостить вокруг, пока не наткнется, поэтому я сдал Васику профессору Сазейру. У лича и шушеля сложные отношения. Твареныш его боится.

– А Васику там будет хорошо? – не удержалась и спросила я.

– Ну, думаю, уж как-нибудь выдержит один-то вечер.

Спорить я не стала – бессмысленно, но все равно переживала. Правда, даже для себя не могла решить, за кого больше: за своего кровожадного питомца в горшке или за лича.

В город нам предстояло отправиться на личном транспортном средстве ректора. Я не представляла, как устроены самодвижущиеся повозки и как они едут – благодаря магии или технике, – но они мне не нравились заранее, а уж когда ректор приблизился к одной из них, в нетерпении потирая руки, я вообще поняла, что предпочла бы остаться дома.

– Прошу вас, Мира! – Он галантно открыл дверь, и я, простонав про себя, заняла удобное переднее сиденье. Повозка мало чем отличалась от обычной прогулочной кареты с открытым верхом, только отсутствовало место для кучера и передний ряд сидений был повернут в сторону движения.

На сиденье рядом со мной с левой стороны уселся ректор и дернул за какой-то рычаг. Повозка затряслась, завибрировала, и я вцепилась в поручень. Ну за что мне все это? Или это продолжает действовать проклятие?

Впрочем, у тархтящей повозки оказались в наличии и плюсы. Она ехала быстро, и на отвратительной дороге почти не трясло. Но все же было страшно. Знал бы довольный и счастливый ректор, который, не стесняясь, красовался передо мной, каких усилий мне стоило сохранять невозмутимое выражение лица и не орать.

Повозки не были чем-то из ряда вон выходящим, и в столице с каждым годом их становилось больше и больше, но я предпочитала добираться на бюджетных и привычных каретах. Отец у меня тоже не водил, а больше катать меня было некому.

Зато и до города мы долетели значительно быстрее, чем если бы воспользовались традиционным средством передвижения. Под конец

пути я даже оценила преимущество новомодной игрушки ректора. На дороге нам уступали место, я не отбила зад о кочки, Арион фон Расс был сосредоточен на управлении и не доставал меня. Ну а страх? Страх можно перебороть.

Глава 6. Добыть эликсир

Поход по местному рынку, заваленному различными бьющимися и сыпучими ингредиентами, прошел, как я и предполагала, ужасно. Я испуганно озиралась по сторонам, цеплялась за руку ректора, жалась ближе и все равно постоянно слышала вслед: «Девушка! Осторожнее!», «Герра, аккуратнее!», «Да что же это такое!»

– Куда, белобрысое недоразумение! – окликнул ректор.

Он успел меня подхватить и не дал запутаться в магдадских коврах. Я вздохнула и притормозила. Мой начальник был на редкость неприятным спутником. Но я поймала себя на мысли, что все оскорбления уже пропускаю мимо ушей. Привыкаю, значит.

Зато мы добыли зелье! Я сжимала пузырек обеими руками и боялась даже дышать – только не хватало его разлить! Я краем уха слышала, сколько оно стоит. От количества нулей стало дурно.

Не понимаю, зачем ректор вручил пузырек мне. Забыл, что ли, о моей тотальной невезучести? Или просто задумался. Не знаю. У всех нормальных людей воруют деньги. Я предусмотрительно, если есть такая возможность, оставляю их дома. Но мое проклятие сработало, несмотря на все меры предосторожности.

Ко мне подскочили, несильно толкнули в спину и, пока я пыталась удержать равновесие и уцепиться за локоть ректора, выхватили из рук пузырек с зельем.

Маленький юркий воришка скользнул между рядов. Я заорала, привлекая внимание, а ректор, выругавшись, кинулся следом.

Вор бежал, ловко петляя, словно нашкодившая кошка, ректор неся за ним тяжелой поступью, сметая все на своем пути. Я мчалась следом уже по проторенному широкому коридору. Покупатели шарахались в стороны – Арион фон Расс в черной рубашке, с гневно горящими красными глазами производил неизгладимое впечатление, даже вор, думаю, мчался на такой скорости не просто так. Я бы тоже на его месте улепетывала с паром из попы.

Бежать в длинном платье было неудобно, ноги путались в подоле, люди мешались. Скоро я влетела в мощного лоточника и споткнулась о

разложенный товар, а пока извинялась и помогала расставить деревянные ложки и плошки, потеряла след и воришки, и ректора.

Вокруг меня гомонили люди, я стояла одна в незнакомом месте, без денег, с растрепанными волосами и очень гадким проклятием, и куда податься, не представляла. Я, конечно, знала: ректор меня обязательно найдет (а потом отчитает), но не была уверена, что до этого момента смогу не влипнуть в неприятности.

Впрочем, до меня очень быстро донеслись звуки потасовки, и протопавшие мимо полицейские очень точно указали, куда стоит мчаться. Я подобрала юбки и посеменила следом за ними. Успели мы к самому интересному.

В птичьих рядах царил переполох. Громко и надрывно квохтали наседки, пухлые деревенские бабы голосили с не меньшим надрывом, а в проходе между лотками герр ректор пытался призвать к ответу воришку.

– Гаденыш! Думал, не догоню, шушель ты мелкий! – рычал он. Воришка что-то попискивал и пытался вырваться, но ректор восседал сверху, и мне стало страшно, что он просто раздавит щуплого паренька.

В рядах царила разруха. Разбитые яйца, кругом перья, все это – вперемешку с куриным навозом и перепуганными птицами. Я успела подскочить к фон Рассу раньше, чем полицейские, и схватила его за рукав с воплем:

– Вы что творите? Вы уже нанесли больше ущерба, чем стоит этот несчастный эликсир!

Ректор дернулся, вырывая руку, я поскользнулась на разбитых яйцах и рухнула навзничь, утягивая начальника за собой. Щуплый воришка, которого Арион так и не отпустил, приземлился следом.

– Вечно ты, Мира, лезешь, куда не просят! Стояла бы в стороне и не совалась!

Я ничего не ответила, просто взвыла, ибо вес у двух мужиков был приличный, дернула ногой, пытаюсь вырваться, и тут же почувствовала, как по моему лицу стекает что-то липкое и противное.

– Ироды вы! – взревела торговка и надела ректору на голову корзину с яйцами, остатки всей этой прелести достались и мне.

Вор, пользуясь заминкой, вырвался и дал деру, попав прямо в объятия полиции. Я вывернулась и подскочила к нему сзади,

намереваясь сцапать флакон с эликсиром, который паршивец еще сжимал в руке. Вид при этом я имела колоритный. Воришка даже не сопротивлялся, но вот ехать с полицейскими в управление пришлось всем.

Арион фон Расс пребывал в настроении отвратном и не стеснялся в выражениях. Досталось всем, даже полицейским, которые на вопли реагировали с привычным безразличием.

– Нам и не такое выговаривают, – поделился со мной совсем еще юный рыжий парнишка.

– Вот выговорю сейчас, млекопитающее мелкое! Не смей моей помощнице глазки строить! На работе она!

– Да? – удивился парень и с сочувствием посмотрел на меня. – А и не похоже, что на работе...

– Много ты понимаешь! – презрительно фыркнул ректор и отвернулся.

В рваной рубашке, с желтком в черной шевелюре, облепленный куриными перьями, мой начальник выглядел грозно и непрезентабельно. Чтобы доказать свое высокое происхождение и должность, ему потребовалось время. Когда нас отпустили, совсем стемнело, и Арион фон Расс категорично заявил:

– В таком виде в академию не поеду. Ночуем здесь.

Не сказать, чтобы предложение меня особенно порадовало. Но я мечтала принять душ, и побыстрее.

– И куда мы? – Я поежилась. На улице стемнело, и в тонком платьице стало прохладно. К тому же я очень неуютно чувствовала себя ночью в незнакомом городе, а повозка осталась где-то далеко, в районе рынка. Вот и думай, как до нее сейчас добраться.

– Ну есть несколько вариантов... – хмуро отозвался ректор, безуспешно пытаясь отскрести присохшие яйца с рубашки. – Но предполагаю, вам не понравится ни один из них.

– Да? – подозрительно поинтересовалась я и подумала, что, пожалуй, мне понравится все, лишь бы смыть с себя пот и грязь, а потом присесть на мягкий диванчик, а лучше – прилечь. Ноги гудели, голова – тоже. Я устала так, как не уставала уже давно, и еще зверски хотелось есть.

– Вы знаете... – я подбирала слова с осторожностью, – сейчас я согласна практически на что угодно. Стоять посередине улицы рядом с

полицейским управлением бессмысленно.

– Истину говорите, – согласился ректор, брезгливо посмотрел на свою рваную и грязную одежду и вздохнул, а меня разобрал смех. – Пойдемте тогда... тут недалеко.

Он проигнорировал мое хихиканье, и это насторожило.

– Мы в гостиницу? – уточнила я. Чтобы успевать за размашистым шагом, пришлось ухватить ректора под локоть.

– Гостиница – не лучший вариант. Мы ко мне домой.

– А это – лучший? – Я даже споткнулась, но смогла удержать равновесие. До этого момента я искренне считала, что ректор живет в академии.

– Лучший из худших. – Он усмехнулся и увлек меня по темной, но довольно людной улице в сторону Императорской площади.

Столица ночью не спала, и в центре было шумно, не как в утренние часы на рынке, но все же. Народ торопился или неспешно брел по вымытой брусчатке. Здесь можно было встретить и спешащих домой клерков, и смешливых модниц, и влюбленные парочки. Это место было центром империи, и все здесь говорило о благополучии и достатке. Ни тебе нищих, ни пьяниц. Только респектабельные горожане и редкие стражи порядка. Даже магазинчики работали. В иной ситуации я бы с удовольствием прогулялась, но меня сопровождало лохматое злобное чучело с красными глазами и с битыми яйцами в волосах. На фоне благополучной толпы мы смотрелись, мягко скажем, странно. Думаю, нас бы обязательно задержали, но гневно полыхающие красноватые глаза ректора слишком явно выдавали в нем мага, а магов уважали, и связываться с ними без веских оснований не спешили даже полицейские.

Да и сама я выглядела ненамного лучше. Мне довелось поймать свое отражение в зеркале, и этого хватило, чтобы испугаться. Предпочла бы добраться до места назначения быстро, без остановок и по темной стороне улицы, но на людное место все же пришлось выйти – ректор сунул мне в руки деньги и загнал меня в небольшую лавочку за вином, сыром и копченым мясом, которое я готова была слопать прямо с прилавка вместе с перетягивающими аппетитные куски веревочками.

Я не считала, что распитие спиртных напитков со своим начальником – хорошая идея, но именно сегодня была совершенно не

против выпить. Слишком уж насыщенным выдался день. В лавке я постаралась не задерживаться, расплатилась с улыбочивым лавочником и сбежала.

– Думала, вы живете в академии, – заметила я, когда мы остановились у двухэтажного дома в самом центре города. На главную улицу выходила обычная дубовая дверь под кованым навесом. Пятачок у входа освещался магическим фонарем.

– Так и есть. – Ректор кивнул и дернул дверь на себя, пояснив уже в помещении: – Эта квартира осталась у меня с тех времен, когда я работал в столице. Она маленькая и не очень удобная, но спасает, если нужно переночевать в городе. Поэтому я и держу ее за собой.

Через дверь мы попали в широкий холл, который являлся общим для всех жильцов. Здесь все очень сильно напоминало недешевую гостиницу. Темно-синие ковровые дорожки, портье за массивной дубовой стойкой и два охранника, скучающие возле лестницы.

– Добрый день, герр ректор, – поприветствовал моего спутника круглолицый мужчина за стойкой, передал ключи и мазнул по мне любопытным взглядом. Стало не по себе. К щекам прилила кровь. Не нужно долго гадать, за кого меня приняли. Ну и наплевать! Я все равно больше здесь не появлюсь. – Вы давненько у нас не останавливались.

– Дела, Густав, дела! – Арион вежливо улыбнулся и направился в сторону лестницы.

Квартира располагалась на втором этаже в самом конце коридора, а окна выходили на главный кафедральный собор столицы – там заседал совет магов.

Минус у квартиры имелся один, но существенный. В ней практически не оказалось мебели. Огромная кровать в спальне, два кресла перед камином в гостиной и дубовый стол со стульями в небольшой столовой. Был еще массивный шкаф, но его наличие или отсутствие меня волновало мало. Спать в нем нельзя.

– Э-э-э... – начала я, а Арион стащил прямо через голову грязную рубашку и подошел к шкафу.

Я зажмурилась. Зачем он со мной так? Сильная широкая спина со жгутами мышц вдоль позвоночника теперь стояла перед моим внутренним взором. Можно было открывать глаза. Все равно вид обнаженного по пояс начальника будет меня теперь преследовать! Вот почему он непозволительно хорош? Что мешало ему отрастить

брюшко, вполне уместное для мужчины его возраста и статуса? Но нет! Арион фон Расс мог похвастаться накачанным прессом, массивной грудной клеткой и широкими плечами, на которых вздувались бугры мышц. Хоть сейчас отправляй на гладиаторскую арену.

– А я предупреждал, что вам не понравится, – заметил ректор, заставив меня очнуться. Достал светлый длинный халат из шкафа и со словами: – Порежьте сыр, пожалуйста, – скрылся за дверью в ванную комнату, а я осталась в задумчивости стоять в центре зала, пытаюсь решить для себя, где хуже спать: с ректором в кровати или в кресле у камина – коврик там вроде бы ничего.

Я тоскливо посмотрела на дверь в ванную, вздохнула и, ополоснув руки под краном на кухне, нарезала мясо и сыр на плоскую тарелку, которую нашла тут же. Вино открывать не стала, обычно для меня такие эксперименты заканчивались плачевно, но отыскала в шкафу большие бокалы на длинной ножке и тарелки из тончайшего полупрозрачного фарфора – такие и в руки брать страшно.

«И вообще, ректор – редкостный нахал! – думала я. – По всем правилам приличия, он должен был бы предложить девушке первой принять душ».

«По всем правилам приличия, – ехидно шепнул внутренний голос, – ты, Мира, не должна была оставаться ночевать с начальником в одной комнате».

Нам читали «Правила поведения личного помощника» целый семестр, а я нарушила, наверное, их все. С Арионом фон Рассом – особенно. Я же с ним едва не поцеловалась!

За подобную распушенность и мягкотелость я себя почти ненавидела, поэтому к тому времени, когда из ванной появился ректор в одном полотенчике, обернутом вокруг бедер, я была зла, как лишенный Васица шушель.

– Вы! Вы! – Слова застряли в горле, и я могла только возмущенно сопеть и тыкать в ректора пальцем. Не осталось не только слов, но и простора для воображения. Не скрою, начальник притягивал взгляд и явно наслаждался произведенным эффектом.

– Я подумал, что вы тоже будете претендовать на халатик. А он у меня один. Так что считайте это... – ректор развел руками, и у меня

перехватило дыхание от вида играющих мышц на груди, – жестом доброй воли.

– Вы... просто... просто... – Дар речи я так особо и не обрела, поэтому устремилась в ванную, надеясь, что там, кроме халатика, есть еще и запасное полотенце.

Полотенце, к счастью, в наличии имелось, а халат ректора был таким длинным и широким, что после душа я замоталась в него, словно в кокон, и почувствовала себя в относительной безопасности.

Из запотевшего зеркала на меня смотрело испуганное, преступно юное существо без грамма косметики на лице. Я встряхнула влажными волосами, которые в мокром виде завивались в совершенно плебейские кудряшки, выдохнула и вышла в комнату.

Ночь в одной квартире с ректором пугала, но зато никуда не нужно было тащиться, и я точно знала: моей жизни ничего не угрожает, да и чести – вряд ли. Ректор был мужчиной специфическим, иногда излишне резким, но на маньяка не походил.

Наверное, окажись на моем месте кто-то другой, вечер закончился бы спокойно, так, как и рассчитывал Арион фон Расс.

Когда я появилась в дверях, ректор, удосужившийся надеть на себя лишь светлые домашние штаны, разливал по бокалам вино. Я замерла на входе, всего на секунду задержав взгляд на начальнике, который с кошачьей грацией передвигался у стола. Он заметил меня, хищно улыбнулся и решительно шагнул навстречу. Я пискнула, отпрыгнула и, запутавшись в полах халата, начала падать.

– Демоны, Мира! – рыкнул он. Сделал стремительное движение и попытался меня поймать. Ему это почти удалось, но устоять на ногах мы все же не сумели и рухнули в проходе.

Единственное, что успел сделать Арион, – это поддержать меня за затылок, и головой я не приложилась. Хорошо хоть, он при падении постарался перенести вес на свободную руку.

Теперь ректор грозно нависал надо мной, одной рукой поддерживая за шею, а другой упираясь в пол возле моей головы.

– Извините... – Я сглотнула, уставившись в полыхающие алым глаза. Кажется, я снова его разозлила.

– Ты совершеннейшее недоразумение, Мира! От тебя – одни неприятности.

– Ага.

Я кивнула, проигнорировав грубость, и шевельнулась, пытаюсь выбраться из-под сильного мускулистого тела, придавившего меня к ковру. Полы халата разошлись, и моя обнаженная голень скользнула по ноге Ариона. По спине пробежала волна жара, а к щекам прилила краска.

Ректор это заметил, усмехнулся и приблизился к моему лицу, намереваясь что-то сказать, но не успел. В замке повернулся ключ, начальник испуганно вздрогнул, дверь в квартиру открылась.

– Арион, я увидела свет в окнах и не могла не заглянуть в гости!

Ректор попытался от меня отскочить, но встать сразу ему не удалось: я вцепилась мертвой хваткой, так как, поднимаясь, он дернул халат, а я совсем не хотела предстать перед начальником и незнакомкой голой.

– Что здесь вообще происходит?! – Визгливый женский голос заставил меня икнуть и зажмуриться.

– Не то, что ты думаешь!

«Обычная отмазка мужчин всех времен и народов», – подумала я и все же открыла глаза.

Высокая ухоженная брюнетка в длинном, до пола, красном платье была разгневана и – я по ее взгляду видела – настроена меня убить.

А я, как назло, лежала в очень неудобной позе на спине, в распахнутом халате. Арион все же вырвался и отскочил. Попытка отползти подальше привела к печальным последствиям: халат соскользнул с плеча, и я едва успела поймать рукой расходящиеся полы.

– Не ожидала, что ты опустишься до того, чтобы спать со студентками! – презрительно бросила незнакомка и, словно разъяренная фурия, промчалась в сторону двери.

Я поймала полный тоски взгляд Ариона, но, к моему удивлению, ректор не кинулся вслед за своей пассией и лишь заметил, когда она с грохотом закрыла за собой дверь:

– Знаешь ли ты, Мира, как тяжело занятому мужчине со сложным характером найти себе приличную любовницу? Мы с Патрисией были вместе почти пять лет. Она умна, образованна и красива. И не пыталась меня на себе женить. Просто набор замечательных качеств! А из-за тебя все как всегда пошло насмарку!

– Извините... – еще раз проблеяла я, но ректор только отмахнулся и протянул мне руку.

– Вам придется занять ее место, – удивительно спокойно заметил он без привычных воплей и оскорблений. И такой тон напугал сильнее.

Глава 7. Неспокойная ночь

– Но я не хочу!

– Да полно, Мира, я видел, как вы смотрите на меня.

От возмущения у меня перехватило дыхание. Я несколько раз открыла и закрыла рот, словно рыба, потому что слова опять закончились, а потом внезапно поняла: возмущаться не стоит.

В глазах ректора горел азарт. Арион фон Расс жаждал поругаться и потрепать кому-нибудь нервы. Его понять можно, ситуация на самом деле вышла на редкость глупая. Но почему я должна терпеть унижения и его дурное настроение?

Интуитивно почувствовав, что стоит сказать, я безмятежно улыбнулась и мило прощепетала:

– Вы знаете, я тут подумала, что с моей невезучестью вряд ли получится построить карьеру. А выйти замуж за ректора – это же мечта! Папочка будет доволен. Завтра же сяду писать ему письмо.

– А о свадьбе, Мира, никто не говорит... – Ректор хитро прищурился и двинулся на меня. Я снова попятилась, но на сей раз, к счастью, ни за что не запнулась.

– Ну а без свадьбы я не могу... – сообщила я, глядя на него честными глазами. – Не так воспитана.

– Мы поработаем над твоим воспитанием, – шепнул он, нагнувшись к моим губам, и сердце остановилось. – Тебе понравится, поверь.

Он хищно улыбнулся и, когда я почти смирилась с неизбежным, внезапно отступил со словами:

– А сейчас прошу к столу. А то на голодный желудок твои формы у меня вызывают исключительно гастрономический интерес. Нужно сначала поесть.

– А потом? – подозрительно поинтересовалась я, не торопясь отлипнуть от стены.

– Все зависит от твоего поведения.

– Я буду очень-очень хорошо себя вести! – в ту же секунду отозвалась я самым своим несчастным голосом. – Только не трогайте меня, пожалуйста, а?

– Вот неужели я такой противный? – обиженно отозвался Арион фон Расс. – Неужели наш возможный роман у вас не вызывает ни одной эмоции, кроме страха?

Я не нашлась, что ответить, и поэтому только осторожно кивнула.

– Все! – заявил ректор. – Вы разорвали мое самомнение в хлам. А знаете, насколько отвратителен бывает мужчина с низким самомнением? Как показывает практика, из таких мужчин получаются ужасные начальники, которые самоутверждаются за счет своих подчиненных. То есть вы сейчас, Мира, не только себе подгадили, но и всей академии.

– О-о-о, – заметила я, почувствовав, что опасность миновала. – Так в этом случае с самомнением у вас беда уже давно. Я тут совершенно ни при чем. До меня кто-то постарался.

Ректор поморщился, но возражать не стал, только пробурчал:

– Ешьте уже!

Я не заставила себя просить дважды. Сыр был замечательным. В меру острым и плотным, таким, как я люблю. Красное вино оставляло на языке терпко-сладкий привкус. Помрачневший ректор молчал, что не могло не радовать. Размышлял, наверное, и я даже не хотела думать, о чем. Просто наслаждалась тишиной и моментом.

Думал Арион долго, я даже забыла, о чем мы говорили, а потом неожиданно выдал:

– Да нет... у меня такой характер. Непростой.

Я не сразу сообразила, о чем он, но когда вспомнила вскользь брошенные слова, не смогла сдержать ухмылку.

– Ну-ну...

– Вот язва ты, Мира. Отвратительное качество для личного помощника. Хорошие специалисты так себя не ведут.

– Герр ректор! – Я усмехнулась, сделав еще один глоток вина. – Меня выгнали с девяти предыдущих мест работы. Как бы ни было горестно признавать, но меня нельзя назвать хорошей личной помощницей. Увы.

– И не поспоришь, – согласился Арион и прекратил разговор. Мы продолжили сидеть в тишине.

На улице смеркалось, а в комнате у нас горел лишь камин и свечи. Через распахнутое окно можно было любоваться закатом и наблюдать за кошками на крышах соседних домов. Я неожиданно поняла, почему

ректор не продает эту квартиру. И удобство тут ни при чем. Просто в этом месте было уютно. Совсем не так, как в академии. Хотя в покоях Ариона фон Расса я не была, но мои все же слишком напоминали номер в гостинице.

А в такой квартире я бы хотела жить. Когда-то, едва закончив учиться, я мечтала именно о таком жилье и даже сняла нечто похожее, но потом меня выгнали с первого места работы, и я стала скромнее в своих запросах.

Я сидела до последнего в кресле, поджав ноги, и смотрела на чернеющее небо и повисшую над крышами луну. Потягивала вино из бокала и задумчиво грызла кусочек сыра. Идти в спальню было страшно. Ректор слишком уж откровенно выразил свои желания, и я просто боялась предстоящей ночи. Нет, я верила, что он не опустится до чего-то непростительного, но вот пытаться соблазнить станет непременно, а я не уверена, что смогу дать достойный отпор.

А потом случилось то, что поразило меня до глубины души. Ректор поднялся, забрал с собой подушку, одеяло, какой-то плед и ушел спать на пол к камину. Без издевок, возражений и показательных выступлений.

– Комната в вашем распоряжении, – недовольно буркнул он, пытаясь устроить на коврике место для сна.

– Спасибо!

Пока он не передумал, я сбежала, захлопнула за собой дверь и устроилась на ложе, занимающее почти все пространство маленькой комнатки. Тут уместились бы не только мы с ректором, но и еще пол-академии в придачу.

Мне совершенно неуместно стало стыдно. Я почувствовала себя ханжой, по прихоти которой завтра с утра ректор будет мучиться болью в спине, какое-то время постояла, изучая кровать, а потом решительно вышла в зал со словами:

– Перестаньте. Нам хватит там места. Только ведите себя прилично!

– Я знал: ваше сердце дрогнет! – Ректор подскочил резво, словно шкодливая мальчишка, и, схватив подушку с одеялом, ринулся в спальню.

«Что значит – знал? – пронеслось у меня в голове. – Неужели я такая предсказуемая?»

Стало обидно. Я снова злилась на своего нахального начальника, но сейчас поздно было отступить. Он уже развалился на кровати, заняв, казалось, две трети, и усиленно делал вид, что спит. Одеяло съехало с плеч, обнажив мускулистые руки и верх широкой грудной клетки. Глаза Ариона фон Расса были закрыты, вид он имел притягательный и подозрительно мирный. Казалось, он совершенно безопасен. Но я в это не верила. Выдохнула и осторожно прилегла с краешка, надеясь, что не буду крутиться до утра и все же усну. Ночь предстояла длинная.

Ворочаться было до ужаса неловко, поэтому я лежала в одной неудобной позе и считала овец. На стене раздражающе тикали часы. Я мысленно провожала овец с залитой светом зеленой полянки в стойло. Количество блеющих тварей росло, а сна не было ни в одном глазу. Затекли бок, спина, плечо и шея.

Ректор раздражающе сопел над ухом, и я готова была взвыть от того, насколько мне некомфортно находиться в одной постели с незнакомым мужчиной. Даже хуже, чем с незнакомым! С начальником.

Подобные мысли меня окончательно разбудили, я застонала про себя и все же перевернулась на спину.

– Мира, вы сами от себя не устали? – тихо поинтересовался ректор, и я вздрогнула. Я-то думала, он спит. – Расслабьтесь. День был тяжелый, и сейчас я не собираюсь соблазнять вас под покровом ночи. И посягать на вашу честь, пока вы спите, – тоже.

– Я не... – слова застряли в горле. – Я ни о чем подобном не думала.

– А о чем вы думали?

– Об овцах... – честно ответила я.

– Об овцах? – переспросил Арион фон Расс, и я почувствовала себя совсем глупой, потому что пришлось пояснить:

– Да, я думала об овцах. Ну... чтобы заснуть. Вас не учили в детстве думать об овцах?

– Нет... – потрясенно пробормотал он.

– А о чем же вы тогда думаете перед сном? – искренне удивилась я.

– Поверьте, вы не хотите об этом знать. – Он хмыкнул, а потом добавил: – Ну и еще о работе. А когда шушелевой работы много, я думать не успеваю ни о чем. Падаю на подушку и, пока лечу, уже

засыпаю. Вы тоже так будете. Вот приедут поступающие пещерные тролли, и места для овец в вашей голове не останется.

– В академии учатся тролли? – удивилась я. Я всегда считала, что тролли не слишком способны к обучению.

– А кого, вы думаете, выпускают школы? – зевнул ректор. – Сразу готовых магов, что ли? Нет, все как один – тролли. Что по поведению, что по уровню интеллекта.

Как ни странно, после этого разговора я очень скоро и в самом деле расслабилась и уснула. Причем крепко и без сновидений, провалившись в сон, словно в яму, заваленную сладкой ватой, – уютную, теплую и мягкую.

Ощущение блаженного комфорта не покидало меня всю ночь, и просыпалась я поэтому лениво и медленно. Сладко потянувшись, перевернулась на другой бок, не желая выныривать из волшебной дремы, и уткнулась носом во что-то странное, не похожее на подушку или одеяло. Резко открыла глаза, мигом вспомнив, где я, и уставилась на смуглое гладкое плечо. Во сне я прижалась к своему начальнику и даже ногу закинула ему на живот.

«Какой же стыд!» – пронеслось в голове, и я поспешила отползти в сторону, пока ректор не проснулся. У меня еще был шанс избежать позора. Точнее, был бы, если бы не мое дурацкое проклятие. Я совсем забыла, что спать легла в халате. За ночь поясок развязался, я возилась, и ректор уснул на поле моего халата. Я дернулась, одежда застряла, сползла с плеч, ректор проснулся, а я, схватив одеяло, едва не полетела на пол. Удержалась с трудом и забарахталась, пытаюсь устоять на ногах и не предстать перед начальником в одних кружевных трусиках.

Лучше бы предстала! Наверное, испытала бы меньший стыд. Не знаю, когда он успел снять штаны, и совсем не ожидала увидеть голого мужчину в своей постели. Спросонья ректор не успел ухватиться за край одеяла, и теперь я стояла, обмотавшись халатом и одеяльцем, а мой начальник лежал в чем мать родила. Причем, похоже, нимало не смущаясь.

Не зная, как реагировать, я позорно взвизгнула, подскочила и сбежала в ванную. Меня никто не преследовал. Кажется, Арион фон Расс вообще не понял, что произошло. Может быть, и к лучшему?

Мне не помогла ни холодная вода, ни слова, которые я повторяла, как заклинание: «Ничего страшного не произошло. Я ничего не

видела. Ничего не видела!» Бесполезно. Образ обнаженного Ариона фон Расса намертво отпечатался в моем сознании, заслонив собой даже образ Ариона фон Расса в полотенчике. Я не знала, ни как выйти и показаться ему на глаза, ни как с ним дальше работать. Наверное, я так и осталась бы сидеть в ванной, если бы начальник не проявил настойчивость и не пришел извлекать меня сам.

– Мира, вы обнаглели! Давайте выходите! Мне тоже хочется воспользоваться душем!

Стало совсем стыдно, и я с несчастным видом выскочила в коридор. Заметалась, словно испуганная мышь, и, пропустив ректора в дверь, ускакала в гостиную, где с ногами залезла на кресло. Как же я хотела сбежать и спрятаться где-нибудь на необитаемом острове! Но ведь это было глупо. Особенно с моим невезением.

Пока я была в душе, Арион фон Расс успел порезать хлеб, сыр и мясо, а также заварить кофе в высоком блестящем кофейнике, который сейчас стоял в центре стола и манил запахом. Едва заметный парок шел из носика, и я прикрыла глаза, приплюхиваясь и облизываясь.

Ректор появился минут через десять. Он переоделся в светлые брюки и белоснежную рубашку со шнуровкой на груди, но это уже было не принципиально. Какая бы ни была на нем одежда, я смотрела словно сквозь нее.

– Не кажется ли вам, Мира... – ласково начал он, разливая из кофейника кофе по чашкам, – что в отношении нас существует одна несправедливость...

– Какая? – подозрительно поинтересовалась я, старательно разглядывая васильки на скатерти.

– Вы меня видели безо всего, а я вас – еще нет...

– Я случайно, правда-правда! – Я вскинула глаза, не понимая, как еще могу оправдаться. Я и сама была не рада, что все так произошло.

– Да? – Он удивленно приподнял бровь. Поставил свою чашку на стол и грациозно приблизился ко мне, заставив сжаться в кресле. – А если я тоже нечаянно? – Он медленно провел рукой по моей щеке, спустился по шее и отодвинул ворот халата, обнажив мое плечо.

Я испуганно вздрогнула и машинально придержала полы. Сердце пропустило удар, а ректор горько усмехнулся и отступил со словами:

– Вот почему я рядом с вами, Мира, чувствую себя старым развратником, соблазняющим дитя?

– Не знаю, – честно ответила я. – Это же ваши ощущения, а не мои.

Похоже, я все-таки окончательно достала ректора своим острым язычком, потому что больше никаких попыток ко мне приблизиться и флиртовать он не делал. Я вздохнула с облегчением, но уже по дороге домой поняла, что в моей жизни чего-то не хватает. Отругала себя мысленно и решила поговорить о деле.

– Герр Расс, а можно мне завтра не выходить на работу? – начала я вкрадчиво, стараясь не заглядывать ректору в глаза. Во-первых, он смотрел на дорогу, и не хотелось бы отвлекать, а во-вторых, я прекрасно знала, что когда что-то выпрашиваю, становлюсь похожа на нашкодившего спаниеля.

– Чегой-то? – ехидно поинтересовался он. – Ты вроде бы и работать толком не начала еще. Сегодня у тебя вообще незапланированный выходной день, а завтра хочешь еще один?

– Ну так сегодня только с утра выходной, – поправила я. – А после обеда я отработаю, хоть до самой ночи.

– После обеда до самой ночи вы будете выбирать платья, чтобы не ударить в грязь лицом перед своими более успешными одноклассниками. Не может же моя «невеста» ходить не пойми в чем.

– Я не хожу не пойми в чем! – возмутилась скорее для порядка я и тему развивать не стала, а просто добавила: – Я завтра с утра хотела испытать зелье и постараться связаться со всеми одноклассниками. Насколько я знаю, почти все наши работают в столице. Думаю, получится их собрать.

– Хорошо, – нехотя согласился ректор. – Причина достойная, а я постараюсь еще надавить по своим каналам.

– Сможете сделать так, чтобы у них не возникло проблем с работодателями? – скептически хмыкнула я.

– А почему бы и нет? У вас группа не очень большая. – Ректор пожал плечами. – У меня есть связи в министерстве и магдепартаменте. Почти родня с некоторыми пор.

– Повезло вам с родственниками!

Вообще-то я ехидничала, но, признаться честно, исключительно из зависти. У меня вся родня была – сплошь купцы и ремесленники (за исключением дедушки, от которого и досталась приставка «фон»),

люди прекрасные, но совсем бесполезные в плане решения глобальных проблем.

– Это вы просто пока моих родных не знаете, поэтому так и говорите!

– А вы предполагаете, что познакомлюсь? – с ужасом уточнила я.

– А как же! Если, конечно, не сбежите с работы. Только вот бежать-то вам некуда.

– Как это некуда? – удивилась я. – Есть куда. Замуж.

– О! То есть эта перспектива вас уже пугает не так сильно, как три дня назад?

– Просто вы, герр Расс, обладаете удивительной силой. Заставляете людей сомневаться в правильности принятых решений.

Я не могла рядом с ним молчать. Словно кто-то открывал кран, и слова, не всегда уместные в общении с начальником, лились из меня непрерывным потоком. К счастью, дорога заняла не так много времени и разругаться мы не успели.

В академии нас уже потеряли. Ректор умудрился вызвать для меня модиста, а вот известить персонал о своей задержке не удосужился. Навстречу нам выбежала заплаканная герра Сибилла, кухарка, вытирающая глаза накрахмаленным передником, и лич в обнимку с недовольным Васиком, который даже листочки свернул в трубочку в знак своего негодования. Я называла это состояние «умирающий цветочек». Васик, когда страдал, любил делать вид, будто засыхает, и требовал вкуснятины и удобрений, от которых хмелел и безобразничал.

– Хвала великим силам! – Лич с облегчением выдохнул. – Вернулись. Мы уже начали волноваться!

– Да полноте, профессор Сазейр, – отмахнулся Арион фон Расс, захлопывая дверь повозки и разминая затекшие ноги. – Я верю: если бы со мной что-то произошло, вы бы смогли вновь занять пост ректора. Сами же говорите, руководитель из меня никудышный.

– А мне оно надо? – Лич пожал плечами. – Вон дамы из министерства в кабинете с восьми утра ждут, пока вы с помощницей в городе развлекаетесь. – Я побледнела, потом покраснела, а лич продолжил: – Весь чай выпили, отобедали и начали гневаться. Угадайте, хочу ли я их успокаивать?

– А может, все же попробуете?

– Герр ректор, – осторожно начала герра Сибилла. – Мы профессора, конечно, любим и уважаем, но там же барышни балованные, с тонкой душевной организацией. Нельзя с ними так. Вы помните, как по весне Кассандра вам подарочек у кабинета оставила? Тот скелет, сладким кремом измазанный и с бантиком? Какой конфуз вышел. Как они, бедняжечки, орали. Так ведь скелет-то не живой был. Так, чуточку руками шевелил да головой из стороны в сторону покручивал. А профессор Сазейр у нас мужчина о-го-го, с темпераментом. Не откачаем дам. Как оправдываться потом будем?

– А что, тех же самых прислали? – недовольно поморщился ректор и печально вздохнул, когда получил ответ:

– Да-да. Именно.

– Вот же шущель! Мира! – оживился он.

– Да, герр ректор? – осторожно поинтересовалась я и для верности немного отступила, мечтая стать незаметной. Не помогло.

– А сходите выполните свои непосредственные обязанности. Уведомите дам о моем прибытии. Ну и сокройте им что-нибудь правдоподобное, а то решат, будто мы с вами любовники. Настучат начальству. Меня потом станут при каждом удобном случае подкалывать.

– Да, герр ректор, – пискнула я, чувствуя, как бешено колотится сердце, и помчалась в сторону кабинета. Даже о том, что платье на мне несвежее и местами грязное, забыла.

Вспомнила, когда две ухоженные и очень недовольные министерские дамы уставились на меня, словно на клопа. С брезгливым презрением. Я их понимала – во внешность каждой была вложена не одна сотня золотых. Идеальные, волосок к волоску, прически, дорогие костюмы, униженные перстнями пальцы и лица без возраста, над которыми поработали маги. Я же сама сейчас напоминала пятнадцатилетнюю крестьянку. Светлые растрепанные волосы, завитками падающие на спину, лицо без грамма макияжа и летнее помятое платьице, уместное на прогулке, а не на работе.

– Добрый день! – Я попыталась улыбнуться лучезарно и располагающе, как нас и учили. Подозреваю, получилось не очень, так как дамы не оттаяли. – Герр ректор прибыл. Подождите буквально пять минут.

– Мы и так уже ждем все утро! Пять минут ничего не изменят. День потерян! – возмутилась блондинка и посмотрела на меня, будто перед ней вошь. Я мысленно показала язык и улыбнулась еще радушнее.

– А вы его новая секретарша или так... студентка-практикантка? – снисходительно осведомилась рыжая и глянула на меня неодобительно. – На студентку походите больше.

– Личная помощница, – довольно холодно уточнила я.

– Да какая разница! А как вас зовут? Хотя это неважно, – пренебрежительно бросила она, я даже не успела рот открыть. – Все равно долго вы тут не задержитесь.

– А вдруг? – Я приподняла бровь и тоже смерила даму пренебрежительным взглядом. Она даже вздрогнула и поежилась. А я испытала удовлетворение.

– Ну до вас никому еще не удавалось проработать дольше года. Нервы сдавали раньше. Приработаетесь – замечательно. Хоть какой-то порядок, может быть, появится. А то бардак сплошной! Только вы уж трусы свои не оставляйте на ректорском столе.

– Что? – От возмущения у меня даже дыхание перехватило.

– А что? – включилась в разговор блондинка и повела полными плечами. – Ректор – мужчина горячий. Всякое может произойти. Как с прошлой секретаршей было. Мы приходим, а тут... – Блондинка показала пальчиком на письменный стол. – Трусики алые на настольной лампе висят. Забыла ваша предшественница... Как хоть он в постели? Можно трусы-то на столе забыть?

Дамы засмеялись, а я стояла ни жива ни мертва и думала: то ли провалиться сквозь пол, то ли бежать душить ректора. Пока решала, он явился сам и даже шарахнулся, когда заметил мой полный гнева взгляд.

В отличие от меня, Арион фон Расс успел привести себя в порядок. Волосы после душа были зачесаны назад и блестели. Свежая белая рубашка отливала в голубизну, а темно-серые брюки сидели отменно. «Значит, герр ректор сначала безобразничал с секретаршей на столе, а потом ее же и уволил за непристойное поведение?! Так и знала, что он мерзавец!»

– Мира, можете быть свободны! В ближайший час вы мне не нужны, – бросил он, даже не предполагая, что я всю мысленно

планирую его убийство.

Только на выходе я поняла, почему ректор стоит так странно, спрятав руки за спину. Оказывается, он не очень удачно скрывал горшок с Васиком. Я-то, пока разглядывала влажные волосы и смуглую шею в вороте рубашки, ничего не заметила, а вот министерские дамы косились очень подозрительно.

Я тихонько хихикнула и остороженько забрала цветочный горшок. Васик сразу же замурлыкал по-кошачьи и потерялся об меня бархатными лепестками. Соскучился. Тут же изогнулся и очень аккуратно попытался оттяпать кусок рукава ректора, но не успел – я отдернула горшок. Ректор шарахнулся в сторону. Я испуганно покосилась на двух чиновниц и нахмурившегося Ариона фон Расса, показательно шикнула на Васика и уже хотела дать деру, пока не влипла в очередные неприятности, но не успела. Они нашли меня сами.

Вот какой демон дернул блондинку с воплем: «Ути, какой хорошенький!» – потянуть пухлые ручки к моему цветочку? Я приклеила на лицо вежливую улыбку и начала пятиться к двери. Но Васик, осознав, что эта вкусная женщина его хвалит, завибрировал всеми листочками и, порозовев до поросячьего цвета, потянулся к министерской даме. Чем дальше я отходила, тем длиннее становился стебель и тем стремительнее все мы приближались к трагедии.

Едва дама протянула руки к обманчиво-безобидным лепесткам, Васик тут же коварно цапнул ее за палец, извернулся ужом и вцепился в юбку.

– Ах ты тварь! – заорала блондинка, ухватившись за подол, и попыталась вырвать из зубов Васика законную добычу. Не тут-то было! Мой цветочек никогда не сдавался, и отобрать у него «еду» было невозможно.

– Лиссандара! Я тебя спасу! – крикнула рыжая и, схватив пухлую папку с приказами, начала надвигаться на беззащитный цветочек.

– Не трогайте Васика! – заорала я и попыталась вырвать цветок, но он, поганец, почему-то не спешил откусить кусок юбки дамы и позволить мне сбежать, а просто вцепился в подол, как бультерьер, и висел.

Дальше начался форменный бардак. Рыжая, поняв, что лупить папкой по извивающемуся стеблю – глупое занятие, кинулась ко мне и

принялась вырывать горшок, я, естественно, сопротивлялась и кричала:

– Васик ни в чем не виноват!

Блондинка голосила:

– Выкиньте эту дрянь!

А ректор стоял в центре кабинета и мрачнел с каждым мигом. Он уже принял какое-то решение и сделал стремительный шаг вперед, но тут произошло непредвиденное. Васик, поняв, что дела идут не самым лучшим образом, испугался, но юбку не отпустил, а только мелко задрожал, побелел, и на его светлеющих лепесточках проступили ярко-красные клубнички. В это же время старательно выведенные на стебле защитные знаки побледнели и исчезли.

– О нет! – крикнул Арион фон Расс и схватился за голову.

Ректор ведь говорил, что защитные знаки не вечны, но я совсем о них забыла, да и некогда было проверять. Лич в наше отсутствие, видимо, и не подумал их обновить.

Шушель отреагировал в тот же миг и появился на люстре. Заметив предмет своих воздыханий, твареныш счастливо заверещал и кинулся вниз, но, к моему удивлению, не на цветочек, а на рыжую даму из министерства, которая пыталась отобрать у меня горшок. И у нее бы это получилось, если бы мохнатая тварь не спикировала в прическу, похожую на плетеную корзину.

Кошмар не просто продолжался, он с каждой секундой набирал обороты. Я боялась даже вздохнуть от ужаса. Васик, почувствовав, что помощь пришла, методично жевал юбку верещащей блондинки, шушель драл прическу рыжей, видимо, пытаясь свить гнездо среди залакированных локонов. Один ректор взирал на происходящее со вселенским спокойствием и выражением смирения на холеном лице. Даже не орал. Просто отошел в сторонку, уселся в кресло и только дрожащими руками раз за разом подносил ко рту бутылку с вискарем.

Я не знаю, чем бы все это закончилось, если бы ректор, отпив из бутылки треть, не стукнул кулаком по столу и не скомандовал:

– А ну-ка, тихо!

Свои слова он подкрепил мощным потоком воды, хлынувшим с потолка. Васик, давясь, проглотил огромный кусок оторванного подола и скрылся в горшке. Шушель завизжал как резанный, дернулся в сторону, но запутался лапами в волосах рыжей чиновницы. Он рванул сильнее,

дама заверещала, попыталась ухватить тварь руками, но не успела. Шушель сиганул на люстру, прихватив с собой и копну ярко-рыжих волос, оказавшихся весьма мастерски сделанным париком.

Я в своей жизни ни разу не видела напуганного шушеля. Как демоненыш орал! Всклоченная шерстка встала дыбом. Он лихорадочно затряс лапками, пытаясь скинуть парик, а когда ему это удалось, с громким бурчанием исчез. Мне казалось, мелкий пакостник поносит нас на чем свет стоит на своем шушелячьем языке.

Все затихло. И мы остались наедине с двумя мокрыми и взбешенными министерскими дамами. У одной не хватало половины юбки, а у другой – парика.

– Но вы ведь мне разрешили уйти? – пискнула я и начала бочком пробираться к двери, пытаясь не обращать внимания на то, что с меня на ковер течет вода.

– Э, нет, Мира! – кровожадно заявил ректор. – Стоять!

Глава 8. Нам проблемы нипочем!

Гневный вопль начальника проигнорировать я не смогла, хотя мечтала позорно сбежать. Но тогда бы меня точно уволили. Пришлось остаться и попытаться как-то уладить конфликтную ситуацию. А это было непросто. Хорошо хоть, поганец Васик больше не нарывался: сжался в горшке, и из земли торчала только большая ярко-зеленая вздрагивающая почка. Цветочек делал вид, будто очень сильно напуган. Может быть, кого-то он и смог бы обмануть, но не меня. Я знала: стоит только отвернуться, и он тут же примется за старое.

Я, от греха подальше, убрала его на подоконник за шкаф и кинулась извиняться, заранее понимая, что две дамы, прождавшие ректора с утра и в итоге оказавшиеся одна без юбки, другая – с коротко стриженным ежиком волос вместо шикарной рыжей шевелюры, вряд ли воспримут наши оправдания с радостью.

– Герр Расс! Это уже за гранью добра и зла! – Рыжая рыдала не стесняясь. – Что у вас тут творится?! В этот раз мы будем писать жалобу! Разберитесь как-нибудь со своими подчиненными, питомцами и растениями! Подобное недопустимо в учебном заведении! Как только персонал от вас не сбежал?! Хотя... весь приличный уже давно сбежал!

У меня похолодело в груди. Жалоба в министерство – это очень серьезно. Но ректор, похоже, не в первый раз попадал в подобные ситуации и слышал эту угрозу. Уже через пять минут он разливал по бокалам коньячок, который прятал в баре за картиной, и сладким голосом, какого я у него ни разу не слышала, пел:

– Вот видите, какой творится беспредел? А все почему?

– Почему? – дрожащим голосом спросила блондинка и опрокинула в себя бокал коньяка. Мой батюшка так же глушил самогон после того, как узнал, что вместо свадьбы я еду учиться.

– Защитные заклинания устарели, а на новые денег нет, – продолжал вести светскую беседу ректор. – Не дает министерство денег на новые. А здесь же дети учатся. Пострадают. Кто будет виноват?

– Вы! – фыркнула блондинка и задумчиво уставилась на объединенный край юбки.

– Нет, герра Лиссандара. Все мы будем виноваты. Я – потому что недосмотрел. Вы – так как не отреагировали на мою просьбу.

– У вас еще совести, герр Расс, хватает деньги просить! – возмутилась бывшая рыжая и со вздохом посмотрела на свой пришедший в негодность парик.

– Ну, герра Рисса, а зачем мы с вами тут собрались? Вон Мира сейчас сбегает, закусочки нам какой-нибудь принесет и остальное тоже организует. Да, Мира?

– Да. – Я кивнула на автомате, а опомнившись, уточнила: – А как?

– Как! Как! – зашипел ректор, взглянув с ненавистью. – Найдите кого-нибудь, кто сможет навести качественную иллюзию. У меня же здесь не цирюльня и ателье, а магическая академия.

– Хорошо. – Я кинулась к двери, услышав последние слова рыжей:

– Но не надейтесь, герр Расс, что вы отделаетесь только иллюзией.

– Да когда же я одной иллюзией отделялся! – возмутился он. – Все искуплю.

– Еще бы! Не сомневаемся.

– А сомневались бы, не ездили бы ко мне раз в квартал! – недовольно пробурчал ректор. – Сами знаете, у нас всегда казусы!

Зацепившись подолом за косяк, я выскочила за дверь. Закрыла ее за собой и привалилась к стене, приводя в порядок мысли и чувства. Вспомнила, что Васик без защиты стоит за шкафом, а шушель может примчаться снова, и уже почти вернулась, но потом решила: если демоненыш появится без меня, то пусть ректор с ним сам и разбирается, а если я сейчас сунусь обратно, то однозначно получу. Утро и без того выдалось нервным. Вон руки до сих пор дрожат, глаз дергается, и платье, в довершение всех бед, порвалось! А предстоит еще исполнить поручение начальства. Хуже всего: я не представляла, кто именно занимается в академии иллюзиями. Нужно было уточнить у кого-то осведомленного.

Герра Сибилла караулила неподалеку в коридоре. Заметив меня, она бросилась со всех ног и срывающимся голосом спросила:

– Ну как?

Внятно ответить на вопрос я не смогла, только шумно вздохнула, несчастно посмотрела на толстушку и сказала:

– Очень нужен специалист по иллюзиям.

– Даже так? – Дама помрачнела и покачала головой. – Пойдем, милочка, я тебя напою чаем с мятой.

– Но там... – Я махнула в сторону ректорского кабинета.

– А что там? – Герра пожалала полными плечами. – Вот и расскажешь, что случилось. Мы сейчас кого-нибудь с кухни вызовем. Пусть отнесут им закусочки. Ректор не иначе как дам коньячком отпаивает? – Я кивнула, а герра Сибилла усмехнулась. – Ну, вот видишь! А мы с тобой подумаем, где взять специалиста по иллюзиям. Зачем он нужен-то?

– Рыжая осталась без парика, блондинка – практически без юбки, – мрачно заметила я.

– Кошмар! Кто постарался?

– Васик и шушель! Не хочу об этом. Лучше скажите, что за проблема со специалистом?

– А нет, Мирочка, его. Герр ректор ему отпуск не дал, а он возьми и отчаль отдыхать вчера вечером. Сказал: «Уволит так уволит! Сил моих больше нет тут работать!» И укатил. Мы не успели сказать...

– Не успели? – Я удивленно приподняла бровь.

– Ну хорошо. – Дама немного смутилась. – Не рискнули. Ну что лишний раз ректора дергать? Сам бы рано или поздно спохватился.

– Вот и спохватился, – мрачно заключила я. – Что делать-то будем?

Герра Сибилла махнула рукой и потащила меня в преподавательскую, которая находилась совсем недалеко от кабинета ректора. Усадила на диван и всучила чашку мятного чая.

– Пей, – скомандовала она, достав из шкафа вазочку с печеньем. – И рассказывай.

Я вздохнула и послушно пересказала все трагикомические события последнего часа. В лицах и в красках. Герра честно пыталась не хохотать, но получалось у нее это не очень хорошо.

– Вы смеетесь! – обвиняюще сказала я. – А мне-то что делать? Ректор зол, а будет еще злее. Эти две из министерства в таком виде не захотят возвращаться. И я их как женщина прекрасно понимаю. Только помочь ничем не могу. Ни одно мое платье на них не налезет, а

париков я вообще не ношу! Угадайте, кто получит нагоняй, когда выяснится, что этот ваш специалист неожиданно сбежал в отпуск?!

– Ох! – Герра Сибилла улыбнулась. – Все же как хорошо, когда у ректора есть личная помощница, иначе бы влетело всему персоналу академии.

– Вот уволит он меня, и будете опять мучиться! – мстительно заметила я и отхлебнула остывший чай.

– Не-не! – Дама испугалась обрисованных перспектив. Прикрыла рот ладонью, видимо, вспомнила какой-то особый случай. Я не сомневалась, что с ректором таких случаев было много. – Вообще-то есть тот, кто сможет наложить иллюзию, но не уверена, что это лучший вариант.

– Почему? – удивилась я.

– Потому что это профессор Сазейр. В министерстве знают, что у нас есть такая единица, как лич, – пояснила она. – Но до сих пор относятся к нему настороженно. Ты же помнишь свою реакцию на профессора. Представь, что будет, если его показать и без того нервным чиновникам?

– А выбор у нас есть? – печально уточнила я, представив вторую часть кошмара с визжащими министерскими дамами.

– В том-то и дело, что нет... – вздохнула герра Сибилла, а я впала в уныние.

За личем послали жизнерадостную девочку с кухни. Герра Сибилла сказала, что Лимма из ближайшей деревни, работает недолго, но вписалась в коллектив быстро и даже лича не пугается. Сама девчонка мотивировала свое отношение к профессору просто: «Живых бояться нужно. А этот что? Не насильничает точно!»

Я была вынуждена признать ее правоту.

В конце концов наступило то время, когда сидеть на месте и дальше стало чревато большими неприятностями, и мы небольшой компанией направились в кабинет ректора, надеясь, что министерские дамы пьяны настолько, что не заподозрят в профессоре умертвие. Я предположила, что хоть какую-нибудь плохонькую иллюзию сможет навести сам ректор, но герра Сибилла лишь посмотрела с жалостью, и я поняла: нет, не сможет, а значит, профессор-лич – единственная надежда.

Оставалось уповать только на везение, которого у меня не было в принципе. Ну и на крепкие нервы чиновниц, в чем я тоже сомневалась. Оттого идти в ректорскую приемную было еще страшнее.

Вообще идея казалась наивной и очень глупой. Нас извиняло только отсутствие других вариантов.

– Профессор Сазейр, – несчастным голосом заныла я. – Может быть, вы и на себя какой морок наведете, а? Ну хотя бы самый простенький и примитивный!

– Мира, вы замечательная девушка, но ваша безграмотность удручает! Вы работаете в магической академии, а не знаете таких прописных истин! – возмущенно прошелестел профессор, ускоряя шаг, словно мое присутствие рядом оскорбляло его до глубины души.

Даже стало стыдно из-за своей невежественности, но потом я вспомнила, что вообще-то стыдиться мне совсем нечего. Я не обязана знать все на свете.

– Я тут три дня работаю, между прочим! И училась не здесь! Откуда же могу знать ваши «элементарные вещи»?!

– Не могу я наложить иллюзию на себя. Не могу! – устало отозвался лич, разговаривая со мной, словно с маленьким ребенком. – Я вообще не очень хорош в иллюзиях, а на посторонний объект их наложить в разы проще. Вот кладбище поднять – всегда пожалуйста.

– Нет уж! – отмахнулась я. – Нам вас хватает с избытком. Герра Сибилла, – переключилась я на семенящую сзади даму, – нашатырный спирт с собой взяли?

– Конечно, Мирочка. Два пузыречка захватила.

– Зачем два-то? – От удивления я даже затормозила. – Не отпаивать же мы их им будем?!

– Как знать? Как знать? – вздохнула Сибилла и тихонько подтолкнула меня в спину.

Я задержала дыхание и открыла дверь.

Пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не зажмуриться от страха, и решительно шагнуть вперед. В кабинете ректора было весело. Рыжая выкинула свой парик в мусорное ведро и уже не смущалась короткого ежика волос. Блондинка с удовольствием демонстрировала ректору коленки, и мне за это захотелось треснуть ее вазой по голове. Благо и ваза имелась подходящая – массивная,

напольная, стоящая в углу. Откуда взялось такое странное желание, я предпочла не анализировать.

– А, Мира... мы уж вас и не ждали, – не очень трезво отозвался ректор и строже, старательно скрывая тот факт, что язык заплетается, добавил: – Что так долго?

– Понимаете... – Я сглотнула. – Со специалистом по иллюзиям вышла небольшая накладка.

– Какая накладка? – возмутился ректор. – Где Густав?

– Густав в отпуске... – пискнула я и отступила, так как глаза Ариона фон Расса начали наливаться красным. Нас ждал знатный скандал. Блондинка, видимо, это тоже просекла, а может, просто возмутилась в очень удачное время:

– А нам что делать? Совсем-совсем нет иллюзиониста?

– Не совсем-совсем... – осторожно ответила я. – Мы нашли замену...

– Так запускай! – махнула бокалом рыжая, пока еще не понимая, о чем именно просит.

Я кивнула, а ректор, догадавшись, в чем дело, завопил:

– Нет-нет!

Но было поздно. В помещение величественно вплыл лич, а за ним – герра Сибилла, в каждой руке у которой было по бутылочке с нашатырем.

Такого фурора не произвели даже Васик с шушелем, когда устраивали безобразие в кабинете ректора часом ранее. При виде вежливо скалящегося лича блондинка мигом забыла про свои коленки, которые демонстрировала ректору, и с воплем взлетела на стул, словно увидела перед собой мышь, а не лича. Я попыталась понять, как подобное поведение поможет ей в борьбе с опасностью, но так и не смогла.

Рыжая просто заорала и отскочила к стене, вооружившись вазой, которую я успела приметить за минуту до этого. Ректор вздохнул, помрачнел и, задумавшись на секунду, залпом выпил коньяк из бокала.

– Добрый день, дамы, – вежливо поздоровался лич, предпочтя с королевским достоинством не заметить переполох. – Позвольте наложить иллюзию, чтобы вы могли вернуться в министерство в пристойном виде. Кто первый?

После этих слов блондинка с тихим стоном свалилась в обморок в услужливо подставленные ректорские руки, а рыжая еще дальше забилась в угол, отгородившись от нас и от лица массивной вазой.

Герра Сибилла кинулась вперед с пузырьком нашатыря, но я ее остановила.

– Подождите... может, так оно и лучше... Профессор, приступайте к работе над этой! – Я ткнула пальцем в блондинку, которая, как оказалось, не симулировала. Наложить на нее морок не составило бы труда.

– Нет! – завопила из угла рыжая. – Не смейте!

– И до вас очередь дойдет, – шикнула я на нее.

– Не дам измываться над коллегой! – Министерская дама с вазой выступила в нашу сторону, заставив попятиться даже лича. Ситуация вырисовывалась патовая. Другого специалиста по иллюзиям у нас не было, а дама готовилась сражаться до конца. Ректор это понимал, поэтому не выдержал.

– Ну вот что у меня за персонал такой безголовый! – начал он. – Одни амебы, которым даже самое элементарное поручить нельзя. Ладно это чудо белобрысое, которое вечно неприятности притягивает и работает без году неделя! От нее я ждал какого-нибудь подвоха! Но вы, герра Сибилла! Вы же женщина со стажем и большим жизненным опытом!

– А что я? – Герра Сибилла уперла руки в крутые бока. – Делать-то что прикажете? Густав смотался. Что я еще могу предложить? Свою юбку для этой? – Она кивнула в сторону обморочной блондинки. – Обмотается два раза и пусть топает восвояси. А даме с вазой мы можем достать элегантную шляпку с лентами. Мне на прошлый день рождения невестка подарила. И выкинуть рука не поднимается, и не наденешь, потому что издали непонятно: то ли шляпа, то ли торт на голове! Других вариантов нет.

– Ну, герра Рисса? – удивительно вежливо поинтересовался ректор у воинственной рыжей. – Рискнем, зажмуримся и воспользуемся услугами того специалиста, что есть в наличии, или посылаем герру Сибиллу за шляпкой и юбкой? У герры отменный вкус, это вы можете заметить по ее сегодняшнему наряду – ярко-фиолетовому сарафану и легкому оранжевому топу.

– Нет-нет... – Рыжую аж передернуло, и она отставила вазу в сторону. – Я справлюсь. Что же я, как Лиссандара, не умею в обморок в нужное время падать? – печально вздохнула она.

– Вот и замечательно! – улыбнулся ректор, который с трудом удерживал в объятиях не очень легкую блондинку.

– Ничего замечательного, – покачала головой чиновница. – В этот раз вы своим стандартным набором не отделаетесь. Извиняться придется очень долго и дорого.

– Ничего страшного, я даже знаю, у кого из зарплаты все вычту, – кровожадно заметил он и уставился на меня.

– А я-то что?

Моему возмущению не было предела.

– Нужно ли говорить, чья невезучесть нам подкидывает подарки?

Возразить было нечего, поэтому я понурила голову, промолчала и поймала на себе заинтересованный взгляд герры Сибиллы. Она-то еще ничего про проклятие не знала.

Если с обморочной блондинкой проблем не возникло – мы ее аккуратненько переложили на диванчик, лич склонился, пошептал чуть-чуть, и юбка у дамы стала как новенькая, – то вот за рыжей пришлось побегать.

Она, изначально вроде бы на все согласившаяся, неожиданно передумала и дала деру. Заметалась по кабинету, словно испуганный таракан, но, сообразив, что бежать-то, собственно, некуда, с удивительной для ее возраста и комплекции грацией заскочила на письменный стол. Уговаривали слезть втроем: я, ректор со слащавой улыбкой и герра Сибилла, потрясающая телесами и пузырьком нашатыря. Лич тоже пытался вставить свое веское слово и призвать даму к благоразумию, но на него шикнули, и он, осознав серьезность проблемы, на время отступил в тень.

Зато когда все, ко всеобщему облегчению, завершилось, блондинке все же сунули под нос тот самый нашатырь. Причем герра Сибилла кинулась к дивану с радостью, словно ради этого и работала в академии магии последние двадцать лет.

Министерские дамы сбежали, даже толком не попрощавшись. От чая и коньяка отказались, покосившись на лича, который не спешил уходить. Когда ректор закрыл за гостями портал, герра Сибилла со вздохом уселась на диван.

– Ну вот и ладненько! – вздохнула она. – С проблемой разобрались.

– Да что вы такое говорите? – язвительно заметил Арион фон Расс, подливая себе коньяк.

– А что? – Дама всплеснула руками. – Не так, что ли? Из академии они смотались, инспектировать больше ничего не будут, жалобу не написали. А вам все не так и не этак.

– Теперь они ждут меня к себе с ответным визитом и подарками! Пить снова придется, на коленки толстые любоваться! Тьфу!

– Ну, чай, не сахарный, не растаете!

– Не растаю. – Ректор вздохнул, осушил стопку коньяка и заметил меня. – А вы почему еще здесь? – недовольно осведомился он.

– А где я должна быть?

– Платья примерять. Уже минут сорок. Бегом, а то модист заждался, наверное!

– Ой! – Я спохватилась и кинулась к выходу, а ректор крикнул в спину:

– И герань свою не забудьте. А то она мне полкабинета сожрет!

Глава 9. Свидание под звездами

– Вот же! – Я едва сдержалась, чтобы не выругаться, и заглянула за шкаф, где стоял Васик. Картина, которую застала, поразила до глубины души. Мохнатый поганец шушель сидел на подоконнике в обнимку с моим цветочным горшком и тихохонько попискивал. Васик обвинил демоненка стеблем, мурчал по-кошачьи и шел крупными розовыми клубничками, которые, судя по всему, приводили шушеля в дикий восторг.

Вредить цветочку демоненыш, похоже, не собирался, и я, подумав, все же решила не вступать еще раз в открытую конфронтацию. Вместе эти двое, по крайней мере, не устраивали тотальный беспорядок. Сидели тихонечко и мирно.

Я осторожно отступила, опасаясь нарушить идиллию, но так просто уйти мне не дали.

– Ну, что застыла? – сварливо отозвался ректор. Я спиной почувствовала его недовольный взгляд. – Что там с твоей геранью?

Я не стала отвечать, только пожала плечами и указала на подоконник за шкафом.

– Фу ты! Гадость какая! – резюмировал заглянувший мне через плечо ректор, но согласился с доводами и разрешил оставить демоненка и цветуй здесь, хотя и выражение лица при этом имел крайне недовольное. Я предположила, что ректор тоже прикинул масштаб разрушений, если этих двоих разлучить, и решил не вмешиваться. Когда нужно, он умел принимать правильные решения.

А я выдохнула. Так даже лучше. Может, с самого начала не стоило выходить на тропу войны? Васик – тот еще хитрюга, может очаровать кого угодно. Вот и к шушелю подход нашел.

Примерять платья я примчалась такая уставшая и задерганная, что было уже не до моделей и расцветок. Я согласилась со всем, что предложил модист, даже с готовыми нарядами. Вопрос: «Кто платит?» – меня тоже не особо волновал. Я ли, в счет будущих зарплат, которые такими темпами совсем не заработаю, или ректор. Если есть у него такое желание, пусть меня одевает.

Я уже неплохо его узнала и понимала: он не из тех, кто будет требовать взамен какие-то услуги, которые я не готова оказать. Точнее, он явно припомнит, и не раз, и даже намекнет на что-нибудь этакое, но несерьезно. Ариона фон Расса боялись, но, по мне, совершенно зря. При всей его показной гневливости он был справедлив и отходчив.

Когда у меня на кровати наконец-то лежали два жутко дорогих платья и один деловой костюм, а модист с заказами уехал, я даже не стала спускаться в столовую на ужин. Просто рухнула, не раздеваясь, поперек кровати и отрубилась. Успела лишь платья в сторону откинуть. А через несколько часов меня разбудили чьи-то шаги за спиной и ехидный смешок. Я испуганно подскочила и над ухом услышала знакомый голос:

– Хорошо спится, Мира? А вот я только закончил ликвидировать последствия твоего сегодняшнего невезения. Тебе не кажется, что ты мне должна как минимум ужин? Даже когда в академии находилась Кассандра, такого безобразия не было!

– Что? – Я потеряла глаза и недовольно уставилась на Ариона фон Расса. – Какой ужин? О чем вы?

– Очень поздний ужин, Мира, – ласково отозвался ректор и присел на краешек кровати, заставив меня смутиться.

– А вам приключения-то сегодня еще не надоели? – мрачно поинтересовалась я.

– Приключения в твоей компании мне еще долго не надоедят, – хищно отозвался он. – Пятнадцать минут на сборы. И надень, пожалуйста, это!

Он кинул мне платье. Я на автомате поймала и осталась сидеть, хлопая глазами. Даже не рассмотрела то, в чем мне рекомендовали идти на ужин.

Пятнадцати минут, конечно же, не хватило. Я вообще не умела собираться быстро, особенно по ночам. Сейчас еще находилась в полусне, и, чтобы прийти в себя, мне необходим был прохладный душ, нежное абрикосовое жидкое мыло и благоухающий шампунь, а также несколько минут расслабленной тишины.

Я вышла в комнату, обернувшись в огромное махровое полотенце. Волосы, свернувшиеся от влаги в тугие кольца, потемнели и спускались по спине почти до пояса. По ключицам текла вода. Я не успела зажечь свет, только подняла руку.

– Русалка... – тихо сказал кто-то у меня за спиной, и я, едва не заорав, развернулась.

Ректор как ни в чем не бывало развалился на кровати, закинув руки за голову. Он щелкнул пальцами, светильники послушно загорелись, неярко, интимно, и я смогла как следует рассмотреть своего гостя. Тонкая рубашка из светлого шелка натянулась на мощной груди, пуговички грозили оторваться. Арион фон Расс напоминал вальяжного хищника, который прекрасно знал, что заперся не на свою территорию, но не испытывал ни страха, ни угрызений совести. А чего бояться в курятнике? Тут нет опасности, есть только свежая еда.

Зато я себя чувствовала ну очень неудобно. Слишком часто мы с ним оказывались в таких ситуациях, в каких не стоило бы. И я постоянно смотрела на него не только как на своего начальника, но и как на демонически привлекательного мужчину.

– Что вы тут делаете? – поинтересовалась я, покрепче вцепившись в полотенце. Почему-то казалось – стоит разжать руки, и оно тут же соскользнет на пол. А этого я допустить не могла.

– Ваше время истекло, – довольно сказал ректор и медленно обвел меня взглядом. Сначала задержался на чуть приоткрытых от возмущения губах, потом спустился к груди, закрытой полотенцем, и обнаженным ногам. Теперь мне казалось, что они непозволительно открыты, и еще по бедрам сбегают капельки воды. Он тоже их, видимо, заметил, так как в черных глазах вспыхнуло пламя.

– Вы непозволительно соблазнительны! – с легким укором заявил Арион фон Расс.

– Ну простите! – фыркнула я. – Не была готова к приходу начальства!

– А зря! – Он поднялся и приблизился ко мне. – Сказал же – у вас пятнадцать минут. А теперь я пришел вам помогать.

– Нет-нет! – Я резвенько отскочила в сторону, все еще не выпуская полотенце из рук. В таком виде я чувствовала себя слишком беспомощной. – Вы же не хотите, чтобы я с воплями бегала от вас по комнате? Согласитесь, это будет выглядеть нелепо!

– Мир-ра... – очень чувственно произнес ректор, сделав шаг вперед. Его глаза при этом так красноречиво горели, что я даже покраснела. – Не искушайте...

– Не буду. – Я готова была сейчас пообещать все что угодно, лишь бы избавиться от присутствия ректора, который меня слишком уж волновал. – Можно я все-таки оденусь? Без вашей помощи? Обещаю, что соберусь быстро.

– Предлагаете мне подождать в коридоре? – скептически поинтересовался он, но все же отступил, поглядывая на меня, однако, с хищным любопытством.

– Ну... – Я пожала плечами. – А почему бы и нет?

– Потому что это будет смотреться странно.

– Поверьте, вы в моей комнате смотрите еще страннее.

– Кому как, кому как... – усмехнулся Арион фон Расс, но, к моему облегчению, все же внял гласу разума и вышел, бросив через плечо: – Только не провоцируйте меня снова, Мира. Если я вернусь, то не выйду от вас до утра.

Я не стала дальше искушать судьбу и собралась максимально быстро. Платье, выбранное ректором, оказалось чрезмерно открытым и облегающим. Я редко позволяла себе подобные. Обнаженные плечи, строгий силуэт и юбка, которая от коленей струилась вниз, словно пенящийся водопад. Синее кружево сверху на корсете было плотным, а позже его сменяла мягкая воздушная вуаль. Красивая, дорогая вещь, которая мне удивительно шла. Вкус у Ариона фон Расса, признаться, был отменным.

Только вот я не была уверена, что хочу продемонстрировать такое провокационно-волнующее платье своему начальнику. Мне вообще не нравилось то, в каком направлении развиваются наши отношения. Точнее, мне категорически не нравилось, что эти отношения у нас вообще есть. Стоило признать, Арион фон Расс был не только привлекательным мужчиной, но и настойчивым. Я ведь строго-настрого запретила себе даже думать о нем, хотела держаться подальше, и вот уже покорно иду на ужин, прекрасно осознавая, чем это чревато и как смотрится со стороны.

Впрочем, на улице уже наступил даже не вечер, а ночь, поэтому я зря боялась осуждения со стороны коллег. Работа под руководством Ариона фон Расса была нервной, тяжелой, и поэтому все давным-давно спали и не могли застукать меня в шикарном платье, спешащую на встречу с ректором. И я бы спала с превеликим удовольствием, но

должность личной проклятой помощницы обязывала слушаться начальника.

Арион фон Расс ждал меня у открытого окна в холле. Я неслышно подошла сзади и с превеликим удовольствием сказала:

– Ну?

Ради того, чтобы увидеть испуганно подпрыгнувшего ректора, стоило встать среди ночи.

– Мира! – раздраженно отозвался он. – Нельзя же так! А если бы я воспринял тебя как опасность и замахнулся как следует?

– Я верю в вашу способность быстро среагировать на то, что перед вами не страшный враг, а хрупкая девушка. На что вы так внимательно смотрели?

Я подошла к окну, облокотилась о широкий подоконник и уставилась в темноту. На черном бархатном небе, будто приклеенная, висела серповидная луна, вокруг нее мелким бисером рассыпались звезды, а внизу можно было рассмотреть парк академии, в это время суток освещенный фонарями. Ровные аллеи, лавочки в тени деревьев и несколько небольших, сейчас неработающих фонтанов. Красиво и уютно.

Пожалуй, я хотела бы здесь остаться. Посмотреть из этого окна на золотой ковер осенних листьев, засыпавших дорожки, на шумных студентов, прогуляться по снегу, скрипящему под ботинками. Это место действительно завораживало.

– Красиво же? Правда? – Ректор, оказывается, смотрел мне через плечо, а я и забыла о том, что он здесь.

– Красиво.

– Мне несколько раз предлагали сменить работу...

– Но? – поинтересовалась я, внимательно рассматривая своего собеседника. Задумчивое выражение лица, складку между бровями и немного усталый взгляд.

– Но я не смог отсюда уехать. Мне хорошо здесь. И даже зарплата вполне устраивает. А после того, как выдам замуж дочь, вообще стану самым счастливым человеком на свете. Все-таки растить девочку крайне затратно.

– А жена?

– Что жена? – Он сделал вид, будто не понял, и посмотрел на меня с усмешкой, заставляя конкретизировать вопрос.

Я была не против.

– Почему в воспитании Кассандры не принимает участие ваша жена?

– Потому что из нас двоих самый серьезный и ответственный – я. И Кассандре со мной хорошо. У матери она лишь изредка гостит.

– Было хорошо, – мстительно припечатала я. – Вы же ее отдаете замуж. Она будет жить не с вами, а с мужем.

– Так это же еще лучше! – Он не поддался на провокацию и выглядел излишне довольным. – Во-первых, всю ответственность со своих плеч я переложу на плечи Демиона. И поверьте, спрашивать с него буду...

– Строже, чем с себя. – Я хмыкнула.

– Ты правильно угадала суть. – Он не стал отнекиваться. – А потом, скоро у меня появится маленький кассандренок, а может быть, несколько. Я, знаете ли, очень соскучился по детям.

Я, признаться честно, не нашла что ответить. Как ни старалась, так и не смогла представить Ариона фон Расса дедушкой.

Но неловкое молчание длилось недолго. Ректор улыбнулся и предложил мне локоть.

– Куда мы? – поинтересовалась я, начиная играть в светскую леди. Этот вопрос меня действительно волновал. Академия находилась в безлюдном месте. Не на местное же кладбище идти в вечернем платье?

– Я решил, Мира, что все потрясения прошлых нескольких дней ты можешь загладить, подарив мне ужин в ресторане.

– Где-то здесь поблизости есть нечто похожее на ресторан? – удивилась я и махнула рукой за окно, показывая, где находится это загадочное «здесь».

Вообще, ресторан казался мне не самой большой платой. Сейчас я была голодна, проснувшийся организм вспомнил, что ему недодали ужин, собственно, поэтому я и не стала демонстрировать недовольство.

– Безусловно, в пределах досягаемости простых смертных не отыщется ни одного приличного заведения, – отозвался Арион фон Расс. – Не думаю, что студенческая харчевня «Медвежий хвост» – лучшее место для позднего неторопливого ужина. Но у меня есть и другие варианты, которые мне видятся более интересными.

– Какие? – Мне стало любопытно, потому что «Медвежий хвост» и правда не прельщал.

– Некоторые столичные рестораны надлежащего уровня организуют для своих гостей портал. Мира, ты когда-нибудь порталом пользовалась?

– Нет, – честно ответила я, чувствуя, как энтузиазм начинает угасать, и добавила: – И не хочу. Не могу с моей невезучестью гарантировать, что мы попадем туда, куда планировали. А еще вполне может случиться, что к месту назначения мы с вами явимся частями. Говорят, подобные прецеденты случались.

– Не переживайте, – отмахнулся ректор, посмотрев на меня, как на суеверную деревенскую бабушку. – Безопасность могут гарантировать маги, этот портал обслуживающие и поддерживающие. А по поводу «прецедентов»... Такое случалось очень давно и крайне редко.

– Не уверена, что портал – это хорошая идея. Не доверяю я им. Совсем.

Слова ректора меня не успокоили, но я послушно прошла к его кабинету, где нас и ждал портал. В кои-то веки я боялась зря, и перенос прошел без проблем. Ума не приложу, как это не заставило меня насторожиться. Я должна была сразу подумать, что малейшее везение в моем случае – это затишье перед бурей. Но я лишь крепче вцепилась в рукав ректора и, ослепительно улыбаясь, шагнула на роскошную мраморную лестницу, ведущую в главный зал ресторана.

Порталы хороши тем, что с их помощью можно попасть куда угодно, только удовольствие это недешевое. Немногие могли себе позволить подобную роскошь, поэтому я сейчас чувствовала себя почти принцессой.

Отправляясь работать в захолустье, я и не думала, что возможность блеснуть в столице представится так скоро. Предполагала, что буду сидеть безвылазно в академии и прогулки по столице только вспоминать. Я не привыкла жить вдали от роскоши и цивилизации. У меня не было возможности постоянно обедать в пафосных ресторанах, но зато я могла гулять по мощеным улицам мимо них, встречаться в кофейнях с подругами и даже навещать почаще родителей. Папа, когда меня видел, теплел душой и обязательно устраивал семейный выход в свет: в театр или в такой вот дорогой ресторан. Правда, подозреваю, делал он это с тайным

умыслом – мечтал сбить чадушко в чьи-нибудь заботливые и желательно обеспеченные руки.

Я подозрительно покосилась на Ариона фон Расса и подумала, что отцы все одинаковые, и неважно, что один выглядит как спустившийся с небес древний бог, а другой похож на бородатый мячик. Цели у них схожие, и в ход идут все средства.

Пока вежливый молодой человек провожал нас к столику, расположенному на верхней террасе, я внимательно смотрела по сторонам. В этом месте все было пропитано роскошью и богатством. Здесь не собирались простые смертные. Это заведение было местом встречи избранных. Я еще раз мысленно поблагодарила судьбу за то, что получила образование в управленческом университете. Подобные места меня перестали пугать курсу к третьему.

На террасе все было иначе. Меньше места, блеска и роскоши, больше камерности и уюта. А еще отсюда открывался чудесный вид. Казалось, протяни руку – и можно дотронуться до горных вершин, покрытых снегом. Удивительное и завораживающее зрелище. Чтобы гости не мерзли, им предлагали мягкие цветные плоды. Я выбрала темно-синий, в тон платью, тут же накинула на плечи и уселась на небольшой диванчик.

Здесь было уютно и не слишком людно. Я огляделась и, поразмыслив лишь секунду, поступила так, как многие здесь, – подогнула под себя ноги и укутала их пледом. Стало совсем хорошо. Горячий имбирный напиток с корицей, медом и еще чем-то незнакомым нам принесли сразу же. Я отхлебнула из высокой прозрачной кружки и поверила в то, что вечер удался. Арион фон Расс не зря вытащил меня среди ночи.

К моему удивлению, ректор разместился не напротив меня на соседнем диванчике, а рядом. Сразу стало очень тесно, но просить его пересесть или отсаживаться самой было неловко, и я промолчала.

– Тут хорошо. – Я наконец решила нарушить неловкое затянувшееся молчание. Зажмурилась на секунду и вдохнула теплый ночной воздух. Легкий ветер гулял по террасе и трепал волосы. Откуда-то доносилась тихая, совсем не раздражающая музыка.

Остальные столики тоже были заняты, но они находились достаточно далеко, словно в иной реальности. И, безусловно, именно с нашего диванчика открывался лучший вид.

– Самое то после тяжелого дня, согласишься? – лениво отозвался Арион фон Расс. Ректор сидел в расслабленной позе, закинув одну руку на спинку диванчика. Она практически касалась моего плеча, и от этого меня постоянно бросало то в жар, то в холод. Я слишком нервничала, и это выводило из себя.

– Вы всех своих помощниц водили сюда? – поинтересовалась я то ли в шутку, то ли всерьез.

Ректор раздраженно поморщился, но все же ответил:

– Нет, Мира, я привел сюда только тебя. Все остальные меня начинали раздражать уже через пару часов совместной работы. Я старался, чтобы они мне даже в коридорах академии после завершения рабочего дня не попадались.

– Мне начинать пугаться? – уточнила я. Признание было слишком откровенным. Было бы проще, если бы он сослался на рабочую вежливость и «ничего личного». Но Ариону фон Рассу, похоже, нравилось меня дразнить.

– А разве вы еще не напуганы? – удивился он и чуть наклонился ко мне, заставив в панике натянуть плед под самый подбородок и прижать колени к груди. Наверное, со стороны я смотрелась комично. Впрочем, это давным-давно перестало меня напрягать. За последние три года я такое количество раз попадала в неловкие ситуации, что в конце концов они стали частью моей жизни.

Что ответить на провокационный вопрос ректора, я так и не нашла, но к нашему столику подошел официант, и, пока мы делали заказ, вопрос забылся. А я придумала новую тему для разговора. Она меня интересовала давно, но случая уточнить не было.

– Почему мне все же так не везет даже в мелочах? Почему я вечно влипаю в неприятности?

– Ну вы прекрасно знаете. – Арион фон Расс пожал плечами и посмотрел на меня, как на глупенькую девочку. – Проклятие.

– Да оно со мной несколько лет. – Я раздраженно махнула рукой и едва не опрокинула вазу с фруктами. Покосилась на нее с ненавистью и постаралась вести себя сдержаннее. – И проявлялось примерно так: если есть лужа, карета и я, то я обязательно окажусь забрызгана грязью. Я не прижилась ни на одном месте работы и не завела серьезных романтических отношений из-за случайностей и нелепого стечения обстоятельств. Но когда я попала в академию, жизнь вообще

понеслась кувырком! У меня все валится из рук, а неприятности сыплются, словно из рога изобилия. Если бы так прошли последние три года, я бы, наверное, не выжила.

– Правда? Раньше все было спокойнее? – поинтересовался ректор, задумался ненадолго, а после ответил: – Предполагаю, этому есть несколько объяснений. Первое – сильный магический фон, которым обладает академия, служит своеобразным катализатором, усиливающим проклятие. Второе – вы совершенно случайно попали на «свое» место. Судьба вас кидала и в итоге привела туда, где вам суждено остаться, и этот факт провоцирует проклятие активнее разрушать вашу жизнь. Здесь все идет не по запрограммированному сценарию.

– Вы меня не уволили, хотя это совсем не в вашем характере... – Я кивнула, показывая, что понимаю, о чем идет речь. – И даже более того – обещали помочь.

– Чем больше оно меня провоцирует, – глаза ректора загорелись алым, – тем сильнее мне хочется найти тварь, которая его наложила. И тем больше мне хочется убрать само проклятие, чтобы оно не выводило меня из себя.

– А может быть, вы его уберете, и я стану раздражать вас так же, как и остальные помощницы? – немного испуганно поинтересовалась я.

– Мира, неужели вы думаете, что если вокруг прекратится этот сумасшедший дом, мне станет хуже? – Арион фон Расс хмыкнул и посмотрел с нескрываемой насмешкой, которая меня смутила.

– Ну откуда же я знаю? – Я пожалала плечами и с легкой улыбкой уставилась на далекие горы. Почему-то от слов ректора стало очень приятно на душе.

Неспешная беседа, нежнейшая рыба и белое вино из бокалов на тонкой ножке – и я почти поверила в то, что такая же, как все – свободная от тотального невезения. Я даже не пролила соус на платье. Забыла про проклятие, наслаждалась вечером и, что уж скрывать, обществом Ариона фон Расса. Он был умным и ироничным собеседником. Я все чаще, сама того не осознавая, отвечала на его улыбку, слегка краснела под пристальным взглядом черных глаз и чувствовала, что пропадаю.

Бороться с обаянием начальника становилось все труднее, да и хотелось с каждой минутой меньше и меньше. Поэтому когда он с легкой улыбкой пригласил на танец, я раздумывала недолго. Закусила губу и, нерешительно кивнув, протянула ладонь. Когда-то я любила танцевать, но это было давно, кажется, в прошлой жизни.

Музыку нельзя было назвать медленной, и это сначала меня насторожило. Я привыкла к неспешным мелодиям, которые требовали минимального сосредоточения, и немного робела. В этой же звучала первобытная, пугающая меня страсть.

Это был танец-игра, танец-соблазнение. Три шага вокруг партнера – со взглядом глаза в глаза. Всполохи страсти и обещающая улыбка. Каждое движение – словно проверка, попытка изучить слабости. Потом – плавное перемещение вперед, в жаркие мужские объятия, когда сильные руки скользят по спине. От этого мимолетного касания бросает в жар, сердце стучит быстрее, а дальше следует смена ритма. Дыхание сбивается, испуг, почти неподдельный, заставляет отступить назад, и снова начинается танец-игра. Легкий поворот головы, поддразнивание и необходимость постоянно ускользать из рук. Все это заводило. Я сама не заметила, как начала получать удовольствие и подчиняться волнующей музыке.

Мужские руки, которые успевали только слегка коснуться плеч, на секунду поймать за талию, лишь чтобы совершить поддержку, волновали сильнее, чем если бы сжимали в объятиях весь танец. Я растворилась в магии, музыке и партнере. Арион фон Расс двигался легко и непринужденно, как и я, получая удовольствие от происходящего. В нем не чувствовалось тяжеловесности и неуклюжести, присущей многим мужчинам, особенно мощного телосложения.

Ритм ускорился, принуждая с каждым тактом подходить все ближе друг к другу, прижиматься теснее, оставаться в объятиях дольше. Диалог с партнером уже шел не на расстоянии. Горячее дыхание у уха, обжигающие руки на обнаженной спине, которую приходится держать прямо, словно натянутую струну, сложные комбинации шагов, заставляющие слиться с притягательным мужчиной в одно целое и не замечать окружающий мир.

Я даже не обратила внимания на то, что наш танец привлек внимание посетителей, видимо, потому, что двигались мы оба

самозабвенно и раскованно. Стоило признать, давно я не получала такого удовольствия. Раньше не везло на партнеров. Зато сегодня не повезло на зрителей, потому что, не успев выдохнуть, я услышала возглас:

– Мира! Сложно было представить, что встречу тебя тут! Какая неожиданность!

– Демоны! – простонала я, вцепилась в рукав ректора и развернулась с радушной улыбкой, приклеенной к лицу.

И на что я надеялась, выбравшись в ресторан? На то, что именно сегодняшним вечером проклятие не будет меня беспокоить? Оно и не беспокоило. По мелочам.

– Реджина... – Я изобразила вселенское счастье и кинулась в объятия к благоухающей вечерней розой кузине. Я и правда любила веселую хохотушку, но она была одной из последних, с кем я хотела бы столкнуться в подобной ситуации.

Реджина была моей полной противоположностью, и не только внешне. Она рано и счастливо вышла замуж и неподдельно горевала из-за того, что я еще не нашла «того самого мужчину». Боюсь даже предположить, какие мысли родил мой танец в хорошенькой кудрявой головке и что Реджина поведает моим родителям. А в том, что она поделится с ними такой сногшибательной новостью, у меня не было ни малейшего сомнения. Вся родня пристально следила за моей личной жизнью, лелея мечту однажды сделать из меня благовоспитанную мужнюю жену.

– Мира, познакомишь нас со своим кавалером? – сладко пропела сестренка, за доли секунды успев изучить ректора с ног до головы. Мне казалось, что у нее в глазах мелькали отсчитываемые золотые. Она с ходу могла прикинуть, сколько стоит костюм, ботинки, запонки из бледного, похожего на серебро металла. Судя по счастью, озаряющему ее лицо, Реджина осталась довольна увиденным.

Она, конечно же, была здесь не одна. Замужняя уважаемая дама не может себе позволить выйти вечером в свет без сопровождения. Муж Реджины, как всегда, остался безразличен к происходящему вокруг, за что я ему была безмерно благодарна. Он не очень трезво улыбался и придерживался за чуть расплывшуюся после вторых родов талию жены.

– Это мой начальник! – слишком резко ответила я и, понимая, что терять больше нечего, категорично добавила: – И мы уже уходим. Ну просто очень торопимся!

– Правда? – удивился ректор, и я, поймав смешинки в его глазах, поняла, что он банально надо мной насмехается. Но это лишь потому, что не знает Реджину и то, как к ней относятся в нашей семье. Мама боготворит, папа восхищается! Я даже ревную изредка.

– Новый начальник... как интересно... – Реджина напоминала лису, попавшую в курятник. – Может быть, вы присядете к нам за столик? Мы недавно пришли и даже не заметили вас. Мира такая скрытная...

– Мира просто очень много работает и сейчас торопится. Правда-правда, Реджи! – Я состроила умильную мордочку. Выносить еще какое-то время расспросы сестры, которые с каждым выпитым бокалом будут все бестактнее, сил не было.

– Ну ладно. – Сестренка мило улыбнулась и добавила: – В кои-то веки ты работаешь в правильном направлении.

Я мысленно застонала, схватила Ариона фон Расса за рукав и потащила к выходу, чувствуя, как этот мерзавец вздрагивает от смеха.

– Веселитесь, да? – злобно поинтересовалась я, прибавляя шаг. Реджи могла передумать и кинуться следом.

– Ну... – отрицать очевидное он не стал.

– Ага, ну веселитесь. Только не удивляйтесь, если к вам в академию явится вся моя семейка и будет настойчиво требовать руку и сердце.

– Зачем твоей родне мои рука и сердце?

– Сердце – вынуть, руку – отрезать, и все это торжественно вручить мне. Вы не знаете Реджи! Она сейчас все увиденное осмыслит, переварит, завтра родителям в красках расскажет, они там еще чего-то с радости додумают, и не удивлюсь, если явятся сразу же со свадебным платьем и оркестром.

– Профессора Сазейра натравим? – чуть серьезнее поинтересовался ректор, но в его глазах все равно скакали смешинки.

– Ага! – Я мстительно усмехнулась. – Поверьте, мамочку и папочку никакой профессор-лич не остановит на пути к счастью единственной кровиночки.

– Ну тогда мы просто сбежим.

– Конечно, сбежим! – Я сама устремила к выходу. Как ни странно, любопытная Реджи пугала больше, чем странная магическая штука. – Только поздно, механизм конца света запущен. Далеко не убежишь.

– Да нет, мы из академии сбежим, – пояснил ректор. – Все равно же нужно снимать с тебя проклятие.

– Ну-ну. Наивно считаете, будто это нас спасет, а не усугубит и без того щекотливую ситуацию?

Только оказавшись в пустынном холле академии среди ставшего практически родным запаха побелки и клея, я немного отдышалась и пришла в себя. Встреча с Реджиной выбила из колеи. Такого завершения вечера я совершенно не ожидала.

– Ну и куда ты так бежала, а, Мира? – тихо поинтересовался ректор, который, казалось, не торопился уходить. Он замер в центре холла, спиной к коридору, и мне нужно было обойти его, словно препятствие, чтобы прошмыгнуть к себе в комнату.

– Не куда, – поправила я. – Откуда. Я не хочу расспросов, проблем и ненужных сплетен, которые, будьте уверены, Реджина обеспечит.

– Они в любом случае будут. Сама же понимаешь. Может, не стоило так быстро заканчивать вечер? – Арион сделал шаг навстречу. – У меня на него было еще много планов.

– Да? – В горле пересохло. – И каких же?

Лунный свет лился в огромное окно, возле которого мы стояли, и я могла разобрать каждую черточку лица Ариона фон Расса, словно на улице был день. Черная бездна глаз завораживала, а чувственные губы гипнотизировали. Он был красив – волевой, тяжеловатый подбородок, крупноватый нос с горбинкой, не смазливый мальчик, какими я часто увлекалась в университете, а мужчина, от которого захватывало дух. У него имелся лишь один недостаток: он являлся моим начальником и не скрывал, что любовницы ему быстро надоедают, а личные помощницы не приживаются. Я не хотела, чтобы меня выкинули, как ненужную вещь. И еще больше не хотела лишиться работы. Другую мне точно не найти. Не с моим везением.

– Например... – Он еще больше сократил разделяющее нас расстояние. – Я хотел украсть у тебя еще один танец. На сей раз – медленный.

Ректор протянул мне руку, и я, не совсем понимая, что он собирается делать, осторожно вложила в нее свою ладонь.

Тихая мелодия, зазвучавшая прямо из воздуха, стала неожиданностью. Я сначала растерялась и замерла, но потом поймала озорную мальчишескую улыбку, и губы дрогнули в ответ. Повинуясь партнеру, я начала медленно и плавно скользить по паркету. Было в этом что-то чарующе волшебное и трогательное. Мы вдвоем в практически пустом здании, между банок с красками и всяких малярных штук.

С Арионом было удивительно приятно танцевать. Можно было вообще не думать о движениях, просто позволить вести себя. Музыка завораживала, и я кружилась в танце, забывая обо всем. Чувственная тягучая мелодия заставляла прижиматься ближе и терять связь с реальностью. Мужская рука на прикрытой тонким кружевом спине, дыхание на щеке, сильная ладонь, осторожно сжимающая пальцы, — все это сводило с ума. На последнем аккорде я замерла, оказавшись в тесных объятиях. Даже не успела отступить. Его ладонь с талии плавно скользнула на шею, под разметавшиеся по спине волосы. Я почувствовала себя в плену, но вырваться из него почему-то не хотела. Замерла и уставилась в полыхающие страстью глаза. Губы сами собой приоткрылись. Арион понимающе улыбнулся и, не сводя с меня взгляда, медленно наклонился, оставляя иллюзию выбора, хотя знал, что я уже никуда не сбегу.

Губы нежно скользнули по моим губам, пробуя на вкус и обещая большее. И в этот момент сверху на меня что-то посыпалось. Нечто напоминающее... Правильно, бабочек. Много противных разноцветных бабочек вперемешку с розовыми лепестками. Я заорала и шарахнулась в сторону, вырываясь из объятий.

С люстры, довольно хихикая, сорвался шушель в обнимку с Васиком в горшке. Вихрь из бабочек и цветочных лепестков усилился. Я завизжала, так как терпеть не могла насекомых, а ректор нецензурно выругался и попытался метнуть в демоненка валяющуюся на полу малярную кисть. Промахнулся, конечно же. Шушель запустил в нашу сторону несколько изрядно помятых ромашек и исчез в темноте, прихватив горшок с Васиком, а я позорно сбежала. Каюсь, кинулась наутек, как только сообразила, что тут чуть не произошло.

Останавливать меня Арион фон Расс не стал. Я даже не знала, огорчило меня это обстоятельство или нет.

Глава 10. Волшебный эликсир

Как я неслась к себе в комнату! Едва не влетела в косяк, запнулась о стремянку, которую какой-то умник не убрал с прохода, чуть не оборвала шторы, в которые вцепилась, чтобы не упасть. Я так не бегала лет с десяти. С того самого момента, когда однажды ночью полезла на верхнюю полку буфета за конфетами и случайно грохнула подаренный папе коньяк. Три дорогушие бутылки. Но даже тогда, по моему, мне не было так стыдно и страшно.

Отдыхалась только за закрытыми дверями, в тишине и одиночестве. Как я могла? Целоваться с собственным начальником! Это же недопустимо, хотя... дьявольски приятно. В этом я соврать себе не могла.

Я находилась в смешанных чувствах. С одной стороны, понимала, что поступила неправильно, с другой – было в этой неправильности нечто, заставляющее глупо улыбаться. Наверное, с утра очарование от поцелуев при луне и танцев пропадет окончательно, а сейчас мне было хорошо, свободно, но дико стыдно перед своими принципами.

Я решила не мучить себя размышлениями и, быстро сбегав в душ, отправилась спать. Думала, буду ворочаться с боку на бок, вспоминать и раз за разом прокручивать наш последний, такой волнующий танец. Едва закрывала глаза, как сразу виделся образ ректора с насмешливой улыбкой. И все же уснула я быстро, а Арион фон Расс плавно переключал в сон и не оставлял меня до самого утра. Поэтому проснулась я довольно поздно и с горящими от смущения щеками. Пожалуй, видеть такие сны о своем начальнике – еще более неправильно, нежели позволять ему себя целовать.

– За что же мне все это? – риторически спросила я и взглядом наткнулась на стоящий на подоконнике горшок с Васиком. Получается, ночью у меня побывал шушель? Это отрезвило и заставило подскочить.

Как ни странно, мелкий поганец ничего не натворил. Цветочек довольно мурлыкал и подставлял зеленые листочки солнышку, не отозвался на мои поглаживания и как никогда напоминал самое обычное растение. Из такого поведения я сделала вывод, что вечно

голодный Васик уже отобедал, пока мотался неизвестно где в компании шушеля. Хотелось верить, что слопал он что-то не слишком нужное. Впрочем, в ином случае мне очень быстро доложат.

Единственным местом, где чувствовалось пребывание шушеля, была ванная комната. Едва я открыла дверь, как навстречу выпорхнули все те же ненавистные бабочки! Я заорала, расшугала их полотенцем и с трудом выгнала в распахнутое окно, а потом обнаружила на полу возле душевой кабины выложенное из лепестков роз сердце, внутри которого было криво выведено: «М + А». А твареныш оказался на редкость романтичным. Может, и бабочки были не издевательством? Он же не обязан знать, насколько сильно я не люблю крылатых насекомых.

Я хмыкнула, с некоторым сожалением убрала с пола сердце и принялась приводить себя в порядок. Сегодня предстояло напряженное утро. Склянка с эликсиром стояла на прикроватной тумбочке. Мне следовало надеть дорогой костюм, сделать укладку, нанести макияж и, глотнув подозрительного зелья, начать переговоры со своими одноклассниками. Ректор обещал одолжить переговорное устройство, закрепленное за академией. Я дико нервничала и поэтому даже не стала завтракать. У всей этой ситуации был один плюс: я не думала о произошедшем вчера вечером. Необходимость играть успешную деловую леди волновала значительно больше, нежели прерванный поцелуй.

Эликсир, во избежание разных непредвиденных обстоятельств, я решила выпить прямо на месте. Забежала к герре Сибилле за ключом и, получив целую связку вместо одного, отправилась на поиски переговорной комнаты. Здание академии было большим, со множеством похожих на лабиринт коридоров. Даже не представляю, как здесь ориентируются студенты? Нужное мне место я нашла не сразу, пришлось по дороге попытаться рабочих, которые, естественно, ничего не знали, и профессора-лича. Он-то и указал нужное направление.

Переговорная комната представляла собой небольшой зал. В одной его половине был сделан самый дорогой ремонт в академии. Стояла лучшая мебель, и даже у стены разместили несколько статуй. Я сомневалась в их подлинности, но они добавляли интерьеру пафоса.

Другая стена разительно отличалась. Она была покрашена самой дешевой желтоватой краской, стул примостился простенький, обшарпанный.

В центре помещения стоял стол, на котором разместился огромный плоский блин – переговорное устройство.

Я оценила хитрость ректора. В зависимости от того, с кем и о чем он собирался говорить, Арион фон Расс выбирал сторону дорогую и презентабельную или скромную, показывающую собеседнику плачевное положение дел в академии.

Передо мной выбор не стоял. Я уселась с той стороны, где был сделан дорогой ремонт, разместились поудобнее и настроила кристалл так, чтобы собеседники видели спинку кожаного кресла, часть статуи и обои с золотым орнаментом. Ни у кого не возникнет сомнения в том, что я хорошо устроилась.

Глотнула зелья. Предварительно зажмурившись и подождав для порядка минут пять, включила переговорное устройство. Зелье напоминало холодный кофе не очень хорошего качества – вкус не самый приятный, но и не противный. Никаких изменений я не чувствовала, поэтому решила начать переговоры со своей рыжей подружки. С ней не должно было возникнуть проблем. Так и вышло. Мы поболтали на славу и обсудили последние сплетни. Расстались, так и не сумев найти ответ на банальный вопрос: «Ну почему же мы были так близки раньше, а сейчас почти не общаемся?» Я даже попыталась всплакнуть, но потом вспомнила про то, сколько времени потратила на макияж, передумала и перешла к номеру два в моем списке.

Я зря переживала из-за зелья. Оказалось, что оно начинает действовать в процессе. То есть пока я ждала ответа собеседника, все еще оставалась немного суетливой, волнующейся Мирой, которая постоянно теребит прядь волос у виска, но едва я открывала рот, как все менялось. Я улыбалась, отвечивала комплименты, щебетала без умолку, интуитивно чувствуя, на какие кнопки стоит надавить, кого похвалить, к чьей совести воззвать.

Сначала я осторожничала и первыми пообщалась с самыми близкими людьми и теми, от кого не ожидала подвоха, но потом позвонила даже своему бывшему.

Как ни странно, он робел. За три года, что я с ним не встречалась, первый красавец курса слегка располнел, но по-прежнему был симпатичным, а его улыбка не оставляла равнодушной. Он не ожидал меня увидеть и первые пять минут заикался, а вот я не почувствовала ничего. Ни внутренней дрожи, ни волнения, только вежливое равнодушие и желание добиться своего. Интересно, этому способствовало зелье или появление в моей жизни Ариона фон Расса?

Когда было получено последнее согласие, я поняла, что сил у меня не осталось. Болела челюсть, кружилась голова, тошнило. Я даже встать не смогла, так и упала на скрещенные руки за столом, надеясь, что кто-нибудь обо мне вспомнит, придет и отнесет в комнатку.

Чем хорошо было в академии – здесь можно без опаски терять сознание или засыпать за столом переговоров. Кто-нибудь обязательно найдет и позаботится. Поэтому первое время я даже не шевелилась. Я была в сознании, не спала, но не могла двинуть ни рукой, ни ногой. Голову, и то поворачивала с трудом. Навалилась дикая усталость, и я могла только очень печально вздыхать. Периодически хотелось позвать кого-нибудь на помощь, но одна мысль о том, что придется открывать рот и произносить какие-то звуки, заставляла снова уронить голову на руки и дальше ждать помощи.

Первой прибежала герра Сибилла, заохала и засуетилась вокруг меня, словно насадка.

– Да что же с тобой, деточка? – чуть ли не со слезами спросила она, и я поняла, что перепугала бедняжку. – Позвать доктора?

Я чуть приподняла голову и помотала ею из стороны в сторону, показывая, что доктора не надо.

– Просто утомилась? – чуть спокойнее уточнила герра.

Я кивнула и посмотрела на нее несчастно-несчастно.

– Сейчас, погоди, Мирочка, сбегая за ректором. Пусть отнесет тебя в комнату! Совсем замордовал девчонку! – пробухтела она себе под нос и убежала. Я очень хотела сказать, что не хочу герра ректора, уж пусть лучше меня тащит в комнату профессор-лич, но не сумела вымолвить ни слова. Похоже, это был откат после использования эликсира.

Я чувствовала себя так, будто разгрузила десять повозок угля, и совершенно не могла говорить. Очень хотелось как можно скорее добраться до своей комнаты и рухнуть на кровать. Я в деталях

представляла, как буду обнимать атласную подушку и повыше натягивать тонкое легкое одеяло. От этих мыслей на лице расплзлась улыбка, и я мечтательно уставилась на плоский блин переговорного устройства.

– И что вы, герра Сибилла, панику-то разводите? – Недовольный голос ректора сразу вернул в реальность и испортил настроение. – Заморил! Совести у меня нет! А она вон сидит, улыбается. Где едва живая-то?

– Не вижу никакой улыбки! – воинственно встала на мою защиту герра. – Испуганная утомившаяся девочка.

– Что, Мира? Можешь идти или права герра Сибилла и тебя на руках в комнату тащить придется? У нас в контракте пункта такого нет, между прочим.

Вот что он такой противный? У меня от обиды задергалась нижняя губа. Особенно неприятно было потому, что я и ответить на эти оскорбления ничего не могла. Могла лишь сидеть и несчастно смотреть на безразличного самодура.

– О-о-о... – задумчиво протянул ректор, посмотрел на меня внимательнее и резюмировал: – Не халтуришь, действительно едва сидишь.

Я часто закивала и протянула руки, даже не отдавая себе отчет, что именно так дети, которые еще не могут говорить, просят на ручки.

– И вот что с вами делать? – вздохнул ректор. Наклонился и подхватил меня на руки. Только вот не совсем так, как я себе это представляла. Меня никогда еще не носили вниз головой, словно барана. От испуга я сглотнула и покрепче вцепилась в ремень брюк ректора. Мне даже все равно было, как это смотрится со стороны. Мысль о том, что всю дорогу до своей комнаты придется висеть вниз головой и изучать ректорскую задницу, вызывала панику.

К тому времени, когда мы доехали до комнаты, начала кружиться голова, и едва ректор не очень аккуратно скинул меня на кровать, я протяжно застонала и попыталась поймать мельтешащие перед глазами звездочки, но почему-то ухватила ректора за воротник рубашки и потянула на себя.

Начальник выругался, нелепо взмахнул руками и с руганью повалился сверху. Было больно. Арион фон Расс весил немало.

– Что вы творите? – возмутилась я, обретя способность говорить, и тут же скривилась от тошноты. Все же молчать было намного комфортнее. Я закрыла рот руками и зажмурилась, пытаюсь справиться с приступом. Ректора я пихнула коленкой, тонко намекая, чтобы он слез и убрался подальше.

Как ни странно, он даже не сопротивлялся и послушно откатился в сторону. А спустя секунду кровать скрипнула и перина плавно приподнялась, избавившись от лишнего веса.

– Эх вас колбасит-то, Мира! – без видимого сожаления в голосе отозвался он. Так, факт констатировал. – Вы весь пузырек, что ли, выхлебали?

Я кивнула и сморщилась. Только что прекратившая вращаться комната закутилась с новой силой у меня в голове. Закрытые глаза не спасали.

– А инструкцию почитать? – сварливо осведомился Арион фон Расс, и я, прежде чем успела собраться с духом и ответить, услышала хлопок двери. Видимо, ректор ушел, бросив меня на произвол судьбы. Вот как его назвать после этого? Мне же плохо! Просто отвратительно! Неужели сложно было посидеть рядышком? А вдруг я умру во цвете лет? От жалости к себе я готова была зарыдать.

Даже на первом курсе, когда я только выбралась из-под родительской опеки и напилась с девчонками сливовой настойки, мне так плохо не было. А ведь тогда у меня случилось самое сильное в моей жизни похмелье.

Впрочем, не успела я как следует расстроиться, как дверь снова хлопнула. Ректор вернулся, я почувствовала запах его парфюма – единственное, от чего не усиливался приступ тошноты.

– Вот неужели вы не можете ничего сделать нормально? – начал он читать нотацию и осторожно положил мне на лоб мокрую холодную тряпку, пропитанную каким-то резко пахнущим отваром. Лимонная горечь, хвоя и еще что-то, чего я не могла определить. Я вдохнула полной грудью и почувствовала, что тошнота отступает.

– Спасибо... – пробормотала едва слышно.

– Не благодарите раньше времени. Ночка нам с вами предстоит веселая. Одним компрессиком на лоб вы не отделаетесь. Увы.

– Почему? – Я все же всплакнула, так как на какое-то время поверила, что мне сейчас обязательно полегчает.

– А потому, что не стоит, Мира, пить незнакомые зелья, не прочитав перед этим инструкцию. Кто же глотает прямо из бутылки-то? Нужно было пару чайных ложек, а не почти все! Вам повезло, что оно не ядовитое.

– Я же не знала-а-а! – от обиды стало еще хуже. Ну вот действительно! Как можно быть такой легкомысленной? Мне и в голову не пришло, что бутылочка может быть рассчитана не на один раз.

– Так для тех, кто не знает, к зелью прилагается бумажечка. На ней все написано. Читать-то вы умеете?

Ректор говорил со мной как с малолетней дурочкой, впрочем, именно ею я себя и чувствовала. И как он меня терпит? Я сама бы себя давно выгнала, а не нянчилась, словно с малым дитем.

Остаток этого дня и весь следующий мне было плохо. Нет, не так. Очень плохо. Я страдала от дичайшего похмелья, неожиданных приступов то веселья, то слез и от желания кого-нибудь убить. Предпочтительно того, кто виноват в моем плачевном состоянии. Так как суицидальными наклонностями я не страдала, прибить хотелось ректора. Он, как назло, вел себя образцово-показательно. Гладил по головке, менял влажную тряпочку на лбу и поил мерзкими на вкус отварами, от которых ненадолго становилось лучше. Чувствовал, видимо, свою вину, вот и не отходил от моей кровати. Хотя и бурчал, что не начальственное это дело. Я предложила ему валить на все четыре стороны, так как вполне могла страдать и в гордом одиночестве, но он, удивительное дело, не согласился и даже возмущаться почти прекратил, а я продолжила со вкусом болеть дальше. Зато похудела, наверное, на целый размер. Хоть какая-то радость и польза. Я толстой себя не считала, но признаки лишнего веса на талии обнаруживала, как и любая уважающая себя девушка.

Правда, сам ректор бухтел, что я умудрилась за сутки «отощать». Была бы я в силах, ответила бы что-нибудь резкое или саданула чем-нибудь тяжелым по голове, а так только обиженно надула губы и промолчала.

Под вечер, едва ректор вышел поужинать, явился шушель. Сначала ехидно захихикал, запрыгал по кровати, начал по-кошачьи топтаться, пристраивая на свежие простыни свой шушелячий зад, но пакостничать по какой-то причине передумал.

Подобрался ко мне поближе, невзирая на слабые попытки отмахнуться, прислонил к моему лбу короткую вонючую лапку, защебетал что-то невразумительное, вздохнул и запрыгнул на подоконник. Стащил оттуда Васика и растворился в воздухе. Не видно его было после этого целые сутки. Я успела отдохнуть и окончательно прийти в себя. Не думала, что демоненыш способен на сострадание.

А едва только я пришла в себя, выяснилось, что брошенное мной семя не только взошло, но и, распустившись, зацвело буйным цветом. То, что было запланировано как небольшая кратковременная встреча одногруппников, трансформировалось в парад выпускников за последние десять лет. Внезапно получилось так, что уже есть и программа мероприятий, и все места в общежитии заняты. Я вообще, в силу своей невезучести, могла не попасть на организованную с моей подачи встречу. Заняты оказались даже близлежащие гостиницы, но подсуетился Арион, который был знаком с нашим ректором и сумел договориться о предоставлении отдельных апартаментов в крыле, предназначенном для аспирантов (там как раз оказалось несколько нежилых комнат). Нам предстояло занять комнату, подобную той, в которой я жила здесь. Там имелся душ – и это хорошо, но комната была всего одна, как и кровать. Я предполагала, что пережить несколько ночей с Арионом фон Рассом в одной комнате, на одной кровати и остаться верной своим принципам будет ну очень сложно.

Сборы были долгими, суматошными, но в целом прошли без каких-либо крупных эксцессов, кроме одного. Неприятность случилась перед самым отъездом. Мы загрузили вещи в повозку. Туда влезли даже три моих чемодана с обновками. На них Арион фон Расс косился с какой-то особенной ненавистью, будто бы не он сам велел мне все это приобрести. Или думал, что я ограничусь тремя платьями? Эта мысль раньше не приходила мне в голову. Возможно, зря?

Нас вышел провожать весь персонал, включая кухарок и садовника, которого до этого дня я видела всего один раз. Видимо, отъезд ректора из академии случался крайне редко и воспринимался как событие уникальное. Нам готовились махать вслед платочками. Я прижимала к груди горшок с Васиком, которого побоялась оставить в академии. Ни разу не бросала его надолго и не была уверена, что попечительство шушеля пойдет моему цветочку на пользу.

Арион фон Расс раздраженно отмахнулся от герры Сибиллы, которая читала ему какую-то нотацию. Дал последние указания профессору-личу (создавалось впечатление, что ректор уезжает не на несколько дней, а как минимум на месяц) и направился к водительской двери. Я поспешила к пассажирской, и тут случилось непредвиденное. Массивная солидная повозка, на которой мы в прошлый раз ездили в город, внезапно подпрыгнула, издавая непонятные звуки, ускочила на несколько метров вперед и там замерла.

– Какого шушеля? – возмутился ректор и бросился следом, пока я соображала, что вообще происходит.

Повозка мерзко, очень знакомо хихикнула и кинулась нарезать круги по двору, при этом сигналила и выпуская из выхлопной трубы струи густого вонючего дыма. Народ с воплями шарахнулся в стороны. Платками, приготовленными для махания, закрыли носы.

– Ах ты, паршивец пакостный! – завопил ректор, видимо, сообразивший, в чем дело.

Он ухватил белый, расписанный розово-красными маками шарфик герры Сибиллы, которым та прикрывала от палящего солнца полные бледные плечи. Завладев шарфом, герр Расс словно тореадор кинулся наперерез задорно сигналившей повозке.

Повозка с шушелячьим визгом кинулась на ректора. Видимо, сочетание красного и белого безотказно действовало на демоненыша, каким-то образом проникшего в повозку. Такой захватывающей корриды я не видела никогда. Помнится, в детстве папа пару раз брал меня на стадион, но там было не так интересно. Ректор все же сумел подобраться к повозке ближе. Сначала лихо заскочил на крышу, вцепился руками и осторожно свесился головой вниз с задней стороны. Повозка в это время подпрыгивала и сигналила, я прижимала к себе оживившегося Васика, а герра Сибилла бегала кругами и причитала.

Женщины громко охали, мужчины неумело пытались подобраться к повозке ближе, лишь один профессор-лич сохранял невозмутимое спокойствие и неторопливо плел какое-то заклинание.

Пришлось стукнуть по горшку с Васиком, чтобы наглец не превратился в лиану и не рванул по направлению к занявшемуся в повозке приятелю. Цветочек обиженно щелкнул зубами, сжался, мелко

напоказ задрожал, когда я на него шикнула, и спрятался в горшке. Наружу осталась торчать только ярко-зеленая пульсирующая почка.

Ректор тем временем с руганью, от которой, кажется, вздрагивали стены, добрался до выхлопной трубы и, пошарив там рукой, начал медленно, за хвост, вытаскивать грязного и верещащего шушеля. И без того включенную и неопрятную шерстку покрывала копоть, твареныш цеплялся за машину лапами и вопил, словно его режут, пытался изогнуться и укусить, но зато повозка замерла.

После очередного рывка твареныша ректор не удержал равновесие и все же сверзился с крыши повозки на землю. Мигом повеселевший и радостно хихикающий шушель с видимым удовольствием рухнул сверху, демонстративно оттопырил зад и пошире растопырил лапки, стараясь плюхнуться филейной частью ректору на лицо. То, что его держат за хвост, кажется, шушелю совершенно не мешало.

Прежде чем ректор успел брезгливо столкнуть с себя твареныша, лич закончил читать заклинание, и шушель с обиженным воплем исчез в вонючем облаке дыма. Все выдохнули с облегчением.

Правда, отправиться в путь мы смогли только через час. Ректору пришлось переодеваться, потом какое-то время настраивать повозку и поправлять вещи, которые растрясло во время бешеных скачек. Но зато, устроившись на переднем сиденье, я наконец выдохнула. Второй раз на повозке ехать было интересно и не страшно, а впереди меня ждали насыщенные дни, за которые предстоит выяснить, кто же из моих одноклассников не любил меня так сильно, чтобы испортить жизнь.

Глава 11. Вернуться в прошлое

Нас так измотала последняя потасовка с шушелем, что почти всю дорогу мы молчали. Я сидела в обнимку с Васиком и смотрела в окно, ректор ругался сквозь зубы и вел повозку так, словно за нами гнались все демоны преисподней. Я сначала боялась, так как елки за окном мелькали с бешеной скоростью, но сделать замечание не решилась. Реакцию моего начальника предугадать сложно. Высадит еще где-нибудь в лесу, и придется топтать пешком. С него станется! К тому же, похоже, Арион фон Расс вполне справлялся с управлением, поэтому я решила: единственное, что могу сделать в этой ситуации, – довериться ему и постараться отключиться.

Как ни странно, когда я закрыла глаза, то быстро задремала. Движение убаюкивало, в салоне было нежарко и едва уловимо пахло жасмином. Спалось хорошо. Проснувшись уже на подъезде к городу. За окном вечерело, но столица жила своей жизнью.

– Сегодня нас уже не примут, – достаточно холодно отозвался ректор, который снова непонятно на что злился. – Заночуем у меня.

Я едва не застонала от открывшихся перспектив. Говорить ничего не стала, но, видимо, мое лицо было красноречивее слов.

– Тебе так противно, Мира? – зашипел он. – Если хочешь, отвезу в гостиницу. У меня нет привычки навязывать свое общество. Особенно женщинам. Не думай, что будешь исключением. Нравится меня дразнить? Знаешь ли, я не люблю провокации.

Вообще, можно было бы поспорить, но я не стала.

– Нет-нет... – Я сглотнула. – Все нормально. Я не пытаюсь вас дразнить. Ваша кровать... она достаточно широкая. Думаю, мы уместимся. В прошлый же раз уместились.

– Я рад, что ты помнишь прошлый раз.

Это прозвучало так двусмысленно, что я покраснела и опять промолчала, не понимая, из-за чего он на меня обозлился. Но у меня была целая ночь, чтобы это выяснить.

Сейчас к нашему приезду подготовились. Швейцар мило улыбался и сразу же достал ключи. В холодильнике нашлась еда, в квартире было убрано, и на столе стояла тарелка с фруктами. Видимо,

ректор сообщил о своем прибытии заранее. А меня внезапно накрыло. Точнее, сомнения начали одолевать еще по дороге, но сейчас стало совсем страшно.

– Знаете... – робко начала я и присела в кресло. – Я тут подумала и решила...

– Неужели? – Ректор взял из вазы на столе яблоко и с хрустом вгрызся в румяный бок. – Вообще, думать очень полезно, но не всегда, Мира. И почему-то мне кажется, что сейчас ты подумала зря. Вот по глазам вижу.

– Не перебивайте! – Я возмущенно надула губы и сама на себя разозлилась. Ну почему я с ним веду себя, словно маленький ребенок. – Мое проклятие... оно всегда активизируется, если у меня хоть чуть-чуть начинает налаживаться жизнь. Если я встречаю знакомых, если устраиваюсь на работу или иду на свидание. Представьте, что может произойти за те несколько дней, в течение которых будет проходить встреча выпускников? Исходя из особенностей проклятия, я должна влипнуть во все возможные неприятности! Там педагоги, которые пророчили мне блестящее будущее, там мой бывший, там подруги, там Рокси, которую я обогнала на какую-то долю балла и стала лучшей! Самое время, чтобы опозориться, причем смачно, с огоньком! Я не хочу этого и решила, что никуда не пойду...

– Что решила? – Арион фон Расс даже яблоком подавился. Глаза злобно сверкнули алым.

– Ну... – заблел я. – Не пойду. Завтра с утра поеду обратно в академию. Скоро вступительные экзамены, работы много... Правда, так всем будет лучше. Я не хочу становиться посмешищем перед всем своим курсом. Там же народу будет тьма! Как я себя буду чувствовать?

– А как ты себя будешь чувствовать, когда через годик-другой даже в душ будешь бояться ходить, потому что неприятности тебя станут преследовать и там! Что за глупости, Мира!

– Неприятности в душе преследуют меня уже сейчас! И это не глупости! – возмутилась я. – Это суровая реальность, с которой поделаться ничего нельзя!

– Ну как сказать... – Ректор замялся, отложил яблоко и поднялся из-за стола. – Я не был уверен, что стоит это использовать... – крикнул он уже из коридора. – Но у меня есть одна вещь, которая сможет ваше

проклятие немного смягчить... – Ректор помолчал, а потом тише добавил: – Или совсем нейтрализовать... Хотя я не уверен...

– У вас есть какой-то амулет, и вы молчали! Как вы могли! Видели же, что я мучаюсь? – отозвалась я в пустоту.

– Понимаете ли, Мира... – Арион фон Расс вернулся в комнату. В руках он держал кулон на золотой цепочке. – Амулет-то есть... и, возможно, даже неплохой...

– Но? – уточнила я, чувствуя, что где-то в этом и скрывается подвох.

– Но создал его один мой не в меру талантливый аспирант, – мрачно заметил ректор. – Демион специализируется на проклятиях. Умный парень и, в общем-то, неплохой... к тому же скоро станет моим зятем... но недомаг, чтоб его!

– Что значит недомаг? – подозрительно поинтересовалась я.

– А то и значит! Эта штуковина, может быть, будет работать, а может, и не будет. Или будет, но через одно известное место. Неиспробованная она, одним словом, и не очень надежная. И однозначно имеет побочное действие.

– Какое?

А вот это мне не понравилось. Слишком хорошо я помнила последствия волшебного эликсира.

– А кто ж его знает? – Арион пожал плечами и снова взял яблоко. – Вот на вас нацепим и пойдем.

– А может, нет этого побочного действия? – с надеждой спросила я.

– С вашей-то везучестью? – усмехнулся ректор. – Не стал бы рассчитывать. К тому же что есть проклятие? Как и любая магия, проклятие – это энергия. Оно, словно сила у мага, окружает вас, будто кокон. Эта энергия и провоцирует различные неприятности. Мы не можем избавить вас от энергии, пока не найдем того, кто проклятие наложил, но можем попытаться ее перенаправить на что-то другое. Проблема в том, что процесс преобразования магической энергии изучен недостаточно, поэтому во что преобразуется ваше проклятие, предположить не может никто. И уж конечно, нельзя предположить, во что преобразует вашу энергию амулет, созданный недомагом.

– То есть... – Мне даже интересно стало. – Если бы проклятие было наложено на вас...

– Да. – Ректор без труда уловил мою мысль. – Вполне возможно, даже при одинаковом проклятии, наложенном на двух разных людей, амулет будет действовать по-разному. А этот еще и создал Демион, а значит, последствия абсолютно непредсказуемы.

– Ну так свяжитесь с аспирантом! Может, он скажет? Сам-то он какие-то испытания, наверное, проводил!

– Не могу... – Ректор замялся и помрачнел еще больше. Кажется, эта тема ему не нравилась.

– Почему это? – подозрительно поинтересовалась я, игнорируя нежелание начальника продолжать разговор.

– Поругался...

– Судя по тому, что выражение лица у вас сейчас лишено самодовольства, вина в размолвке ваша.

– Ну, как сказать, Мира... – Арион фон Расс поморщился и с ненавистью посмотрел на огрызок яблока в руке. – Зарплата преподавателя, особенно начинающего, невелика. К тому же Демион – раздолбай. Ну что он забыл в академии? Он собрался жениться на моей дочери, и, конечно, я хочу, чтобы она не нуждалась в деньгах. Родители Демиона тем более не желают видеть своего сына обычным преподавателем, ему место в министерстве приготовлено давно. Мы совместными усилиями разработали сложную схему, а он!

– Он послал вас лесом? – хихикнула я.

– Да. – Ректор нахмурился. – Он послал нас лесом. И заковыристо так послал... – мрачно добавил начальник. – Поэтому я не буду просить его о помощи. Ну что, станете проверять изделие?

– А у меня есть выбор? – хмыкнула я и протянула руку. На нее опустился тяжелый медальон из белого золота с тремя синими камнями.

Надевала я украшение с опаской, но, как ни странно, кулон упал в ложбинку груди, и мир не перевернулся. Я не почувствовала никаких изменений. Совсем. О чем и не замедлила сообщить ректору.

– Вы слишком торопитесь, Мира, – усмехнулся он. – Неужели вы думаете, будто проклятие активно каждую секунду? Нет. Вот и кулон молчит. Не торопите события, давайте наслаждаться вечером.

Наслаждаться вечером в компании ректора мне не очень хотелось. Точнее, одна часть меня мечтала об этом, но разум протестовал. А я не

любила вступать в бессмысленные сражения сама с собой. В любом случае проиграешь и нервы истреплешь.

Но сейчас у меня не было выбора. Я наедине с волнующим меня мужчиной. Можно лишь попытаться не выпустить ситуацию из-под контроля.

– И все-таки. – Ректор подошел ко мне и отвлек от размышлений. – Как оно работает? Давайте попробуем узнать, а? Любопытно же.

– Интересно, как вы себе это представляете? – фыркнула я, но все же чуточку отстранилась. Взгляд ректора был слишком красноречиво направлен на мою грудь. Хотелось верить, что изучает Арион фон Расс амулет, а не вырез, который внезапно стал казаться мне чересчур откровенным.

– Ну... – Ректор приблизился и навис надо мной, словно скала. Я вжалась в кресло и попыталась не утонуть в колдовских черных глазах.

– Чем у меня все лучше, чем важнее для меня момент, тем сильнее проявляется проклятие. Так что, думаю, придется ждать до завтрашнего утра.

– Не уверен. – Арион фон Расс улыбнулся. – Интересно, насколько серьезно твое проклятие воспринимает меня? Считает оно меня твоей удачей или нет?

Начальник внимательно посмотрел мне в лицо и наклонился, намереваясь поцеловать, а я простонала, понимая, что вряд ли смогу сопротивляться. Слишком велик был соблазн.

– Вы не удача, вы сами – мое проклятие!

– Так ли это, Мира? – вкрадчиво поинтересовался он, а я не смогла ответить. Как замороженная смотрела на его губы. Отклонилась, вжимаясь в спинку кресла, и вцепилась в подлокотники. Отступить было некуда. Мелькнула мысль: «А зачем, собственно, я сопротивляюсь? Почему не хочу, чтобы он перешел тонкую, разделяющую нас грань? Ведь меня же тянет к нему? Ну и пусть счастье будет недолгим. Это же лучше, чем вообще ничего?»

Кажется, ректор без труда угадывал мои мысли. Он неторопливо прижал горячими ладонями мои запястья к ручкам кресла, лишая возможности сбежать, и осторожно коснулся мягкими губами губ, заставляя забыть, что нужно дышать.

Казалось, что пространство между нами искрит, я даже чувствовала, как по спине пробегают маленькие молнии, подушечки пальцев покалывало, а волосы на затылке начали шевелиться. Я не сразу поняла, что эти ощущения не имеют ничего общего с желанием. А когда догадалась, было поздно. Едва только Арион поцеловал по-настоящему, скользнув языком между моими приоткрытыми губами, полыхнуло.

Словно пучок молний, накопившаяся внутри меня энергия вырвалась наружу снопом искр. Ректор с воплем отлетел в сторону – его отшвырнуло к подоконнику. Он впечатался всем своим немалым весом в стену, Васик, стоявший на подоконнике, пошатнулся, зарылся в землю и рухнул сверху на макушку ректору, а я зажмурилась, услышав нецензурную брань. Похоже, амулет не подействовал, иначе что за шушельщина творится?

Я осторожно открыла один глаз: нужно было проверить, как там себя чувствует ректор. Арион фон Расс так и сидел у стены, задумчиво прижимая к себе цветочный горшок с Васиком. Взгляд у ректора был шальной, а иссиня-черные волосы стояли дыбом.

– Удивительная женщина ты, Мира! Таким образом меня еще никто не отшивал. А поверь, в моей жизни было немало магичек.

– Я... я... – Говорить не получалось. Выходило только нелепое бляение. – Я же не специально!

– Это и пугает! Я просто боюсь представить, что произойдет, если вы попытаетесь от меня избавиться специально.

– Знаете вы все! – Я нахмурилась. – Это все проклятие. Специально я и мухи не обижу!

– Да нет... – Арион с кряхтением поднялся от стены и, морщась, попытался ощупать спину. – В том-то и дело. Это не проклятие, это побочный эффект амулета, который я вам дал. Если я, конечно, ничего не путаю.

– Он не хочет, чтобы меня целовали мужчины? – скорее с любопытством, нежели со страхом уточнила я.

– Нет. Просто он никуда не преобразует энергию проклятия, он ее высвобождает. Ты теперь маленькая ходячая шаровая молния. Как-то так.

– У-у-у... – протянула я. – Теперь мне точно на люди нельзя. Я представляю еще большую опасность, чем раньше.

– Не думаю... – Ректор с опаской приблизился ко мне и осторожно ткнул пальцем. Я ойкнула и потеряла плечо. Никаких вспышек не последовало.

– Вот видите! Когда вы спокойны, ничего не случается. Подозреваю, что мой поцелуй просто сильно на вас подействовал. Возбудил.

– Что? – возмутилась я и покраснела. – Нет!

– Проверим? – Арион фон Расс достаточно быстро пришел в себя.

– А вы точно этого хотите? – съязвила я, выразительно и даже как-то с вызовом посмотрев на его губы.

– Да вот не уверен. – Ректор покосился на меня и с сожалением отступил в сторону. – Интуиция подсказывает мне, что вы и без проклятия, Мира, – та еще головная боль. Кстати, побочный эффект очень интересный. Нужно будет проверить, что еще заставляет вас искрить.

– А может, не стоит? – с тоской поинтересовалась я.

– А как в люди-то вас выпускать? Должны же мы точно знать, на что вы реагируете. И, кстати, думаю, такой сильный эффект будет только в первое время. Вы сейчас выплеснули достаточно большой объем силы, потом будет меньше. Ну, по крайней мере, мне на это хочется рассчитывать.

Не знаю, как Ариону фон Рассу, а мне после обнаружения такого странного побочного эффекта сразу стало намного спокойнее на душе. Во-первых, это значило, что амулет пусть корявенько, но все же начал работать, а проклятие отступило. А во-вторых, я так сильно переживала из-за предстоящей встречи выпускников, что ректор, желающий меня соблазнить, только раздражал. Я вообще для себя решила, что не с моей невезучестью заводить романы, и без них проблем хватает.

Конечно, ректор хорош собой, горяч, но, если исчезнет проклятие, есть шанс, что меня возьмет на работу кто-нибудь, кроме него. В академии мне нравилось, но пока еще не приехали студенты, а с ними, подозреваю, будет на порядок сложнее, да и все хорошее рано или поздно заканчивается: и романы, и работа. Арион не скрывал, что рассматривает меня лишь как временную любовницу. Я же вообще его пока старалась не рассматривать никак, но с каждым днем это мне давалось все сложнее и сложнее.

На кухню меня не допустили, мотивируя это тем, что я опасна для жизни окружающих. Я спорить не стала. Сидела, забравшись с ногами в кресло, медленно пила из бокала красное терпкое вино и вдыхала умопомрачительные запахи, доносящиеся с кухни. Запеченное мясо, которое приготовили к нашему приезду, нужно было только подогреть. И, томясь на медленном огне, оно источало сводящий с ума аромат.

К тому времени, когда ректор принес мясо на подносе к столу, я думала, что съем скатерть.

– Меня пугает ваш взгляд, Мира, – заметил он и устроился в кресле напротив. – Вы ненавидите меня или этот кусок мяса?

– Я его не ненавижу. – Я сглотнула слюни. – Я его хочу. Очень.

– Вот интересно... – Арион фон Расс начал медленно резать кусок на тонкие пластины. – А я от вас когда-нибудь подобных слов дождусь?

Я подавилась слюной и даже чуть отшатнулась. Вот какой он ожидал услышать ответ?

– Все ясно! – Ректор хмыкнул и подвинул мне тарелку, куда положил еще и свежих овощей. – Не дождусь. Ешьте, Мира.

Я ела, но вот мысли ушли совсем в другую сторону. Неужели он даже поужинать спокойно, без намеков не может? Эта квартира и так будила во мне слишком много разных воспоминаний. Я помнила его сильное тело, когда он рухнул на меня в коридоре, я не забыла вид обнаженного ректора в кровати. И теперь еще эти слова про «хочешь»! Нельзя так с юными (ну пусть не очень) девушками, пытающимися держать себя в руках.

К счастью, к провокационным разговорам ректор не вернулся. То ли понял, что смущает меня слишком сильно, то ли ему просто надоела эта игра. В любом случае я выдохнула и была спокойна ровно до тех пор, пока не пришло время спать.

Я уже смирилась с тем, что снова придется делить одну кровать. Более того, я даже на всякий случай захватила из дома соответствующую ночную сорочку – длинную, в пол, из мягкого, но плотного материала, больше напоминающую скромное домашнее платье. Увидев ее, Арион не удержался и фыркнул:

– Вы во всеоружии, Мира. Но не переживайте, я не буду посягать на вашу честь. Не сегодня.

Я выдохнула с облегчением, но, как оказалось, зря, потому что ректор добавил:

– У меня еще будет несколько дней. Поверьте, вам понравится играть мою невесту.

– Я не заиграюсь. Не дождетесь. – Голос слегка дрожал, хотя я пыталась себя убедить, что все именно так и будет.

– Это мы еще посмотрим. Отдыхайте перед боем, Мира, еще до отъезда обратно в академию вы капитулируете.

– И не надейтесь!

– Люблю, когда мне бросают вызов. – Он улыбнулся и ушел в душ, а я забралась под одеяло и поняла, что вряд ли смогу быстро уснуть.

Глава 12. Время летит быстро

Из-за моей взрывоопасности ректор спал на самом краю кровати и не делал попыток даже повернуться в мою сторону, не говоря уж о каких-то более активных действиях. А вот я ворочалась и не могла уснуть. Кровать казалась жесткой, сна не было ни в одном глазу, мысли в голову лезли разные и все как одна неприятные. Самое главное, даже встать и почитать книгу было неудобно. Да и на двух книжных полках я заметила лишь какие-то научные труды. Библиотеки в маленькой квартирке не было. Под утро от скуки я пыталась разглядывать спящего ректора. Он казался моложе и безмятежнее. Разгладились морщинки у глаз, стерлась с губ ироничная усмешка. Пожалуй, он мне даже нравился. Точнее, нравился бы, если бы не отвратительный характер. Все же значительную часть времени Арион фон Расс бодрствовал и отпускал язвительные комментарии.

Даже сейчас ректор разрушил все волшебство момента и запустил в меня подушкой, недовольно пробурчав:

– Хватит тарашиться! Днем изучай сколько влезет. Сейчас я сплю, и ты мне мешаешь. Раздражает!

Я хихикнула, повернулась к нему спиной и, как ни странно, уснула, а проснулась оттого, что кто-то настойчиво пытался стянуть с меня одеяло. Я цеплялась за него обеими руками и даже пыталась пинаться. Спать хотелось жутко.

– Мира! – пророкотало над головой. – Что ты как маленькая! Быстро вставать, иначе мы опоздаем!

Голос начальника я узнала бы из тысячи, поэтому тут же подскочила на кровати и начала испуганно озираться по сторонам.

– Ты собралась спать до обеда? – раздраженно уточнил он и, отпустив одеяло, ушел на кухню. Я пожала плечами, потянулась и отправилась следом. Запах кофе манил, именно ради него, а не предстоящей встречи выпускников я и встала.

Ректор уже был полностью одет, видимо, проснулся намного раньше меня, поэтому собираться и завтракать пришлось в спешке. Вроде бы мы никуда пока не опаздывали, но я видела, что начальник весь извелся от нетерпения. Похоже, он не любил и не умел ждать.

– Мира, ну ты долго будешь красить этот глаз?! – возмущался он, маяча у меня за спиной. – Почему всегда правый?

– В каком смысле? – Я оторвалась от увлекательного важного занятия и несчастно посмотрела на ректора, ожидая пояснений.

– Почему, как я ни подойду к тебе, ты всегда красишь правый глаз?

– Не-не знаю... – проблеяла я. Вроде бы оба красила равномерно. Зеркало говорило об этом же.

– Давай быстрее!

Начальник сморщился и ушел в комнату, а я постаралась ускориться. Злой ректор был даже противнее, чем ректор в своем обычном настроении.

Кстати, торопил он меня, оказывается, все же не зря. До места добрались буквально за пару минут до начала церемонии открытия. Народ толпился у ворот университета, над самим зданием парила огромная табличка из воздушных шаров: «Добро пожаловать!», а на сцене уже проверяли микрофон. Найти в этой толпе кого-то знакомого было просто невозможно, как и пробиться ближе к сцене через плотное скопление зевак, нынешних студентов и тьмы незнакомого разномастного народа.

– Мне кажется, найти место сейчас нереально... – с сомнением пробормотала я. На самом деле я не думала, что мы вообще сможем продвинуться дальше ворот.

– Не переживай! – Арион уверенно ухватил меня за руку и потянул в противоположном от толпы направлении. – Я обо всем позаботился заранее. У нас места в ВИП-ложе. И что бы ты без меня делала?

Я не знала, но говорить об этом вслух не стала. У ректора и так было чрезмерное самомнение, поэтому я предпочла разговор на нейтральную тему.

– Тут и такое есть? – удивилась я, а ректор хмыкнул. Похоже, он был горд собою.

Чтобы успеть к церемонии открытия, пришлось лететь по узкой улочке и маневрировать в достаточно плотной толпе. Чтобы я не снесла идущих навстречу людей и длинный кованый забор управленческого университета, ректор держал меня за руку. И это в кои-то веки не смущало, а почему-то очень веселило. Неожиданно я

снова почувствовала себя беспечной студенткой – юной, полной надежд и уверенной, что впереди ждет масса развлечений и блистательная карьера. Ко всему прочему, амулет, похоже, действовал, я была спокойна, не искрила, и это тоже несказанно радовало. Настроение поднималось, здешние места навевали приятную ностальгию.

Когда мы, веселые и запыхавшиеся, бежали по лестнице по направлению к ложе, я столкнулась с чинно вышагивающим бывшим. Он все так же был хорош собой, только стал шире в плечах и немного поправился, что не делало его менее привлекательным. Я оказалась не готова к этой встрече.

– Привет! – Крис остановился и окинул меня таким взглядом, словно видел впервые. Промелькнуло смутившее меня восхищение. Я замерла и, ступешавшись, пробормотала ответное приветствие, даже забыв ненадолго, что ректор держит меня за руку. Вспомнила, только когда с ладони сорвалась искорка и больно ужалила моего спутника. Ректор вздрогнул, но промолчал, а я смутилась.

– Добро пожаловать! – громко прозвучало над нашими головами, и эти слова избавили меня от необходимости продолжать разговор.

– Начинают! – шикнул ректор и как-то слишком настойчиво потянул за руку. Я повиновалась и направилась на свое место, а Крис проводил меня мрачным взглядом, но ничего больше не сказал. Впрочем, я и не хотела душевных бесед. Где-то здесь должна находиться его жена. Оказывается, меня все еще задевало предательство трехлетней давности. Любовь давно ушла, а вот разочарование и обида еще были живы.

Неужели Крис думал, будто я до сих пор одна? Хотя... он был прав. С личной жизнью у меня не сложилось. Точнее, у меня не сложилось ни с чем. Я опять впала в депрессию и захотела сбежать, а ведь пока встретила лишь одного человека из прошлого. Но даже вид Криса заставил меня вновь испытать разочарование. Настроение испортилось, и я грустила.

Нет, сердце уже не екало. Наверное, сейчас я бы в него не влюбилась, но несбывшиеся мечты снова ранили и доставляли боль. К счастью, в ложе не оказалось никого из близких знакомых. Я узнала пару – короля и королеву университета, выпускников того года, когда я только окончила первый курс. Потом заметила еще одну выпускницу с

их потока. Она в университете была заучкой в смешных, делающих ее похожей на черепаху очках, а сейчас похудела, вытянулась. С ее лица исчезла зашуганность, но держалась девушка в стороне от своих. Остальные соседи по ложе были сильно старше, и я не узнала никого.

Зато ректор сразу же включился в разговор с двумя мужчинами и мило улыбался какой-то эффектной черноволосой даме. Мне это не понравилось, но я предпочла сделать вид, будто мне очень интересно слушать вдохновенную речь герры Эликсы – ректора нашего университета.

Вступительная часть была долгой и нудной. Мне казалось, она не закончится никогда. Поэтому когда прозвучала финальная песня, которую исполняли полсотни детей (наверное, бедняг вытащили с каникул), я даже вслух поблагодарила всех известных мне богов, чем вызвала смешки у соседей по ложе. Впрочем, смешки эти были одобрительными. Полтора часовое действие утомило не только меня. Ректор вообще зевал не стесняясь.

– А сейчас... – Светящаяся от счастья ректорша с показным воодушевлением глянула в зал. – Я приглашаю наших выпускников, тех, у кого есть именные пригласительные, в увлекательнейшее приключение по чертогам памяти. На ближайшие три дня двери университета распахнутся для вас снова, и вы с головой окунетесь в студенческую жизнь!

Пригласительные у нас с ректором имелись, и мы отправились к воротам университета, хотя лично меня энтузиазм герры Эликсы серьезно настораживал. Народ с трибун, установленных во дворе учебного заведения, постепенно рассасывался. Мы подождали, когда схлынет празднующая толпа у крыльца, и прошли в сторону главного входа в университет. В просторном, таком знакомом холле народа было гораздо меньше – человек сто или около того. Посчитать по головам не вышло. Я начала разыскивать знакомые лица.

Похорошевшая за три года подруга первой кинулась мне на шею. Меня снесло запахом дорогих духов и ослепило блеском бриллиантов.

Вкус у Като за три года не стал лучше, а вот денег прибавилось. Я запомнила ее как неуклюжую старательную зубрилку, у которой все было средним: и внешность, и успеваемость. Но, видимо, она сумела

переломить себя и пошла вверх по карьерной лестнице. Или удачно вышла замуж.

– Мирочка! Ты так классно выглядишь! – вполне искренне изумилась она, а я подумала: «С чего бы мне выглядеть плохо?» – Как у тебя дела?

– Все замечательно! – Я с трудом выбралась из жарких объятий и, вдохнув полной грудью, наконец сумела по-настоящему улыбнуться.

Мы замерли, разглядывая друг друга, и слова застряли в горле. Мы прожили в одной комнате пять лет, три года не общались и вот сейчас стояли и не могли найти тем для разговора, только глупо улыбались. Но, как ни странно, я испытывала не неловкость, а счастье. Все же здорово, что мы нашли повод встретиться. Пусть меня и привела на встречу корысть, но я была рада всех видеть. Ее так точно.

Ректор, надо отдать ему должное, не вмешивался и молчал. Я сделала себе отметку, что надо будет сказать ему «спасибо». Он вообще выдал свое присутствие, только по-хозяйски положив горячую ладонь мне на талию. Я едва удержалась от возмущенного фырканья, но, к счастью, поймав всплеск интереса в глазах Като, вовремя вспомнила про легенду и через плечо влюбленно посмотрела на своего спутника, заставив его поперхнуться.

Неловкое молчание нарушила герра Эликса, которая эффектно появилась в снопе искр прямо из воздуха, а затем закашлялась – после искр осталось густое облако пыли. Я услышала язвительный смешок за спиной, видимо, ректор не оценил спецэффект.

– А теперь начинаем самое интересное! – громогласно объявила она, кажется, искренне наслаждаясь своей ролью и происходящим вокруг, и хлопнула в ладоши. Судя по всему, это было какой-то командой. Свет мигнул и погас.

Ректор тут же притянул меня к себе, сильнее сжимая в объятиях, а перешептывания и редкие смешки вокруг очень быстро переросли в визг и панику.

– Что происходит? – истерично завопил кто-то, и я поняла, что жажду присоединиться к этому отчаянному крику.

В ответ раздалось лишь громогласное, искаженное магией хихиканье, и я почувствовала, что пол уходит у меня из-под ног. А в следующую секунду меня покинуло и сознание.

Проснулась я оттого, что нос щекотало какое-то уж очень настойчивое и яркое солнышко. Я нехотя открыла глаза, чихнула и привычно попыталась нащупать на прикроватной тумбочке часы. Рука легла на металлический бок будильника, я поднесла его к лицу и посмотрела на циферблат. Почти десять утра. На пары проспала – печально. Со мной такого никогда не бывало.

Мысль напугала, я старалась не прогуливать. Поэтому я проснулась окончательно и резко подскочила на кровати, вспомнив, что давным-давно уже не учусь. Я вообще приехала на встречу выпускников, и там... там что-то случилось. Темнота, смех... и вот теперь я здесь.

Я спустила ноги с кровати и принялась оглядываться по сторонам, не оставляя попыток вспомнить детали произошедшего. Сейчас я находилась в своей комнате в общежитии управленческого университета – на столе стоял наш любимый, купленный на первом курсе сервиз, на стене висели акварели, которые в студенческие годы частенько рисовала Като, на трюмо рядом с косметикой валялись учебники – они вызывали у меня оторопь.

Спала я в ученическом платье, которое мне стало тесновато, а на соседних кроватях дрыхли мои соседки. Нежно любимая подружка Като и извечная соперница – шикарная Рокси.

Единственной связью с настоящим и напоминанием о том, что все происходящее – глупый розыгрыш, был Васик, стоящий на подоконнике. Мой цветочек меланхолично дожевывал пыльный тюль. Это окончательно вернуло меня в реальность и заставило нервничать.

Если я здесь, то куда пропал ректор? Что я тут делаю, что творится вокруг?

– Девчонки, вставайте! – заорала я, чувствуя, что рехнусь, если попробую во всем разобраться самостоятельно.

– Мирка, заткнись! Спать хочется! – Рокси кинула в меня подушкой, а Като просто застонала.

– Какое заткнись?! – Я разозлилась и вернула подушку обратно, чего раньше никогда бы не сделала. – Вставай, быстро! Ты вообще увела у меня парня и вышла за него замуж! Так задай себе вопрос, что я делаю с тобой в одной комнате?

– А что ты делаешь со мной в одной комнате? – Рокси наконец проснулась и испуганно уставилась на меня. Черные волосы были растрепаны и походили на иголки дикобраза, косметика размазалась по лицу, но извечная соперница все равно была красива, и за это ее хотелось придушить.

– Мы в общежитии! – ответила я и язвительно добавила: – Не видишь, что ли?!

– Как мы сюда попали? – Ее губы задрожали, и Рокси попыталась выбраться из-под одеяла.

– Представления не имею. – Я пожала плечами. – Давай будить Като и решать, что делать дальше. Нужно выйти и постараться найти кого-нибудь, кто знает, что тут происходит.

– А она сильно изменилась, да? – хмыкнула Рокси, неожиданно сменив тему, и уставилась на сладко посапывающую Като. – Не думала, что она достигнет хоть чего-либо.

– Это не самый большой сюрприз от встречи выпускников, – огрызнулась я. Не знаю, что меня злило больше: то, что никакие амулеты не смогли уберечь меня от неприятностей, или то, что неуклюжая неудачница Като достигла большего, чем я. Но не стоило забываться и демонстрировать недовольство своим соседкам. Для них я – успешная и счастливая. Поэтому я улыбнулась и заметила: – Думаю, нас ждет много удивительных открытий.

– Да уж! – Рокси со стоном поднялась и хмыкнула. Она была не просто в серой форме управленческого университета. Она была в *своей* форме. Я прекрасно помню, как подруга, ругаясь у окна, ушивала свободное платье и делала глубже вырез. За что потом не раз получала выговор от декана, хотя дальше устных порицаний дело так и не зашло. Новую форму ей зажали и не выдали, что Рокси несказанно радовало.

Побудка Като всегда была шаманским танцем с бубном. Долго, муторно, с руганью и финальным аккордом в виде вылитого на голову стакана воды. Три года прошло, но некоторые вещи остались неизменными.

– Рик, отстань! – наконец среагировала на нас рыжая и прикрыла мокрую голову подушкой. Похоже, она была твердо уверена, что ее будит приятель или муж.

– И что делать будем? – раздраженно осведомилась Рокси, осознав, что без магической хлопушки, которой у нас сейчас не было, Като разбудить не получится.

– Представления не имею, – сказала я и пожала плечами. Васик, оставленный на окне без присмотра, уже обгрыз шторы и теперь подбирался к сумке Рокси, но она его поползновения заметила и возмутилась:

– А это еще что за дрянь?

– Это не дрянь! – Я покосилась на Васику, раздумывая, не спрятать ли его куда подальше. – Это мой цветочек.

– А растение, не жрущее шторы, ты найти не могла?

Ответить я не успела, так как в дверь настойчиво поскреблись.

– Кто там? – недовольно буркнула Рокси, поспешно приглаживая волосы и поправляя перед зеркалом косметику.

– Ты тут! – Мой бывший влетел как ураган, кинулся к своей жене и замер, наткнувшись на меня взглядом. Я пожала плечами и отступила. Какой смысл стесняться своего присутствия после того, как бросил три года назад и все это время прожил с Рокси?

Следом за моим бывшим вошел совсем не изменившийся за последние годы раздолбай Михаэль. Симпатичный, рыжий, с не сходящей с губ улыбкой. Он и сейчас ржал.

– А ничего не меняется! – хмыкнул он. – Мира с Рокси на ножах, Като дрыхнет. Добро пожаловать обратно в университет. Мы в прошлом, народ!

– Кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит? – взвыла я. – Какое, к шушелям, прошлое?

– А мы сами не знаем, что происходит, – с удовольствием откликнулся Михаэль. – Но наши все здесь. По крайней мере, пока мы шли до вас, заглянули в несколько комнат – все так прикольно истерят. А по мне, отличное приключение! И точно не повод унывать.

– Чем оно отличное? – фыркнула Рокси. – Я вот никакой ностальгии по студенческим временам не испытываю. Я вообще думала, что мы только на вечер сюда заглянем и уедем домой.

– А я рад, что все так получилось. – Крис посмотрел на меня и улыбнулся. Это не укрылось от Рокси. Она зашипела, словно змея, а я снова пожала плечами, показывая, что совершенно тут ни при чем. И вообще мне без разницы. Кстати, это было недалеко от истины.

Единственное, что меня сейчас заботило, – как без ректора понять, кто наслал на меня проклятие.

– И все-таки какие у нас планы? – поинтересовалась я, чтобы как-то поддержать разговор.

– Предаваться ностальгии, Мирочка. Вспоминать, как оно было! – Михаэль подошел ко мне и совсем как раньше обнял за плечи. – С одной только поправочкой. Сейчас нам можно пить. Ты даже не представляешь, сколько мы привезли бухла!

Голос его звучал мечтательно, и я впечатлилась.

– А что? И вещи наши тут? – оживилась Рокси.

– Ваши – не знаю, а наши в целости и сохранности, поэтому, милые дамы, не изволите ли вы пройти в номера и предаться там...

– Разврату? – сонно поинтересовалась Като, которая, похоже, так толком и не проснулась.

– Как скажешь, красавица, как скажешь! – хмыкнул Михаэль и начал тащить меня к выходу.

Я покосилась в сторону горшка с Васиком, но, подумав, все же отказалась от идеи взять его с собой. Не поймут бывшие одноклассники таких странностей. Не хватало еще спустя три года после выпуска попасть в белые грифоны. Мне еще нужно заставить нервничать того, кто наложил проклятие. Показать, что у меня все хорошо, и успеха я, вопреки вражеским козням, добилась.

– Мирка! Ну ты идешь или как?

Рокси демонстративно повисла на руке у Криса и даже в щеку его поцеловала, взглянув на меня очень уж выразительно, что разозлило неимоверно. Волосы едва заметно заискрились, когда Михаэль снова попытался меня приобнять за плечи. Пришлось резво отпрыгнуть, пояснив удивленному однокласснику:

– Жених у меня ревнивый. Очень.

– Да где жених-то? Тут же нет его! – ухмыльнулся рыжий, снова сграбастал меня за плечи, и мы двинулись к выходу. К счастью, злость отступила моментально, и разряда не последовало. Настроение сразу же улучшилось, и я постаралась прогнать тревоги. В конце концов, на мне амулет. Если я буду тихонько сидеть в компании одноклассников, может, получится избежать неприятностей? Еще бы ректора найти... Но я верила: Арион фон Расс отыщет меня сам. Вряд ли с ним случилось что-то непоправимо плохое. Самое страшное – он остался

там, в холле университета. Он не был выпускником, его могли не взять в игру, но я была уверена: ректор придумает, как сюда проникнуть.

С этого момента я перестала размышлять и прикидывать и решила делать то, что и все остальные: отдыхать. К тому же парни не наврали, у них действительно в комнате нашелся целый бар: батарея из бутылок и вдобавок еще куча еды.

– Куда-а-а? – удивилась я, рассматривая огромную копченую ногу на подносе – на таких подносах в холле стояли кувшины с водой. Видимо, Михаэль и Крис его просто стащили – вполне в их духе. – Ладно еще выпивка! Но зачем вам столько еды?

– Ну... – Михаэль взлохматил густые рыжие волосы. – Мы подумали: кто знает, когда нас покормят? И решили взять перекус на вечер. Мало ли? И, видишь, не прогадали. На самом деле неясно, когда нас покормят.

Аргумент был неопровержимым, и я перестала задавать глупые вопросы, к тому же в комнате находился и третий жилец, которого, я надеялась, не будет – черноволосый Тим. Я его терпеть не могла, и сейчас, встретившись с холодным взглядом льдистых глаз, поежилась.

– Три года прошло, а ничего не меняется, – хмыкнул он, обращаясь к нам, но смотрел почему-то исключительно на меня. – Хотя... – Он холодно ухмыльнулся. – Меняется. Крис пошел по рукам. Като, ты следующая?

Като неожиданно порозовела. Вот это поворот! Оказывается, ей нравился Крис? Вот уж не знала. А Тим, видимо, заметил. Он подмечал все, даже то, на что другие не обращали внимания.

Предположение не оставило равнодушной не только Като. Рокси зашипела:

– Поговори у меня, ворона! Следи за своим поганым языком!

– Молчу, – примирительно улыбнулся Тим и снова обратил внимание на меня. – Как это – лишиться самого лучшего, Мира, а?

Его слова были настолько правильными и попали в цель, что я не сразу нашлась с ответом. Тим, вероятнее всего, имел в виду мой разрыв с Крисом. Но кто знает? Заминка была секундной, но он ее заметил.

– Не понимаю, о чем ты, – ровно ответила я, осознавая, что веселиться расхотелось и у меня появился первый подозреваемый. Тим открыл рот, намереваясь еще что-то сказать, но в этот момент дверь в

комнату резко распахнулась. Я отпрыгнула в сторону, а вот Михаэль не успел и получил по спине. Пролетел вперед, сгреб меня в охапку, и мы рухнули на сидящего на кровати Тима.

– Не ждали нас?! – знакомо и пьяненько донеслось от входа.

– Да вот, представьте! – пыхтел Михаэль, пытаюсь подняться.

– Ну, простите... – Дрон в студенческие годы занимал соседнюю комнату. И именно он завалился в гости. Его голос звучал немного обиженно. – Мы к вам с чистой душой, а у вас тут оргия! И ведь не позвали никого, паршивцы!

– Какая, к шушелям, оргия?! – возмутилась я, отпихивая руки Тима, уже облапившие меня за талию. – Осторожнее дверь нужно открывать!

– Ну, прости, Мирочка. – Дрон был уже пьян и обнимал двух хихикающих близняшек. Поговаривали, что одна из них стала его женой. Вопрос – какая именно и знает ли это сам Дрон.

Через полчаса в небольшой комнатке стало тесно и жарко от дружеских объятий, улыбок и осознания того, что кто-то из этих людей, ставших бесконечно родными за период обучения, наслал на меня проклятие, которое три года отравляло мне жизнь. Да и сейчас никуда не исчезло, а только взяло короткую передышку.

Сначала я вела себя скованно, по чуть-чуть, маленькими глоточками, пила что-то обжигающе-крепкое и приглядывалась, пытаюсь отыскать виновника, но постепенно расслабилась и забылась. И вот через полчаса на коленях вечного бабника Дрона сидела я, а не близняшка, глупо хихикала и пыталась сфокусировать взгляд на мелькающем горлышке бутылки, прикидывая, кого придется целовать следующим.

Като сидела рядом, привалившись к моему плечу горячей щекой, и бросала хитрые улыбки Алексу – он был ее неудавшейся любовью. Холодный, неприступный, слегка отстраненный и поэтому загадочный. Раньше он не обращал внимания на Като, зато сейчас я постоянно ловила в его глазах все возрастающий интерес.

Мой бывший был мрачен, видимо, ему стало не очень удобно в цепких объятиях Рокси. Я испытала эгоистичное удовлетворение. А он думал, что, сбежав от меня к ней, попадет в рай?

Крис то и дело косился в мою сторону, и я намеренно прижималась ближе к Дрону, желая позлить. Впрочем, я не учла

одного: сам Дрон расценил мое поведение иначе. Его руки переместились на мою талию и сжали по-хозяйски, а вырваться было нельзя – не так поймут. Да и Крис подумает, что из-за него.

Когда горлышко бутылочки остановилось, я почти не удивилась. Оно показывало на Криса. По комнате пронеслось улюлюканье. О нашем романе и некрасивом расставании сразу же после выпуска знали все. И предвкушали. Не знаю, что больше: нашу стычку с Рокси или поцелуй с Крисом.

Наверное, я могла бы отказаться. Наверное, все бы это поняли. Но я не захотела. Решила отомстить и ему, и Рокси, которая молчала с начала вечера, но от ее взгляда мне становилось не по себе: эта точно могла не только проклясть, но и убить.

Я помнила о своем проклятии, но оно уже достаточно давно не давало о себе знать. В голове шумел алкоголь, и я, вывернувшись из объятий Дрона, медленно скользнула вперед, чтобы на глазах у всех обвить руками шею своего бывшего, вдохнуть такой знакомый, но давно забытый запах, и поцеловать – медленно, нежно, поддразнивая... И сразу же сделать вид, будто приличия соблюдены и я отстраняюсь.

Он не выдержал. Крис никогда не отличался терпением. Притянул меня к себе сам и жадно поцеловал. Странно, но я не испытала ничего, кроме удовлетворения – месть удалась. Его губы были жадными и теплыми, поцелуй – умелым, но стоило признаться: за три года я охладела. Крис перестал меня волновать.

Его стоило поцеловать хотя бы для того, чтобы убедиться в этом окончательно. Вообще, я думала, что первой не выдержит Рокси и закатит безобразный скандал. Стыдно признаться, но его я тоже предвкушала, но когда это судьба оказывалась на моей стороне?

Я не заметила, как открылась дверь, да и, по большому счету, всем было без разницы: одним человеком в комнате больше, одним меньше. Зато голос узнала сразу же.

– И что это у вас тут, недоуправленцы, за безобразие творится в комнате? А? Отбой вроде как был, а вы, паршивцы, мало того, что безобразно предаетесь пьянству и развратной игре в бутылочку, так еще какой-то упырь целует мою невесту!

Я икнула и отскочила. Крис попытался возмутиться, но быстро стух, так как Арион фон Расс в гневе являл собой впечатляющее

зрелище. Глаза горели красным, а из-под верхней губы показались удлинившиеся клыки. Упс. Я и не знала, что они у него есть. Похоже, придется несладко.

Дрон, который обнимал меня незадолго до этого, проворно отполз в сторону и дрожащей рукой усадил себе на колени одну из сестричек. Предатель.

А ректор подошел ко мне, бесцеремонно поднял с пола и закинул себе на плечо со словами:

– А теперь мы идем спать, пьянь. Вот скажи, почему тебя нельзя оставить без присмотра ни на минуту?

Что ответить, я не нашла.

– Ну почему-у-у? – ныла я, свисая вниз головой за спиной ректора. Пол покачивался, и это мне совершенно не нравилось. Я обладала слабым вестибулярным аппаратом. – Я еще не наотдыхалась! Мы столько лет не виделись, а вы! Пришли и забрали меня оттуда! Вот как вам только не стыдно?

– Мира! – Арион фон Расс вздохнул, я почувствовала, как расправились его плечи. – Вот иногда ты мне очень напоминаешь мою семнадцатилетнюю дочь, хотя, казалось бы, должна уже немного поумнеть. За последние несколько часов ты наделала целый ряд глупостей. Я просто не позволил тебе в них погрязнуть. Поэтому не стоит меня обвинять.

– Каких? – сразу же насторожилась я и прекратила разглядывать небольшую белую ниточку, прилипшую к штанам ректора. «Невеста-блондинка», – отстраненно подумала я, вспомнив детскую шутивную примету, и потянулась к нитке, чтобы поймать и намотать на палец.

– Вот что ты творишь?! – возмутился ректор. Ниточка упала, а я печально вздохнула, проводив ее взглядом. Не везет. По-прежнему не везет. Интересно, получилось бы домотать до буквы «М» или нет?

Все же алкоголь только на первый взгляд совсем не подействовал. Мысли путались, и я уже забыла свой вопрос, а ректор не спешил отвечать. Упорно нес меня, и я осознала, что не понимаю куда. Это насторожило. Я вообще отвлеклась и не знала, где мы идем. Коридоры университетского общежития были длинными и запутанными, к тому же несколько корпусов были соединены переходами.

– А куда это вы меня тащите? – Собственный голос звучал странно и пьяненько. Поняв это, я застыдилась и сразу замолчала.

– Куда надо, – ответил ректор и продолжил путь. Я не стала задавать вопрос повторно, все равно ответа не добьешься, а зачем лишний раз позориться? Лучше взять себя в руки и постараться произвести максимально трезвое впечатление. Этим я и занималась остаток пути.

– Наконец-то! – Ректор неаккуратно скинул меня с плеча и прислонил к стеночке, будто я была вытрясенным по первому снежку ковром ручной работы, который свернули в рулон. Откуда такие мысли в голове, я не знала, но представила себе картинку очень и очень ярко.

Начальник покосился на меня. Подозреваю, проверял, не упаду ли я, если он перестанет меня поддерживать. Потом вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь.

– Добро пожаловать домой, Мира.

– Но я думала...

Я неопределенно кивнула головой в сторону коридора. Этот жест был призван показать направление, где находится моя общажная комната.

– Все так думали! Иначе бы сразу поселили нас вместе. Но мы – жених и невеста или как? Будем нарушать правила приличия и хулиганить. Я на ближайшие три дня – старший помощник преподавателя. У которого... – Глаза ректора полыхнули алым. – Роман со студенткой. Пикантно, не находишь?

– Не знаю, – честно ответила я. – А вы вообще в курсе, что тут происходит? А то мы начали разбираться, а потом... – Я неопределенно пожала плечами.

Ректор понял.

– Ага. А потом вы просто напились. Очень по-взрослому.

– Так расскажите, что происходит. Раз такой умный, – фыркнула я, пытаюсь оторвать себя от стены.

– На ближайшие несколько дней я твой жених, поэтому исключительно «расскажи». Отвыкай обращаться ко мне на «вы».

– Ага! – Я хмыкнула. – А потом привыкай заново? Нет уж. К тому же на ближайшие несколько дней вы – помощник преподавателя. Разве мы не должны хранить свои отношения в тайне?

Оказывается, я еще могла язвить.

– И то верно! – Ректор хмыкнул, демонстративно увлек меня за собой в комнату и хлопнул дверью, заметив: – Раз у нас тайный роман,

ни к чему светиться в коридоре.

– Ну и зачем все это? – Я надулась уже в его апартаментах и упрямо встала посередине коридора. – Может, не стоило перегибать палку? Мне кажется, я быстрее найду ответы, если буду находиться в среде своих бывших одноклассников.

– И целоваться с женатыми мужчинами?

Мне очень не понравился недовольный ректорский тон. Будь на месте Ариона фон Расса кто-то другой, я бы решила, что он ревнует.

– Ну... – Я огляделась по сторонам и, не обнаружив ничего примечательного в коридоре, прошла в гостиную. – Я не целовалась с ним...

Ректор хмыкнул, не скрывая насмешки. Пришлось пояснить:

– Не целовалась, а мстила.

– Очень интересная месть... Мне ты отомстить не собиралась? А то я готов.

– Не ему! – Я отмахнулась и плюхнулась на светлый диван, стоящий в центре небольшой комнаты. Если бы была трезвой, не стала бы так откровенничать, но сейчас это казалось в порядке вещей. – Я мстила его жене. А нечего было у меня жениха уводить! Дрянь она!

Возмущение заклокотало в груди, я засопела и почувствовала, что начинаю искрить. Пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы немного успокоиться. Впрочем, прогнозы ректора сбывались: разряды становились менее сильными. Основной поток энергии был уже нейтрализован. Жаль, что полностью проклятие таким способом не уничтожишь и не сдержишь надолго. Рано или поздно, скорее всего, наступит привыкание, и эффект от амулета сойдет на нет.

– Вот даже как? – Ректор посмотрел на меня с задумчивым интересом и присел рядом. – Значит, тут еще и бывший жених присутствует. Так, может, это он? Проклятыце-то наложил? Ну мало ли как сильно ты его достала, а?

– Скорее она! Жена его! Она всегда мне завидовала! – На Рокси я почему-то злилась сильнее, нежели на Крису. – Не хочу о них. Расскажите лучше о том, что творится здесь. К чему все эти спецэффекты? Зачем нас заперли в общежитии? Чтобы не тратиться на банкет и развлекательную программу?

– А почему бы и не рассказать о том, что здесь творится? Слушай, мне не жалко. – Арион фон Расс сел поближе ко мне и обнял за

плечи. – Посоветовавшись с вашим ректором, мы пришли к выводу, что обычная встреча выпускников – это скучно, и устроили вам этакий экскурс в прошлое на три дня. Сегодня вам дали возможность привыкнуть и пообщаться, вспомнить, как это – жить в общежитии, предаться ностальгии. Завтра с утра вас ждут пары у знакомых и не очень преподавателей, а вечером – банкет. Ну а послезавтра – освобождение номеров и отъезд. Этакий тур выходного дня в студенческие будни. Как тебе?

– Интересно. – Идея мне понравилась. – Только вот времени совсем мало... – с сомнением сказала я. – Не успеем вычислить того, кто меня проклял.

– Ничего, у меня есть идея, – успокоил меня ректор и улыбнулся настолько самодовольно, что мне стало не по себе.

– Какая?

– Расскажу. Вот как только протрезвеешь, так и расскажу. Поверь, уже завтра к обеду мы будем знать, кто именно насрал проклятие.

– Три года назад?

Слова ректора звучали обнадеживающе, но верилось с трудом.

– Да. А сейчас, думаю, тебе стоит лечь спать.

– Не могу. – Я поднялась с дивана и, пошатываясь, заявила: – Мне нужно к себе в комнату.

– И зачем же? – поинтересовался ректор. – Твои вещи доставили сюда. Не получится сбежать от меня, Мира.

– А Васик?

– Вот же шушь! – Ректор хлопнул себя по лбу. – Я совсем про него забыл.

– А зря. Я только цветочек заберу! – пообещала я и выскочила за дверь. Вот ведь поганец! Даже вещи мои успел умыкнуть. Интересно, почему меня-то сразу к себе под крылышко не поселил? Решил все же дать возможность пообщаться со своими? И на том спасибо.

Быстро, к сожалению, не получилось, так как у нас в комнате царил дикий бедлам. Крики я слышала издали и даже ускорила шаг. Ворвалась в комнату и первым делом отыскала взглядом свой цветочек. Васик снова превратился в мелко трясущуюся от страха почку. Подозреваю, это и спасло его от расправы. Мои соседки просто не знали, что цветочек, нашкодив, умеет прятаться. Думаю, они и предположить не могли, насколько разрушителен может быть

голодный Васик, а я уже отсюда видела последствия его голодного загула.

Хуже то, что я видела и другое. Вещи были разбросаны по комнате, чемоданы открыты, а ярко-алые трусики с бантиком развевались на люстре. Разноцветные женские носочки украшали подсвечник и бельевую веревку за окном, а некоторые книжки кто-то порвал в мелкие клочья и раскидал по полу.

У меня все внутри похолодело. Слишком очевиден был виновник разгрома.

– Что у вас тут творится? – с ужасом поинтересовалась я и, пробравшись к подоконнику, схватила с него Васику.

– Не «у вас»! – передразнила меня Рокси. – У нас! Посмотри, твоих вещей тут нет?

– Моих вещей тут нет совсем. – Я пожала плечами, взирая на разгром с облегчением. Сейчас жить здесь я не хотела и была даже благодарна ректору. Девчонкам придется убираться до глубокой ночи. К счастью, без меня.

– Как это – тут нет твоих вещей? – Рокси подозрительно прищурилась.

– Их перенесли в комнату к моему жениху. – Я улыбнулась широко и искренне. Это был мой маленький момент триумфа. – Меня к вам подселили по ошибке! Я за цветочком зашла.

– То есть? – Като подняла взгляд от кучи цветных тряпок, раскиданных по полу. – Это все разбирать нам?

– Пока-пока, девочки! – Я еще раз улыбнулась и сбежала, мерзко хихикая. Лишь краем глаза заметила, как Като несчастно взирает на лиловую юбку, с которой что-то капает на пол.

Я знала лишь одно существо, которое было способно на подобное. Если шумель последовал за нами, управленческому университету конец!

Глава 13. Ночь вдвоем

В покои к ректору я ворвалась, бешено сверкая глазами и прижимая к груди горшок со все еще дрожащим Васиком. От бега дыхание сбивалось, а волосы лезли в глаза. Так всегда бывает, если руки заняты.

– Мира, ты не в себе? – подозрительно поинтересовался Арион фон Расс, оторвавшись от созерцания пляшущего огня в камине. – С чем связано твое излишне возбужденное состояние? Еще, что ли, чего с подружками выпила?

– Мне страшно это говорить, но, похоже, шушель последовал за нами... – Я была настолько впечатлена случившимся, что даже на язвительный тон ректора не прореагировала.

– Что?! – Арион фон Расс изменился в лице. – А ты уверена? Может, показалось с пьяных глаз?

Я присмотрела для Васика свободное место на подоконнике и, пристроив цветочек, с размаха плюхнулась на диванчик. Под зад, естественно, попало что-то жесткое. Я отпрыгнула, поминая недобрым словом проклятие, которое, пусть в мелочах, но все же проявлялось, и поймала тоскливый взгляд ректора. Опустила глаза и заметила массивные серебряные карманные часы.

– Да чтоб тебя шушель обгадил! – возмутился он, забирая свое имущество и перекладывая в карман.

– А я что? Это все проклятие.

Я пожала плечами и, чтобы отвлечь Ариона от мелкого эпизода, связанного с моей неуклюжестью, пересказала то, что видела в своей бывшей комнате.

– Если это не шушель, то я даже не могу предположить кто. Очень уж в его духе, – заключила я.

Ректор нахмурился, но беспокойство на его лице очень быстро сменила улыбка, и он, хитро прищурившись, произнес:

– А что, Мира... Раз ему так приглянулся твой цветочек, может, мы Васика управленческому университету подарим в знак нашей неземной любви к этому достойному заведению, а? И избавим тем

самым академию от шушеля, а себя – от проблем и лишней головной боли. Достал же всех, ей-богу!

– Ага, сейчас! – Я кинулась на защиту любимца. – Может быть, твареныш не Васика так любит, а вас? И именно за вами последовал. Скажите-ка, как часто вы по командировкам разъезжаете?

Видимо, мои слова попали в цель, и ректор призадумался, но ненадолго. Ответ на каверзный вопрос быстро всплыл у него в голове.

– Э... нет, Мира. Это именно твой цветуй сожрал предмет шушелевой страсти – клубничные Труселя. И именно он, а не я, периодически приобретает клубничную окраску, приманивая демоненка. Так что последовал шушель сюда точно не за мной, а за твоей прожорливой геранью.

– Все равно Васика не отдам! – категорично заявила я и покосилась в сторону подоконника.

– Да я не серьезно! – отмахнулся ректор. – Просто злишься ты очень уж забавно, и я не могу отказать себе в удовольствии. Сразу в глазах – такой блеск и решительность. Вот почему ты так рьяно только Васика защищаешь? А во все остальное время... слишком уж осторожна. Нужно быть активнее. Тебе идет!

– А вы поживите с проклятием три года, посмотрю, куда ваша решимость денется! – фыркнула я.

Как ни странно, слова ректора меня совершенно не задели. Раньше я была другая. Бойкая. Иногда даже чуточку нахальная – не самое плохое качество для карьеристки. Развивать эту тему дальше не хотелось, поэтому я уточнила:

– И что же мы будем делать?

– Сейчас? – Арион фон Расс хитро прищурился и взглянул на меня так, что в горле пересохло. Следующие слова совершенно не вязались с этим обжигающим взглядом: – Полагаю, спать. Если у вас, конечно, нет никаких других, более интересных планов.

Я фыркнула.

– Нет у меня других планов. С шушелем-то что делать будем?

Этот разговор был намного безопаснее, нежели обсуждение планов на ночь.

– А что? – Ректор пожал плечами, без возражений меняя тему. – Мы к нему привыкли, Васика от него не прячем. Пускай играет, а все остальные пусть сами себя спасают. А потом... я вообще не уверен,

что шушелою есть дело до кого-то еще, кроме предмета своего обожания. По-моему, он просто хочет быть рядом с Васиком. Эта парочка спелась. Если им не мешать, неприятности будут минимальны.

– А бардак в нашей комнате?

– Ну, быть может, он тебе мстил за то, что ты забрала у него самое ценное?

– Может быть, – нехотя согласилась я и забралась на диван с ногами, но в душе остался червячок сомнения. Что-то тут не сходилось.

Алкоголь начал выветриваться, и состояние стало сонным. Голова слегка болела, и дико хотелось чаю. Я посмотрела по сторонам, но, к сожалению, не обнаружила ничего, похожего на чайник и буфет.

– Что-то ищешь, Мира? – поинтересовался ректор, который внимательно смотрел за тем, как я изучаю комнату.

– Очень хочу чаю, – призналась я и вздохнула, посмотрев на начальника умоляющим взглядом. Я, конечно, мечтала построить карьеру, быть сильной и независимой, но не в такие моменты. В такие моменты я искренне считала, что добытчик – мужчина, и именно он должен найти среди суровой действительности чайник.

Видимо, Арион фон Расс понял ход моих мыслей, но почему-то не послал меня в дальние дали в своей обычной манере, а со вздохом поднялся и заметил:

– Не идешь ты спать спокойно. Будет чай, – пообещал он и направился к двери, а мне почему-то вдруг стало очень тепло, уютно и счастливо.

Пока ректора не было, я положила руку на подлокотник, пристроила на нее голову и уставилась на огонь в камине. Похоже, он горел тут для красоты, а может быть, и вовсе являлся обычной иллюзией, потому что я не чувствовала исходящего от огня жара, хотя языки пламени плясали очень естественно. Даже потрескивание слышалось.

Было удобно и спокойно, и скоро я задремала прямо так, в неудобной позе, свернувшись калачиком на маленьком диванчике. Не проснулась, даже когда вернулся ректор. Как потом выяснилось, он принес чай и вазочку со сладостями.

Я открыла глаза только тогда, когда ощутила мягкую ладонь у себя на щеке. Вздрогнула, но тут же расслабилась, увидев перед собой

Ариона фон Расса. Он присел рядом на диван и теперь не отрываясь смотрел на меня.

– Ты ведь знаешь, Мира, что очень красива? – тихо произнес ректор и чуть наклонился, внимательно изучая мое лицо.

– Да, – призналась я, хотя обычно в ответ на такие комплименты смущалась и кокетничала. Сонно улыбнулась и немного приподнялась, принимая позу поудобнее. Сейчас все казалось очень правильным. Он не пугал и не раздражал меня. И мне совсем не хотелось, чтобы он убирал руку с моей щеки. Арион почувствовал это и осторожно пальцами обрисовал контур губ, задержавшись на нижней, а потом скользнул к подбородку, словно стараясь запомнить каждую черточку моего лица.

Я как замороженная ожидала дальнейших действий, но они не последовали. Ректор смотрел внимательно, настороженно, чернильный взгляд пронизывал насквозь, а на губах Ариона я заметила едва уловимую усмешку.

– Ты хотела чаю, Мира? Налить?

Наваждение спало, я сглотнула и судорожно кивнула. Нельзя же так разрушать романтический настрой! Я даже хотела обидеться, но, увидев блеск в глазах ректора, передумала.

Он играл со мной, как кошка с мышкой, проверял реакцию, дразнил и забавлялся в присущей ему манере. Ректор подобным образом боролся со скукой. Я разозлилась и поклялась, что не выдам своих чувств. Не дождется, я тоже умею дразнить и травить. Только вот оторваться от соблазнительного изгиба губ так и не смогла. Принимая из его рук чашку, то и дело взглядом возвращалась к ним.

Рука скользнула по руке, и я едва не выронила чашку на пол, но смогла удержать, а он понимающе усмехнулся, но промолчал. Я слишком хорошо запомнила, как его пальцы за минуту до этого ласкали мои губы. Хотелось повторения. Но я не могла сделать первый шаг, а он, похоже, его и ждал.

«Нет уж, герр ректор, подобного удовольствия я вам не доставлю», – пообещала я сама себе и сделала глоток из чашки.

Чай оказался горячим, но не обжигающим, с терпким насыщенным жасминовым ароматом. Сон отступил, а волнение улеглось. Уже к концу первой чашки я смогла смотреть на Ариона фон Расса без дрожи в коленях и почти почувствовала себя

победительницей, ровно до тех пор, пока не вспомнила, что сегодня мы спим в одной кровати. Опять.

Именно в тот момент я поняла, что диванчик в гостиной очень даже хорош, а если использовать как одеяло вон тот замечательный клетчатый плед с кресла от камина, то и совсем можно устроиться с комфортом. Мысли я озвучила ректору, но в ответ получила недоуменный взгляд и презрительное фырканье. Арион фон Расс мою идею не одобрил. А когда я отказалась подниматься сама, он не стал церемониться, подхватил меня на руки и, невзирая на возмущенные вопли, отнес в спальню на широкую и очень удобную кровать.

Я нырнула в шелк простыней и блаженно закрыла глаза. Здесь и правда было удобнее, даже рядом с ректором. Точнее, особенно рядом с ним. Только шевелиться не хотелось, а спать в платье я не любила. К счастью, туфли догадалась скинуть еще в начале вечера где-то у дивана. Признаться честно, не помнила, где именно.

– Ну что, Мирочка, – произнес он. Мягкая перина прогнулась под немалым весом ректора. – Платьишко сама снимешь или помочь?

– Сама не сниму.

Фраза вылетела неожиданно, и казалось, испугала не только меня, но и его. Такого ответа ректор не ожидал, а я почему-то упрямо не стала брать слова обратно. А потом... мне действительно было очень лень шевелиться. Пусть делает что хочет, а я – спать. Вряд ли ректора в эротическом плане заинтересует пьяненько похрапывающая девушка.

«Хорошо, – нехотя призналась я себе. – Алкоголь из меня вышел. Просто похрапывающая».

Я уже задремала, когда почувствовала руки на своих плечах. Вздрогнула и очнулась, пытаюсь сообразить, где нахожусь, что происходит и кто посмел покушаться на святое – дорогущее платье, купленное специально для встречи выпускников.

– Не уверен, что тебе удобно в платье, – заметил Арион фон Расс, едва я открыла глаза. – Если хочешь, я могу зажмуриться и не смотреть, но тогда не уверен, что получится освободить тебя от платья быстро.

Действительно, было неудобно. Туго затянутый поясок сдавливал живот, а подол несколько раз обернулся вокруг бедер, но позволить раздевать себя ректору?! Нет уж, я даже в сонном состоянии допустить подобного не могла. Подскочила как ошпаренная.

Сон как рукой сняло. Недобро зыркнув на смеющегося ректора, я спрыгнула с кровати и помчалась переодеваться, усилием воли заставив себя не бросить через плечо взгляд на вальяжно растянувшегося на кровати начальника. Ректор не стеснялся своей наготы – тело у него было великолепным, и узкое полотенце вокруг бедер лишь разжигало воображение.

Моя одежда была уже развешена в шкафу, но, к великому огорчению, сорочка, специально прихваченная для таких случаев, отсутствовала. Видимо, Арион фон Расс позаботился и об этом. Она ему еще прошлой ночью не понравилась. Вместо нее висело воздушное кружевное нечто с полупрозрачным подолом, на тонких бретельках и с лифом, украшенным вышивкой.

– Что это? – возмущенно поинтересовалась я, показывая ректору соблазнительную деталь туалета.

– Ну... – Он пожал мощными плечами. – Маг я или нет? Мешковатые бабушкины сорочки имеют свойство рядом со мной превращаться в изящные вещицы. Думаю, такая тебе пойдет больше.

Я даже разбираться не стала, шутит он или говорит на полном серьезе.

– Ага, сейчас! – зашипела я и раздраженно засунула вещицу в шкаф, понимая, что мне нечего надеть. Мерзавец выкинул даже запасной пижамный вариант, который я положила в чемодан на крайний случай. После долгих переключиваний вещей с места на место я нашла сносный вариант ночной одежды. Конечно, не моя сорочка – отпугиватель страстных мужчин, но и не откровенная тряпочка, на которой только что надписи нет: «Возьми меня».

Выбор пал на обычную белую блузу без рукавов, с открытыми плечами. Блуза была из натурального материала и доходила до середины бедра. Под грудью и до талии шла широкая, но не плотная резинка, поэтому подол немного расширялся книзу. Вполне милая и удобная. В качестве ночнушки сойдет. Все лучше, чем кружевное облако, купленное ректором.

Я переделалась в ванной и нерешительно вошла в комнату, погруженную в полумрак. Мое белое одеяние светилось в лунном свете, и только сейчас я поняла, что выгляжу в нем не менее провокационно и вызывающе. Обжигающий взгляд ректора это подтвердил.

– Ты права, Мира, – мурлыкнул Арион фон Расс. – Так даже лучше.

Он привстал на локте и подался на мою сторону кровати, с жадностью ожидая, когда я подойду.

– Но-но! – погрозила я ему пальцем и нырнула под одеяло, стремясь как можно быстрее спрятаться от взгляда, вызывающего дрожь и волнение.

Ректор понимающе усмехнулся и откатился в сторону. Сразу стало свободнее дышать, но я испытала легкое сожаление.

– Спи, Мира, – немного резко отозвался он и отвернулся. – Никогда не занимался совращением институток.

– Но я... – Возмущение не знало предела. – Я уже давно не институтка!

– А ведешь себя, как она! Неужели я тебе совсем не нравлюсь? Неужели предпочитаешь этих... – Ректор снова повернулся и махнул рукой в никуда. – Типа своего бывшего – смазливых мальчиков, которые ничего не достигли в жизни, – пояснил он.

– Вы мне нравитесь... – дрожащим голосом призналась я и отползла в сторону, натянув одеяло до подбородка, так как испугалась собственных слов. – Но роман с начальником – это путь в пропасть.

– Мир-ра, – простонал Арион фон Расс. – Твое проклятие – вот путь в пропасть. Ты боишься сорваться, но не понимаешь, что уже давно там.

– Вот именно! Мне и так страшно. Со мной происходят все возможные неприятности, не хочу добавлять к ним еще одну! – фыркнула я и отвернулась.

– Но это очень приятная неприятность... – жарко прошептал мне ректор в шею и, обняв за талию, притянул к себе.

– Что вы?.. – возмутилась я, но он не обратил внимания, только сказал:

– Спи, пока я не передумал. Ты очень соблазнительна, волнующе пахнешь клубникой.

– Клубникой? – удивилась я.

– Да, – сонно заметил он, – сладкой клубникой. Не дразни меня сильнее.

Глава 14. Урок магического искусства

Меня, как ни удивительно, разбудили не приставания ректора, не его теплые руки на талии или наглые губы на шее, как я предполагала с вечера (даже гневную речь, засыпая, заготовила), а до боли знакомый, но подзабытый за последние три года звук звонка. Он играл нам побудку каждый учебный день в течение всего обучения. Более мерзких трелей я в своей жизни не слышала.

В нашем университете оправдания: «Не пришел на лекцию, так как проспал», – не существовало. Проспать было невозможно. Вставала вовремя даже известная соня Като. Вот и я сегодня подскочила, словно ошпаренная, и понеслась умываться в ванную под сонные ругательства ректора, к таким побудкам не привыкшего. Словно и не было трех лет без ужасного утреннего звонка. Я даже не сразу сообразила, что уже давно не студентка.

– Что за шушельщина! – возмутился ректор, который сонно и недовольно шатался по номеру, кутаясь в длинный банный халат. Начальник был зол, недоволен и натыкался на мебель.

От вида обиженной ректорской физиономии меня пробрал смех, и даже сон как рукой сняло.

– Доброе утро! – мило проворковала я и, проигнорировав обиженное бухтение, пошла собираться.

Я накрутила волосы, расчесала волосы и, напевая, отправилась по знакомым коридорам в сторону столовой. Маршрут почти не изменился, и уже на лестничной клетке я столкнулась с помятыми сонными девчонками.

– Ты-то, Мирочка, выпалась со своим покровителем, – обиженно заметила Като. – А мы полночи убирались. Кстати, где твой благоверный?

– Пытается отойти от утренней побудки, – со смешком заметила я.

Ректор выходить из номера отказался. Сказал, что будет следить, как бы моя герань не сожрала казенные шторы. Но улыбался он при этом слишком уж хитро. Полагаю, он был в курсе того, о чем я пока не знала. И это очень настораживало. Если к «развлекательной программе» во время встречи выпускников приложил руку он, мне уже

заранее страшно, так как времяпрепровождение нас ждет насыщенное и интересное. Боюсь, слишком. Свои подозрения я, конечно, подружкам озвучивать не стала. У них и так выдалась тяжелая ночь и неприятное утро.

Мы с девчонками по привычке сели за знакомый столик, и скоро к нам присоединились парни, которые, похоже, не ложились вовсе.

– А что? – заметил Дрон. – Когда еще такое развлечение выпадет? Грешно спать! Три года не виделись, шутка ли! Нужно использовать время по полной.

Честно сказать, я не нашла, что ему ответить. Просто улыбнулась и отхлебнула кофе. Все это было очень знакомо, и сердце сжималось от легкого сожаления. Происходящее – неправда. Я никогда больше не вернусь в беззаботные студенческие будни, туда, где была успешной звездой.

Ректор управленческого университета появилась, когда мы почти закончили завтракать. Народ лениво сидел за столиками, вспоминал минувшие дни и, казалось, не собирался никуда уходить. Мы снова возвратились в прошлое, только сейчас это место принадлежало нам одним. Обычно в столовой собиралось человек сто пятьдесят со всех курсов, а сегодня было значительно меньше. Странные ощущения.

Лицо герры Эликсы светилось счастьем. Дама смотрела на нас как на родных, сияя приклеенной улыбкой во все тридцать два белоснежных зуба, и сейчас до боли напоминала моего задумавшего какую-то гадость начальника. Девчонки, кажется, купились на показное радушие, а вот я видела подобный, полный энтузиазма взгляд слишком часто в последнее время. У Ариона фон Расса. Ничего хорошего этот энтузиазм не предвещал. Кажется, кто-то решил не столько развлечь нас, сколько повеселиться за наш счет. Или у меня просто разыгралась паранойя?

Герра Эликса заливалась соловьем. Рассказывала, как рада нас видеть, каким унылым без нас стал учебный процесс, и еще много о чем. Я отключилась на середине речи, а потом ректор жизнерадостно предложила нам еще глубже погрузиться в собственные воспоминания и пройти в учебные кабинеты.

– Вас ждут увлекательные и запоминающиеся занятия! – с ослепительной улыбкой заявила она и пригласила нас к выходу.

– Как интересно! – восхитилась Като и побежала вперед.

Я посмотрела на подругу с сомнением, но все же последовала за ней.

В дверях я нос к носу столкнулась с Арионом фон Рассом, который успел одеться, привести себя в порядок и, видимо, изволил все же спуститься завтракать. Он подпирал косяк и выглядел крайне загадочно, а когда я проходила мимо, одарил меня хитрой улыбкой. После этого я поняла, что действительно снова влипла. Чего бы ни задумали наши «кураторы», будет нескучно и весело. Вопрос только, кому?

– Нас правда, что ли, сегодня заставят учиться? – жарко зашептал мне на ухо Дрон, нагло приобнимая за талию. Возмутиться и отстраниться я не успела, так как он с воплем: «Ой!» – отшатнулся сам. И обиженно замер, потирая пятую точку.

Я взглянула на него недоуменно, но потом заметила ухмыляющегося ректора в дверях, и все стало ясно. Кто-то с упоением изображал ревнивого жениха.

– Это он, что ли, меня? – Дрон тоже увидел насмешку в глазах Ариона фон Расса и помрачнел.

Я пожалала плечами, улыбнулась и отправилась догонять девчонок. Не знаю почему, но такое собственническое поведение ректора было приятно. Ну и пусть, что он всего лишь играл роль!

«Интересно, что ректор сделал с Дроном? Ментальный пинок или молния в зад? Надо будет уточнить». – Я мысленно сделала себе зарубку, чтобы не забыть.

В аудитории я уселась на галерке рядом с Като. Раньше я никогда не пряталась и занимала первую парту, но с тех пор многое изменилось. Сейчас я не хотела искушать судьбу и старалась не выделяться. Сомневалась, что нас заставят учиться по-настоящему. Смысла в этом не было, скорее всего, устроят какое-нибудь шоу. А значит, мне лучше остаться в стороне и не привлекать внимание. Со своим проклятием я могу только опозориться.

– Ну вот и все в сборе! – с повышенным энтузиазмом заявила герра Эликса. – А раз так, мы можем начинать. Конечно, мои дорогие выпускники, никто не заставит вас снова грызть алмаз науки, наша цель – просто напомнить, сколько радостных часов прошло в уютных стенах университета.

Лично в этой аудитории у меня прошло двенадцать часов сдачи даже не экзамена, а банального зачета у слишком принципиального профессора Мирасиса, но я не стала напоминать об этом герре Эликсе, решив: кто старое помянет, тому нехорошо будет, и стала слушать дальше. Признаться, даже интересно стало, что они такое придумали.

– Итак! – Герра театрально взмахнула руками. Кажется, ей очень нравилось играть роль радушной хозяйки. В то, что радость стопроцентно искренняя, я не верила. – Наш дорогой коллега, ректор Имперской академии магических искусств Арион фон Расс любезно согласился продемонстрировать нам, как проходят занятия в его учебном заведении, и одолжил одного из лучших своих преподавателей. Встречайте! – Герра сверилась с бумажкой и произнесла: – Профессор Сазейр!

Я догадалась, что означала хитрая ректорская усмешка, и взвыла:

– О нет! – прекрасно понимая, что уже не успею предотвратить трагедию, и проклиная ректора на чем свет стоит.

Сомневаюсь, что он сказал герре Эликсе, кого именно прислал вести шуточные занятия. Вероятнее всего, просто пообещал фурор и море эмоций.

Герра увлеченно хлопала в ладоши и улыбалась, не догадываясь, что сейчас произойдет, а рядом с преподавательской кафедрой под восторженные вопли ничего не подозревающих девчонок в облаках сизого дыма появился невозмутимый профессор-лич в парадной алой мантии. Герра Эликса оказалась к нему ближе всех и в обморок брякнулась первой.

Лич успел ее подхватить и теперь, придерживая за объемную талию, крутил головой из стороны в сторону, видимо, прикидывая, куда лучше положить ценную ношу. Горящие красным глаза светились, словно магические фонари. Воцарившаяся оглушающая тишина, которую прерывало только испуганно-пьяное икание Дрона, наконец разразилась истеричными воплями. Примерно в это же время за спиной лича началось магическое шоу. Вспыхнул разноцветными красками салют, по кабинету разлетелись лепестки роз, хризантемы и почему-то... клубника, которая падала с потолка девушкам на голову и растекалась печальными кляксами по шее, партам и прическам.

Какое-то время я не предпринимала никаких действий и отстраненно взирала на творящийся беспредел. На визжащих

одногоруппниц, на одногоруппников, пытающихся сохранить спокойствие и не выглядеть в дурацкой ситуации трусами, и на падающие переспевшие ягоды клубники.

Мерзкое знакомое хихиканье где-то под потолком развеяло сомнения – к бардаку приложил мохнатую лапку шушель. Я подняла голову, надеясь рассмотреть мерзавца, но вместо этого получила по физиономии ароматной крупной клубничинной. Не удержалась и слизнула сладкую массу. Клубника была самая настоящая, вкусная, и следующую ягоду я поймала в руку и снова уставилась на потолок. Я все еще не теряла надежды рассмотреть шушеля, но гаденыш талантливо прятался. На потолке и люстре его пока не было. Радоваться этому или нет, пока было не понятно.

Я привстала на месте, понимая, что это безобразие просто необходимо прекратить, но не знала, что делать, а паника вокруг набирала обороты. Похоже, падающая клубника пришлась по вкусу только мне. Причем и в прямом, и в переносном смысле. Мои одногоруппники, которые сидели на нижних рядах, с воплями ринулись в коридор, но не смогли вырваться. Кто-то завопил про заблокированные двери, хотя я еще с первого курса запомнила: двери в этой аудитории открываются не наружу, а вовнутрь. Бесполезно биться о толстую древесину хлипкими плечами клерков. Нужно всего лишь отступить и дернуть на себя. Но, похоже, страх стер воспоминания и убил здравый смысл. Я хотела крикнуть, но поняла, что бесполезно – в таком гвалте меня никто не услышит.

Като отчаянно вцепилась мне в руку и, зажмурившись, голосила, а прямо по партам, бросив свою благоверную, ко мне мчался Крис. Ну надо же! Стрессовая ситуация заставила его вспомнить былое и расставить приоритеты. Только вот мне его жертва была уже не нужна, скорее даже напрягала. Я прикидывала, как бы добраться до лича – источника, породившего панику.

Невозмутимый профессор наконец уложил герру Эликсу на первый ряд парт, откуда народ уже сбежал, и теперь с немим спокойствием наблюдал за нарастающей истерией. С потолка все так же продолжали падать цветочные лепестки, а на люстре появилась неясная пушистая тень – шушель, который снова принялся кидаться в визжащих девиц клубничкой. Видимо, тваренышу это доставляло

немалое удовольствие. Он повизгивал, хихикал и раскачивался на люстре.

Я поняла: если не сумею сбежать, то ситуацию под контроль взять не удастся, а это меня совершенно не устраивало. Поэтому вывернувшись из цепкой хватки парализованной страхом Като, отскочила от слишком рьяного Криса, который жаждал меня спасти, и напролом кинулась к профессору-личу. Нужно его отсюда увести и устроить выволочку Ариону фон Рассу – пусть идет и разбирается со всем. Сам заварил кашу, пусть сам и расхлебывает. И перед геррой Эликсой извиняется, благо ему не привыкать. Вон, в министерство с подарками ходит, как на работу.

– Как тут интересно, Мира! – поприветствовал меня лич и улыбнулся. У меня даже мурашки по спине пробежали. Хотя я думала, что уже привыкла к оскалу самого ценного преподавателя академии, но нет! Сейчас снова пробрало.

– Валить бы отсюда надо, – задумчиво пробормотала я, справившись с иррациональным страхом, и кивнула в сторону тумана, клубящегося за спиной профессора.

– Думаете? А мне пока тут нравится, – заметил лич. – Да и демоненка не стоит оставлять рядом с неподготовленными людьми.

– Рядом с неподготовленными людьми не стоит оставлять вас! – категорично заявила я и, схватив лича за рукав, потянула к магическому туману.

Лич от неожиданности пошатнулся и, чтобы не упасть, ухватил меня за талию. Я повела себя молодцом и даже не завизжала. Зато с ума сошел Крис.

– Мира! Я тебя спасу, любовь моя! – завопил он и по партам кинулся ко мне, но не добежал, так как его встретила разгневанная Рокси.

– «Любовь твоя», говоришь? – прошипела она и уложила благоверного классическим хуком справа, вызвавшим восхищенный вопль даже у знатного драчуна Дрона.

– Вы правы, – пробормотал лич. – Пожалуй, пора уходить. А что с геррой делать? – Он покосился на герру Эликсу в отключке и начал потихоньку отступать.

– А мы сейчас нашего ректора отправим сюда разбираться, – мстительно заявила я, прикидывая, каким изысканным способом буду

убивать своего работодателя. – Заодно твареныша пусть приструнит, а то разошелся!

Мерзко подхихикивая, шушель качался на люстре и кидался клубникой в суетливо бегающих людей, но на фоне колоритного лича смотрелся блекло и ажиотажа не вызывал. Его не воспринимали всерьез, и твареныш, привыкший к вниманию, злился сильнее. Стоило бежать, пока шушель не сообразил, кто виноват в сложившейся ситуации, и не вздумал напакостничать нам. Лич, видимо, подумал о том же. Он рванул меня за собой, и мы вместе рухнули в облако сизого тумана.

Из замаскированного портала вылетели, как и ожидалось, в апартаментах ректора. Сам Арион фон Расс выглядел преступно довольным. Развалившись, он сидел в кресле и попивал из широкого бокала коньяк. На нас он посмотрел снисходительно и с ленцой. У меня возникло стойкое желание вмазать ему по наглой самодовольной физиономии. Примерно так, как недавно Рокси приласкала Криса. Но усилием воли я сдержалась. А может, потому что просто пока переводила дух.

– Ну как все прошло? – невозмутимо поинтересовался он, сделал большой глоток коньяка, блаженно зажмурился и кинул в рот крупную виноградину с тарелки. Вид при этом он имел такой довольный, что я начала закипать, словно чайник, но прежде чем успела разразиться гневной тирадой, на вопрос ответил лич:

– Все по плану.

– По плану? – Я даже поперхнулась. – По плану? – переспросила я, отдышавшись, и перевела взгляд с ректора на примостившегося в соседнем кресле лича. И тот и другой имели на редкость довольный вид. Вот никогда бы не подумала, что научусь определять, насколько довольный или недовольный вид имеет мертвец.

– Ну и замечательно!

Ректор добавил себе в бокал еще янтарной жидкости, ухватил веточку винограда, поднялся с кресла и направился к клубящемуся portalу. Сбежать я ему не позволила, схватила за рукав и повисла на руке.

– Куда вы? – призвала к ответу я. – Объясните сначала, что происходит?

Арион фон Расс вздохнул, покосился на меня раздраженно и произнес:

– Может, потом? А то там шушель хулиганит, и ваши согруппники совсем беззащитны перед его шалостями...

– И дама в обмороке, – добавил лич.

– Вот обморок мы не планировали! – покачал головой фон Расс, но раскаяния я на его самодовольной физиономии не заметила.

– А что вы планировали?

– Небольшое показательное выступление, которое завершу я, – с готовностью отозвался ректор и посмотрел на меня с ухмылкой. Я вздрогнула от обжигающего взгляда и шарахнулась в сторону. Арион фон Расс сделал вид, будто не заметил, и продолжил: – Сейчас вернусь, объявлю все, что было до моего появления, талантливой иллюзией и в довершение устройю магический салют из специального порошка. Вы же хотите узнать, кто вас проклял, так ведь, Мира?

Я на автомате кивнула, хотя не понимала, о чем он вообще ведет речь.

– Вот и хорошо. – Ректор улыбнулся. – Порошок разлетится по аудитории, и тот, кто кого-то проклял, будет... – Ректор замаялся. – В инструкции сказано: «будет светиться»...

– Что?

– Ну... если они кого бы то ни было в своей жизни проклинали, то будут светиться. Только я не могу сказать, полностью или какая-то определенная часть тела, а может быть, то место, на которое попал порошок. Но в любом случае мы сможем узнать, кто виновен. Все просто.

– А зачем балаган с личем, шушелем и клубникой? – Я окончательно убедилась в ненормальности своего начальника. Его план мне казался, мягко сказать, вычурным. – Явились бы сразу и устроили свой фейерверк. В чем проблема?

– Видите ли... – Ректор даже немного растерялся. – Можно, конечно, было все упростить, но согласитесь, что так веселее. Вышло забавно!

– Да уж куда забавнее! – фыркнула я, а Арион фон Расс еще раз улыбнулся, послал мне воздушный поцелуй и исчез в клубящемся тумане.

Глава 15. Кто без греха, пусть первый бросит камень

Ректор не обманул. Его чудесный порошок сработал. На обеде светились почти все присутствующие. И это повергло меня в уныние. Я замерла у входа в столовую и печально вздохнула. Я привыкла к неудачам, и проклятие сработало даже сейчас. Причем особо изощренным образом. Стоящий рядом Арион фон Расс задумчиво рассматривал моих одноклассников, которые сгруппировались за центральным столом и мрачно пили что-то мутное из большой бутылки, притащенной Дроном. Лица у всех были грустные и помятые. Видимо, представление лича и ректора произвело на всех неизгладимое впечатление.

Порошок, который ректор распылил в аудитории, чтобы выловить того, кто меня проклял, сработал. Он указывал на человека, злоупотребившего проклятием, образуя над головой что-то типа нимба. Только вот имелся этот нимб и у моего бывшего, и у Рокси, и у Като, и у Дрона, у обеих близняшек, и, естественно, у Тима, который отличался мрачным характером. Без нимба из моих близких друзей остался только Михаэль, и, похоже, его этот факт печалил. Он несколько раз пытался ухватить нимб Криса, но Крис дергал плечом и раздраженно бухтел.

«Как дети», – подумала я и поинтересовалась у ректора:

– И что дальше? Картина впечатляющая, я бы сказала...

– Вот в каком же ты все-таки гадючнике училась! – в сердцах сказанул герр Расс и поморщился, с тоской разглядывая светящихся подозреваемых.

Я смотрела на знакомые лица и мысленно соглашалась с его утверждением. Серпентарий. Иначе не выживешь и не устроишься в жизни. Может быть, именно отсутствие необходимой доли сволочизма, а не проклятие виновато в моих неудачах? Единственное, чего хотелось, – это сбежать как можно дальше, завернуться в одеяльце в уютной норке и провести там остаток дней. И наплевать на мысли о мести и избавлении от проклятия. Если бы без него я стала такой же, как они... то, может быть, все же лучше с ним?

– Вот, Мира, как ты с этим тираном работаешь? – всплакнула Като, обвинительно ткнув пальцем в ректора. Подружке сильнее всего досталось от шушеля. Мне шепнули по секрету, что она волосы расчесывала почти час. Некоторые пряди пришлось состричь. Вид сейчас она имела примерно такой же, как и три года назад – потерянный и забитый.

Мне стало ее жаль. Внезапно показалось, что она, как и я, пытается казаться лучше, чем есть на самом деле.

– Работает! – раздраженно фыркнула Рокси. – Ты бы лучше спросила, как она с ним спит! Точно тиран!

Впрочем, в ее вызывающем взгляде промелькнул такой откровенный интерес, что ректор хмыкнул, а я захотела придушить мерзавку голыми руками. Видимо, ей было мало выйти замуж за Крису, теперь гадина положила глаз и на моего фиктивного жениха. И это невероятно бесило.

Мой бывший молчал и на свою жену не смотрел. Только накатывал стопку за стопкой и укоризненно поглядывал в мою сторону. Еще бы! Он часом ранее устроил истерику, пытаясь всех объединить для того, чтобы вытащить меня из лап грозного чудовища (лича). Воинственный настрой не пропал, даже когда в клубах дыма появился Арион фон Расс и объявил все случившееся ранее иллюзией.

Спектакль, правда, подпортил шушель, который мерзко хихикал, качаясь на люстре, кидаясь клубникой в Като, а потом драл ее прическу. Твареныш был совершенно реальным, и это все видели, а приказам ректора он не подчинялся – продолжал самозабвенно пакостничать в свое удовольствие. Крис даже в драку полез. В итоге его увела охрана, но он не сдался и продолжал рваться мне на выручку.

Вряд ли я забуду выражение лица бывшего, когда позже он застал меня в холле под ручку с личем – мы как раз обсуждали программу некромантии для третьего курса. Мне реально стало его жалко. Крис взглянул на меня, как на врага, и сбежал, а мы дождались ректора и отправились в столовую. Правда, лич все же сжалился над смертными и решил отбыть в академию, чтобы, не дай боги, не вызвать ни у кого инфаркт. Мы же с ректором остались лицезреть светящиеся нимбы и гадать, кто из этих добрых людей проклял меня.

Сегодня вечером нас ждал самый настоящий бал, а в подозреваемых по-прежнему оставались все те же люди, и как сузить

их круг, я не знала. Судя по задумчивому выражению лица, ректор – тоже. Он был мрачен и постоянно морщил лоб – думал, наверное.

– А как вы им объяснили красоту над головой? – тихо поинтересовалась я.

– Да... – Ректор пожал плечами. – Никак. Сказал: «Ой, побочный эффект». Почему-то все поверили.

– Да вы оригинал, однако! – Я фыркнула и почувствовала, как улучшается настроение.

Ректор улыбнулся, помолчал и спустя некоторое время предложил:

– Раз уж мы все равно ничего не выяснили и я пока не придумал, как из всех возможных вариантов... – он кивнул в сторону моих печальных одноклассников, – выбрать единственно верный, предлагаю прогуляться по городу и заодно где-нибудь пообедать. Конечно, ты можешь присоединиться к своим друзьям, если их компания тебе предпочтительнее.

– Нет-нет. – Я замахала руками и поморщилась. – Пожалуй, предпочту ваше общество. У вас голова не сияет, как магический светильник.

– Разумное решение! – согласился ректор и предложил мне руку. Я приняла не колеблясь, а спину прожег чей-то взгляд. Похоже, Крис. Вот что человеку нейдет? Ведь сам же предпочел Рокси, зачем сейчас все это? Я не понимала, да и не стремилась объяснить даже самой себе его поведение. Инстинкт собственника спустя три года смотрелся крайне странно.

– А разве нас отсюда выпустят? – спросила я скорее для того, чтобы себя отвлечь, нежели чтобы услышать ответ.

– Конечно, выпустят. Вы приехали развлекаться. Никто не собирается держать выпускников в клетке.

– А они знают? – Я бросила осторожный взгляд в столовую. Мои одноклассники сидели сгрудившись и вид имели потерянный. Даже жаль их стало. Правда, я не знала, кого жалеть, а кто недостоин моих добрых чувств.

– А нужно? – хмыкнул ректор и потащил меня по коридору.

Зной, который стоял уже почти неделю, спал, и сегодня была замечательная погода. Только жар от раскалившейся за день мостовой немного напрягал, зато с реки дул прохладный ветерок, который

трепал волосы и подол платья. Арион фон Расс привел меня в небольшой ресторанчик, расположенный прямо на высокой набережной. Белоснежный заборчик огораживал открытую террасу со столиками. И отсюда открывался вид на спокойную воду и небольшие лодочки, курсирующие туда-сюда вдоль самой длинной и людной улицы города.

– Столько раз была в столице, но ни разу не каталась, – задумчиво произнесла я, с завистью рассматривая белоснежные паруса.

Признаться честно, ожидала, что Арион фон Расс, как любой мужчина, стремящийся произвести впечатление на женщину, предложит прокатиться, но ответил он совсем иное, чем в очередной раз обескуражил:

– И не стоит.

– Почему? – слегка обиженно вырвалось у меня. Белый парус удалялся, словно намекая, что мне ничего не светит.

– Потому что с твоим проклятием ты и себя угробишь, и еще с десяток неповинных людей. Ходи уж лучше по земле. С тобой и так случается предостаточно разных странных происшествий.

«Неприятно, но вполне резонно», – решила я и сделала глоток белого вина. Вообще, начинать пить в обед, наверное, неправильно, но почему-то, когда Арион заказал мне вино, отказаться я не смогла. Он умел быть настойчивым. Точнее, некоторые его предложения и просьбы воспринимались как должное. Не возникало ни малейшего желания спорить.

– Теперь, похоже, мне придется забыть о многом, – мрачно подвела итог я, чувствуя себя несчастной. Именно сейчас жизнь без прогулки на кораблике почему-то казалась мрачной и неполноценной. Разум твердил обратное, но душа хандрила. – Сегодня вечером прием, а завтра после обеда – домой. Уже ничего не изменится. Мы так и не найдем того, кто наложил проклятие.

– Найдем, – уверенно заявил ректор и сжал мою руку. Я от неожиданности вздрогнула и опустила взгляд на наши переплетенные пальцы, но так и не решилась убрать ладонь. Она смотрелась удивительно маленькой на фоне мощной руки ректора. Но, как ни странно, меня это не раздражало. Наоборот, стало спокойнее. Я верила ему и поэтому поинтересовалась:

– Как? Не к стенке же их ставить!

– Не останется других вариантов, обязательно поставим! – Ректор нахмурился и, заметив мой удивленный взгляд, добавил чуть мягче: – У меня есть одна идея. Запасной план, так сказать. Я не хотел прибегать к нему без необходимости...

– И какой же план? – насторожилась я.

– Пойду мириться с будущим зятем. – Ректор печально вздохнул и глубокомысленно посмотрел вдаль, не отпуская мою руку, а я боялась даже пошевелиться и разрушить момент.

– Польщена, – заметила я и улыбнулась, чувствуя, как накатывает приятное тепло. Относиться к ректору исключительно как к работодателю было все сложнее. Слишком много он делал для того, чтобы разрушить этот барьер.

– Ну что, Мира? – поинтересовался он. – В обратный путь?

Я кивнула и крепче взяла его за руку. Это оказалось удивительно легко и приятно. Мне действительно нравился ректор с его грубыми шутками, совершенно неджентльменским поведением и непередаваемой способностью брать под контроль все мои проблемы. Даже те, которых не существует, но это так, незначительный побочный эффект.

Обратно в университет я шла в приподнятом настроении, так как теперь точно знала, для кого именно буду наряжаться сегодня и кого конкретно хочу покорить. Держитесь, Арион фон Расс. Я ни разу до сегодняшнего вечера не выходила на охоту, но что-то мне подсказывает: она будет удачной.

Словно чувствуя, что мне нужно немного личного пространства, Арион проводил меня до апартаментов и, отговорившись важными делами, исчез, а я осталась одна. С горящими щеками, сумбуром в голове и волнующей решимостью сегодня быть самой красивой, по крайней мере, для одного конкретного ректора.

Я распахнула шкаф с новыми непривычными нарядами и решительно отодвинула в сторону темно-синее скромное платье, в котором планировала идти сегодня на бал. Оно было дорогим, красивым и элегантным, но вместе с тем убийственно скучным. Сейчас же хотелось чего-то более интересного, провокационного и яркого.

Задумчиво перебирая платья, я даже не обратила внимания на то, что на подоконнике нет Васику. Заметила, только когда хлопнула

форточка, раздалось непонятное чириканье, и в открывшемся оконном проеме показалась толстая шушелячья попа. Твареныш упорно пытался впихнуться в комнату задом, при том что передними лапами он цеплялся за горшок с Васиком. Шушель смешно дергал лапками, тряс хвостом и потихоньку сваливался на подоконник. Коготки скользили по стеклу, и твареныш плохо контролировал ситуацию.

Приземлиться аккуратно у него бы ни за что не вышло, так как передние лапы были заняты. Я понимала, что, скорее всего, он рано или поздно грохнется, рассыпет у Васика всю землю из горшка, обдерет шторы, поэтому выругалась, подскочила к подоконнику и схватила тварь за лохматый зад.

Шушель никак не ожидал такого подвоха и поэтому истерично заверещал и заработал лапами с удвоенной силой, но сделать ничего не смог и Васика из крепких объятий не выпустил.

– Тихо ты! – шикнула на него я и потянула на себя. Шушель оказался удивительно тяжелым для своего небольшого роста и очень вонючим – от него несло смесью несвежей еды, птичьего помета и протухших носков. Вряд ли он когда-либо мылся. Я решила, что если эта тварь так и будет жить в академии, то, наверное, стоит организовать ему мытье. Интересно, ректор меня поддержит? Про реакцию самого шушеля я старалась не думать.

Шушель наконец плюхнулся на подоконник, шустро развернулся, прижимая к себе Васика, и уставился на меня круглыми от страха глазами.

– Что тарацишься? – недовольно поинтересовалась я, стараясь держать руки так, чтобы не прикоснуться к себе. Казалось, от них теперь за километр воняет шушелем. Сама от себя не ожидала, что приду пакостному поганцу на помощь. – Мне руки теперь мыть придется! – заявила ему. – Ты грязный, как... как... – Я задумалась, подбирая определение, и в конце концов буркнула: – Как шушель! Что не моешься-то?

Естественно, в ответ я ничего не услышала и, махнув на странную парочку рукой, отправилась в ванную, а когда вернулась, Васик с аккуратно протертыми листочками и разрыхленной земелькой стоял на подоконнике и тихонечко вибрировал от удовольствия, а на его толстом стебле красовался светло-бежевый бант. Приглядевшись

внимательнее, я заметила, что сделан бант из капронового дамского чулка.

Я хмыкнула, покачала головой и подумала, что кто-то, наверное, не досчитался. Но вот желания идти и искать хозяйку пропажи не было. К тому же на чулке имелись две весьма крупные затяжки – все равно выкидывать.

Когда я уходила мыть руки, банта не было. Значит ли это, что шушель таким образом говорил мне «спасибо» за вытаскивание из плена форточки своей лохматой шушелячьей задницы или это подарок исключительно для Васи́ка? Так цветочек к бантам равнодушен. К тому же в таком месте, где подарок даже слопать нельзя.

До начала приема оставалось все меньше и меньше времени, а я еще даже не определилась с нарядом. Перебрав платья, после долгого раздумья я выбрала то, которое, казалось, никогда не надену. Оно было скромным, но провокационным. Под тонким серебристо-серым чехлом, усыпанным мелкими, похожими на слезы камушками, было узкое, обтягивающее платье из бледно-бежевой тянущейся ткани. Доходило платье до середины бедра, и издалека его практически не было заметно. На первый взгляд казалось, что под серебристой паутинкой, спускающейся мягкими волнами до пола, ничего нет. Когда я натягивала этот наряд, у меня дрожали руки. Увидев свое отражение в зеркале, я едва не стащила с себя платье, но потом выдохнула, прошла по комнате и поняла, что оно идеально. Простого силуэта, облегающее и обрисовывающее каждый изгиб тела. В таком точно не останешься незаметной, но в то же время оно не вызывающе-яркое, не кричащее и не забивающее мою нежную внешность.

Я ждала Ариона фон Расса, не находя себе места от волнения и чувствуя в тщательно уложенных локонах искорки – видимо, моя невезучесть очень хотела вырваться наружу, но магия ее сдерживала. Вот я и походила на маленькую шаровую молнию. У меня даже волосы на затылке забавно шевелились. Главное, не покалечить ректора.

По моим ощущениям, средство Ариона фон Расса оказалось очень эффективным или здесь мое проклятие действовало менее выражено. Я ни разу серьезно не опозорилась. Интересно, связано ли это с тем, что тот, кто меня проклинал, гуляет где-то поблизости? Этот вопрос занимал меня всерьез, но, к сожалению, я не могла дать на него вменяемый ответ. Подозреваю, что и ректор – тоже.

Шушель больше не появлялся, и я последние пятнадцать минут до выхода стояла у подоконника, на котором расположился цветочный горшок с Васиком, и смотрела на оживленную улицу за окном. Цветочек что-то тихонечко мурлыкал, а я по привычке поглаживала его лепесточки. Было немного жаль, что встреча выпускников заканчивается. Все же, несмотря ни на что, я получила удовольствие от общения со старыми знакомыми, хоть и не нашла того, кто меня проклял, а поэтому подозревала всех, и это отравляло мой отдых. Радовало то, что Арион не сдался. Похоже, он был настроен довести дело до конца и во что бы то ни стало отыскать моего обидчика.

До этого момента так самоотверженно обо мне заботился только папа. Ну до тех пор, пока я не сбежала и не перестала просить о помощи. В этом я не чувствовала своей вины. Любые папины помощь и защита, так или иначе, приводили меня к очередной тщательно спланированной свадьбе. Приходилось расстраивать родителя, который надеялся, что сейчас-то точно все сложится, жениха и нередко гостей, которые уже были приглашены.

Я усмехнулась, подумав о том, что было бы интересно познакомиться Ариона фон Расса и папу. Родитель не очень любил таких мужчин – они заставляли его сомневаться в собственной мужественности, но ректор являлся неплохой партией. Я бы понаблюдала, что победит в папочкиной душе: желание выдать дочь замуж или личные симпатии.

Развивать мысль дальше мне не дал виновник моих дум. Арион фон Расс явился даже чуть раньше, чем нужно. Он уже был полностью готов. Белоснежная рубашка, смокинг и золотые запонки – красавец мужчина. Я уверена, лучший на сегодняшнем вечере. Мне даже других видеть было не нужно, я и так знала.

– Отлично выглядишь... – с некоторой заминкой отозвался он, не отрывая от меня восторженного взгляда. – Никогда раньше не видел тебя такой...

– Когда-то я всегда была такая, – с легкой усмешкой ответила я, вспомнив, что впервые за долгое время позволила себе более яркий макияж. Тщательно подкрашенные ресницы и стрелки делали глаза просто огромными.

– Мне кажется, стоит вернуться к тем временам.

Ректор взял себя в руки, уверенно улыбнулся, заставив меня задержать дыхание, и предложил локоть.

– Я подумываю об этом.

Я приняла его руку и пообещала себе блистать на приеме. Главное, чтобы мое проклятие не проснулось в самый неподходящий момент. Пока все складывалось наилучшим образом. Правда, я бы предпочла, чтобы ректор выбрал другой парфюм. Этот заставлял меня терять голову.

Глава 16. Бал для неудачницы

Като я услышала задолго до того, как мы нагнали ее и Рокси на первом этаже по дороге в бальный зал.

– Да что за день-то такой?! – возмущалась она, постоянно теребя длинные рыжие пряди волос. – Как этого мерзавца только земля-то носит?!

Като семенила на высоких, явно неудобных шпильках. Над головой у нее все так же светился нимб, который напоминал, что проклясть меня могла и она. Сегодня Като оделась в изумрудное платье, слишком сильно перетягивающее талию. Было видно, как ей неудобно. Я никогда не могла понять, зачем над собой издеваться подобным образом? Наградила тебя природа пышными формами, так гордись, надевай платья, которые подходят. Соблазняй всех крутыми бедрами, а не пытайся загнать себя в канонический размер, все равно не выходит.

– Он на люстре болтался, при чем тут земля? – флегматично выдала Рокси, которая, в отличие от Като, шла уверенно, казалось, не замечая высоких каблуков. Ярко-алое платье разлеталось при каждом шаге, словно диковинный цветок. Выглядела она сногшибательно. Впрочем, как и всегда.

Я дернула ректора за рукав, показывая, что стоит немного сбавить шаг. Похоже, девушек снова навестил шушель. А так как он был, можно сказать, нашим академическим питомцем, стало интересно послушать, что он еще натворил.

– Вот скажи, зачем он мне банку меда вылил на голову? – причитала Като. В ее голосе послышались истеричные нотки.

– Ну... – Рокси пожала обнаженными плечами. – Мед очень полезен для волос. Что ты возмущаешься? В салонах за эту процедуру берут уйму денег.

– Ага, а перья?

– Перья придают дополнительный объем.

– Да ну тебя! – Като надумала обидеться в лучших традициях прошлых лет. Ее обидчивость в свое время была легендой.

– Да ладно тебе! – отмахнулась Рокси, которая и раньше не особо обращала внимание на обиды Като. – Все же нормально разрешилось, и голову ты отмыла.

– И чулок потерялся... – продолжала причитать Като. – Он был классный... дорогой...

– Вот знаешь, если еще из-за такой мелочи будешь переживать, то очень скоро поседешь, а ты еще замуж не вышла!

– Чулки – это не мелочи! – чопорно заявила Като, проигнорировав шпильку про замужество, и замолчала, заметив вынырнувшую из-за угла компанию парней. Они в практически одинаковых черных смокингах и белых рубашках напомнили мне не совсем трезвых пингвинов. Я даже не сдержалась, хихикнула и заработала удивленный взгляд ректора.

– Девушки! Вам так идут эти короны! – усмехнулся Дрон, по привычке подперев мощным плечом косяк и перегородив путь. Он взмахнул рукой, показывая на слегка мерцающие нимбы. Рокси и Като замерли, а мы подошли ближе. У входа в зал образовалась небольшая пробка из знакомых персон. У меня создалось впечатление, что не все здесь трезвы. Крис заметно пошатывался.

– Чего не скажешь о тебе, Дрончик! – змеюкой зашипела Рокси, сделала шаг вперед, тесня одноклассника, и демонстративно отвернулась от Криса, который смотрел в ее направлении. Рокси не сразу заметила, что у нее за спиной стою я.

Она резко развернулась и, прищурившись, взглянула на меня. Я сильнее вцепилась в рукав ректора, словно в поисках защиты, демонстрируя, что у меня есть свой мужик и чужого мне не нужно. Черноволосую я боялась. Рокси обладала крутым нравом и вполне могла устроить потасовку или организовать какую-нибудь гадость. Неприятно, что и на лице Като мелькнуло странное выражение. Злость или давно забытая зависть? Мне сейчас редко завидовали.

Зато Крис в мою сторону смотрел с пугающим обожанием, казалось, он вообще не замечал, что я пришла не одна. Стало неприятно, и я утащила ректора вперед всей толпы в украшенный зал, где уже собрались некоторые гости. Накрытые столы манили, обед на набережной, казалось, был очень давно.

Герра Эликса отошла от потрясения и снова сияла улыбкой на сцене. Она рассказывала о том, как рада всех нас видеть, о том, что

непрерывно ждет своих выпускников в гости. Может быть, в следующем году или через год. А я смотрела по сторонам, скользила взглядом по знакомым лицам и понимала: они все стали слишком чужими. Вряд ли я еще раз приеду на встречу выпускников. Разве что лет через десять, не раньше. Эти три дня были странными. Мое настроение скакало от «как я рада вас всех видеть» до «нас уже ничего не связывает», и это напрягало. Сейчас я хотела поскорее сбежать от прошлого.

Почему-то казалось, что так думаю не только я. Като тоже выглядела весьма печально. Дорогое платье было маловато. Она пыталась замаскировать свою полноту, но сделала только хуже, привлекая внимание к округлым плечам и некрасивым валикам на спине, которые не мог убрать ни один корсет. Да, она сбросила вес, но не зря народная мудрость гласит: «Не получится лань из толстой коровы». Като всегда хотела быть ланью, но все ее ухищрения делали только хуже. Раньше она смотрелась просто жалко, а сейчас еще и вульгарно.

Рокси блистала, но не была счастлива. Они с Крисом увлеченно спорили о чем-то в дальнем углу. Подруга слишком эмоционально взмахивала руками, а потом, психанув, вообще ушла. Бесцеремонно отодвинула одну из изрядно пьяных близняшек и повисла у Дрона на руке, пытаясь сделать вид, будто вообще не знает своего мужа. Крис, судя по выражению лица, не расстроился. А ведь всего три года назад из-за Рокси разорвал нашу помолвку. Их чувства были действительно сильны. «Такая страсть!» – рассказывала мне Като, с которой мы в первые полгода после выпуска иногда пересекались в кафе.

Михаэль весьма откровенно обнимался с незнакомой мне девушкой в центре зала. Кажется, она была организатором бала, но точно я сказать не могла.

Тим презрительно поглядывал на всех от дальней стены. Он держался особняком, чураясь бывших одноклассников, словно прокаженных. Они его тоже сторонились. Больше по привычке.

А Крис пристально смотрел на меня. Создавалось впечатление, что он караулит, выжидает чего-то. Возможно, стережет, когда я останусь одна.

Но ректор, видимо, это тоже заметил и не отходил от меня ни на шаг. Постепенно его рука переместилась с моего плеча ниже и замерла

у меня на талии, и я успокоилась, постаравшись получать удовольствие от происходящего вокруг.

Сначала это было несложно.

Поболтала с девчонками, рассыпаясь в обещаниях писать, получила такие же и с грустью отметила, что ни они, ни я не сдержим своих слов. Так часто бывает. Пошутила с парнями и даже подарила один танец Крису, как он сказал, «по старой памяти». Основной ошибкой этого вечера стало то, что я слишком расслабилась. Сложно сказать, что было тому виной. То ли общая атмосфера веселья и музыка, то ли свою роль сыграли два бокала вина, но я, сама того не желая, внезапно оказалась в объятиях своего бывшего, а ректора похозяйски захватила Рокси, и это мне совершенно не нравилось.

Ариону фон Рассу было проще, чем мне. У него получалось держать на расстоянии тесно льнущую к нему девицу, и со стороны это смотрелось даже более или менее пристойно, хотя Рокси совсем обнаглела. Пару раз закинула стройную ножку моему фиктивному жениху на бедро, а один раз слишком откровенно провела рукой по его шее. Я постепенно закипала, потому что знала: она мелочно мстит, причем одновременно и мне, и Крису. Не знаю, какие чувства испытывал бывший при взгляде на откровенно флиртующую жену, но мне ее хотелось придушить.

– Рокси – роковая женщина, – тихо и жарко прошептал мне на ухо Крис. – Спорим, он не устоит перед ее чарами? Она привыкла добиваться того, кого хочет.

– Не равняй всех по себе! – парировала я и чуть дернулась назад, пытаюсь отвоевать пространство в жарких объятиях. Было тесно и неловко.

– Я не равняю. Просто есть женщины... – Он замолчал, подбирая слова, и продолжил медленнее, осторожнее: – Мимо которых пройти не получается. Они – паучихи, но пока не вляпаешься в паутину, не поймешь, что они собой представляют. Рокси такая. Она – страсть сиюминутная, но сильная. Думаешь, твой ректор устоит? Нет. К тому же... – Крис усмехнулся, и мне захотелось вlepить ему пощечину. – Он – солидный мужчина... ему не может не льстить внимание такой женщины, как Рокси, у него все меньше времени для побед. Возраст не тот. Он поведется на нее. Смирись, Мира.

– Давно ли ты стал таким жалким, Крис? – с горечью поинтересовалась я. – Три года назад ты ушел от меня. Сам. Что же сейчас пытаешься доказать? Неужели думаешь, будто твои слова имеют для меня какое-то значение? К чему все это?

– К тому, что я изменился. Рокси – это грабли, на которые я уже наступал. И больше не поведусь. А он – еще нет.

Логика Криса убивала наповал.

– Вижу, что изменился! – Я презрительно фыркнула. – Только вот не в лучшую сторону. Увы. Мне неинтересно, устал ты от своей жены или нет и какие у тебя планы на будущее.

– Я понял, что представляет собой Рокси, и разобрался в своих чувствах. – Крис не сдавался, сжимал меня в объятиях сильнее, шептал жарче. – Мне нужна ты.

– Слишком часто ты меняешь свои вкусы, Крис. – Я попыталась отстраниться и едва сдержалась, чтобы не врезать своему бывшему с размаха каблуком по ноге. – А я никогда не любила ветреных мужчин. Прости. Думаю, тебе стоит помириться с Рокси, вы идеальная пара.

Музыка закончилась, я выскользнула из удушающих объятий и метнулась к ректору, который тут же поймал меня в плен своих рук. Только там, слыша биение его сердца, я почувствовала себя в безопасности. Больше не хотелось отступать от него ни на шаг.

– Все хорошо? – тихо шепнул Арион мне в волосы.

– Не знаю, – правдиво ответила я и потерлась щекой о его грудь. – Крис говорил гадости. Он отлично умеет это делать.

– Думаю, они с женой стоят друг друга, – хмыкнул Арион и, обняв меня за плечи, вывел на террасу подальше от шума, музыки и прошлого.

Я полной грудью вдохнула свежий воздух, закрыла глаза и подставила лицо ветру, который пах прогретым за день асфальтом и цветочной пылью – непередаваемый запах лета. Я всегда скучала по нему зимой и сейчас не могла надышаться.

– А Рокси ведь действительно очень красивая и яркая, и... – начала я, потому что это мне не давало покоя, въедалось в сердце червячком и отравляло вечер, который только начал приносить удовольствие.

– И невозможная.

Я не видела усмешку на его губах, но знала, она там есть. И от нее теплело на душе.

– Не люблю женщин, которые настойчивее, чем я сам. В чем интерес? Она выбрала меня, чтобы отомстить тебе и своему мужу, и ждет, что я с восторгом подыграю лишь потому, что она красива? Но, Мира... вокруг сотни красивых женщин. Мужчина, который идет на поводу у любой, по какой-то причине возжелавшей обратить на него внимание, просто жалок. Или ты считаешь иначе?

– Я... – Я обернулась и открыла глаза, обнаружив, что ректор оказался очень уж близко, но сейчас это не пугало, а завораживало. – Не знаю, как я считаю. В моей жизни было не так много мужчин... по правде говоря. – Я смутилась. – Один. И он пошел за такой яркой и красивой...

– Ты удивительно красива, Мира, не принижай себя. И даже не пытайся сравнить с Рокси. А пошел он, как молодой теленок на поводке, за тем, кто его повел, потому что был слишком слаб и не смог сделать правильный выбор.

– А вы – уже матерый бык? – не удержалась и хмыкнула я.

– Именно. – Ректор улыбнулся в ответ, поддерживая выбранный мной шуточный тон разговора. – Мне не нравится, когда меня водят на поводке. Я сам выбираю, с кем быть. Точнее, до недавнего времени я думал, что предпочитаю быть один и в моей жизни достаточно единственной женщины – дочери. Поверь, когда она рядом, то по уровню разрушений превосходит даже тебя.

– А что же изменилось?

– Не знаю... – Он пожал плечами. – Мне в объятия упала невероятно милая и неуклюжая помощница, которая при всей своей ангельской внешности характером напоминает настоящую колючку. Или... – Он облизнул губы и приблизился ко мне, а я замерла, задержав дыхание. Сердце билось сильно-сильно, и кружилась голова от предвкушения. – Льдинку. Маленькую льдинку с острыми краями... – тихо закончил он, а я почувствовала тепло на губах.

– Так растопите, – шепнула я едва слышно и подалась вперед, обхватив руками его шею. Только сейчас я поняла, как долго ждала этого поцелуя, как хотела потерять голову от умелых губ и как сильно жаждала прильнуть к мощному тренированному телу. Сердце ускоряло бег в унисон со сбивающимся дыханием Ариона. Я пыталась стать

ближе и с наслаждением чувствовала, как сжимаются объятия. Мне впервые было наплевать на самостоятельность, и я даже не вспоминала про проклятие, просто наслаждалась моментом.

– Ты заставляешь меня терять разум, – признался он, отстраняясь. – Нельзя быть настолько соблазнительной и желанной. Мне хочется утащить тебя отсюда прямо сейчас.

– Нельзя. – Я с сожалением усмехнулась. – Герра Эликса обещала сюрприз. А потом... вам не кажется, что давненько не появлялся наш с вами знакомый шушель? Кто-то должен спасти гостей? – Я кивнула в сторону распахнутых дверей, из-за которых лилась музыка и слышался смех. Многие мои одноклассники были навеселе.

– Тогда я просто обязан выпить, – заметил ректор и печально вздохнул.

– Я тоже не откажусь. Захватите чего-нибудь остужающего. Хорошо? – попросила я, отклонилась спиной на перила и, не удержавшись, облизнула губы.

– Мир-ра... – прорычал ректор и кинулся вперед, впиваясь мне в губы очередным поцелуем, на сей раз – жадным и немного грубым. – Ты сейчас слишком рискуешь, – простонал он, на секунду прерываясь.

– Не думаю. – Я немного отстранилась. – Вы достойный мужчина и не позволяйте себе покуситься на мою честь прямо здесь, на балконе. Это в высшей степени неприлично.

– Ты даже не представляешь, как сильно я хочу быть неприличным. И не только прямо здесь, на балконе. Мне сейчас даже наплевать на имидж ректора магической академии.

– Тогда все действительно сложно. – Я поцокала языком. – Думаю, вам просто необходимо проветриться и принести нам выпить. Смотрите, не попадитесь в цепкие лапки Рокси.

– Не переживай, – успокоил он меня. – Я ее даже не замечу. Перед глазами – только ты.

Я тихо засмеялась и повернулась к ректору спиной. Внизу, под балконом, расстилался засыпающий город. На окраинах уже погасли магические фонари, а в центре еще кипела жизнь. Тут и там вспыхивали фейерверки – частое зрелище в вечерней столице, на набережной пели фонтаны, а прямо под окнами университета прогуливались влюбленные парочки. Наконец-то я чувствовала себя безмятежной и счастливой.

Я услышала за спиной шаги, но не придавала им значения. Думала, вернулся ректор, обернулась со счастливой улыбкой и уткнулась в злой и пьяный взгляд Криса. Мой бывший успел подойти слишком близко, облокотился на поручень, а я оказалась зажата, как в капкане: впереди – он, а сзади невысокое, достигающее до поясницы ограждение. По спине пробежал страх, оставляя между лопатками ледяную дорожку.

– Он ведь старше тебя лет на десять! – зашипел бывший, прижимаясь ближе и не обращая внимания на мои руки, упирающиеся ему в грудь. В голосе Криса сквозила обида.

– Почти на пятнадцать, – поправила я и попыталась оттолкнуть нахала. – И что? Отпусти, а то я закричу!

– А ты попробуй! – зарычал он и впился в губы жестким поцелуем, придавив меня к парапету, рука скользнула по талии и сжала ягодицы. Я всхлипнула, забилась в сильных руках и со всего размаху припечатала острым каблуком его по ноге. Крис отшатнулся, в глазах вновь мелькнула напугавшая меня злость. Я попыталась сбежать, но бывший поймал меня снова, вцепившись в предплечья стальной хваткой.

Глупая ситуация – я находилась в нескольких метрах от людей, но в то же время не могла ничего сделать и чувствовала себя беззащитной. Я уже открыла рот, намереваясь заорать. Плевать на то, что окажусь в центре нежелательного скандала. Но тут Криса отшвырнула от меня невидимая сила. Он проехался задом по плиточному полу. Я с облегчением выдохнула и заметила в дверях ректора.

Стало неловко и страшно: вдруг он посчитает меня виноватой, и этот гнев направлен не на моего бывшего? Но Арион фон Расс, отшвырнув в сторону бокалы с напитками, надвигался именно на Криса, которого волной заклинания отбросило к парапету. На кончиках пальцев ректора сверкали искорки.

Мой бывший, видимо, сообразил, что дело плохо и безнаказанно качать права и дальше не выйдет. Вскочил, пьяненько заметался и попытался проскочить мимо ректора обратно в людный зал, справедливо полагая, что там ему достанется меньше. Но Арион фон Расс был начеку и успел как следует вмазать Крису по лицу. Я уже собиралась кинуться вперед, чтобы предотвратить кровопролитие – не

хватало еще, чтобы мерзавец серьезно пострадал и потом предъявил претензии, – но Арион, несмотря на вспыльчивость, видимо, умел держать себя в руках. И позволил уйти Крису, который напоследок все же выкрикнул гадость:

– Ты пожалеешь, что связался с этой фригидной дрянью!

У меня похолодело внутри, когда я увидела взгляд Ариона. Он сделал всего одно движение, и я на секунду подумала, что Крису конец. Но, как оказалось, ректор не собирался увечить моего бывшего. Он пошел другим путем, и в зал Крис влетел без штанов.

Я едва удержалась от смеха. Пожалуй, разлетевшиеся в мелкие ключья брюки бывшего утешили меня больше, чем его разбитая физиономия. Крис унизил меня, напугал, и поэтому именно ответное унижение было лучшей мстью.

Для гостей, находящихся в зале, шатающийся Крис с разбитой физиономией в одних экстравагантных трусах стал ярким завершением пьяного вечера.

– Вот же шушель... – простонал ректор, который кинулся ко мне, поэтому не сразу заметил, что трусы у Криса атласные, белые, в алые сердечки. Прямо скажем, крайне провокационные.

– Он любит эпатажное нижнее белье. – Я пожала плечами, по своему растолковав возглас ректора. Я совсем не хотела сейчас говорить о случившемся. Так получилось, что нижнее белье бывшего оказалось очень удобной темой, на которую можно переключиться. Она смущала меня гораздо меньше, чем два поцелуя с двумя разными мужчинами в течение одного вечера. И то, что второй был против моей воли, ничего особо не меняло.

– Нет, ты не понимаешь... – Ректор схватил меня за руку и кинулся в зал. – Их расцветка...

– А что, зеленые с фиолетовым были бы лучше? – искренне удивилась я, пытаюсь успеть за размашистым шагом ректора.

– Поверь, намного лучше.

Я не понимала его переживаний до поры до времени. Когда мы влетели в зал, было поздно.

Шушель, который уже качался на люстре, при виде веселеньких трусов моего бывшего оживился, кинулся вниз и остервенело дернул за яркую атласную тряпку. Я успела только взвизгнуть и воткнуться лицом в плечо ректору – вот совсем не горела желанием лицезреть

волосатую задницу Криса. По залу пронесся гогот. Наглый лохматый твареныш снова мелькнул на люстре, помахал трусами, мерзко захихикал и исчез, а ректор тихо пробормотал:

– Ну я правда не знал, что так выйдет!

Дальше сдерживать смех я не смогла и какое-то время негромко хрюкала Ариону в плечо. А просмеявшись, предложила:

– Может, все же сбежим? Дальше выносить этот дурдом я не способна. Правда-правда.

– Как скажешь, – ответил он мне на ухо, и к щекам прилила кровь.

Глава 17. Возлюбленная тирана

Вообще, мы поступили очень неблагородно, потому что никто, кроме ректора, не мог усмирить шушеля, и, сбегая, мы об этом прекрасно знали. Понадеялись на то, что демоненок удовлетворится нижним бельем моего бывшего возлюбленного и не вернется, чтобы безобразничать дальше. Судя по воплям, доносящимся из зала, шушель все же решил развлечься, но нам было все равно. От его шуток еще ни разу никто не пострадал физически, а морально... Ну что поделывать? Многие в том зале этого достойны. Мне никого не было жалко, разве что самую малость.

– Я думал, что убью его, – признался Арион, задумчиво перебирая мои волосы, когда мы остановились у входа в апартаменты. Я прижалась щекой к сильной груди и вдохнула знакомый волнующий запах. Хотелось отрешиться от всех неприятностей и просто наслаждаться моментом.

– Рада, что вы не опустили до этого, – заметила я, отстранилась, пытаюсь поймать взгляд черных глаз, и, не удержавшись, хихикнула: – Фокус со штанами был значительно веселее. Я и правда почувствовала себя отмищенной.

– Да и шушель появился очень вовремя, – согласился ректор, с лица которого исчезло мрачное выражение. Видимо, ситуация с Крисом все же вывела его из себя. – Как ни стыдно признаться, я начинаю привыкать к тваренышу. Пожалуй, если он когда-нибудь исчезнет из академии совсем, я стану скучать. Он вносит в нашу размеренную жизнь разнообразие.

– А если исчезну я?

Вопрос вырвался сам собой. Просто я очень хорошо помнила наш первый разговор. Тогда Арион фон Расс недвусмысленно дал понять, что намерен добиться моей благосклонности, но в то же время работать с любовницей бок о бок не собирается. С того момента многое изменилось. Но что, если только для меня? Сам ректор по-прежнему оставался для меня одной сплошной загадкой.

– А тебя я не отпущу, – шепнул он мне в губы и поцеловал. Жарко, страстно, заставляя забыть о разговорах и о том, что мы еще не

скрылись за дверями апартаментов от любопытных глаз. Но сейчас мне было все равно, я сильнее прижималась к мускулистому телу, зарывалась пальцами в густые волосы и практически теряла сознание от наслаждения. Он исследовал меня, словно новую книгу, то усиливая натиск, то целуя ласково и нежно, а я просто растворялась в неизведанных ощущениях и теряла связь с реальностью, которая сузилась до одного невероятно притягательного мужчины. Моего.

– Ты ведь понимаешь, что сегодня не сумеешь сбежать от меня, Мира? – шепнул он, с сожалением отстраняясь. – Если мы сделаем шаг за эту дверь, я не дам тебе уйти. Никогда.

– Прямо так уж и никогда? – лукаво осведомилась я, обнимая его за талию и прижимаясь бедрами. Мне нравилось его дразнить, нравилось его срывающееся дыхание, страсть в глазах и волнующее предвкушение.

– Я ужасный собственник и однолюб. – Он тихо засмеялся и нежно убрал прядь волос от моего лица.

– По поводу однолюба я бы поспорила...

– Нет. Со мной не стоит спорить, я злюсь. А сейчас я совершенно не хочу злиться.

– А чего хочешь? – поинтересовалась я, прекрасно зная ответ, и в наказание получила жаркий поцелуй, развенчавший последние сомнения.

Дверь захлопнулась за нашими спинами, отрезая от действительности, сметая последние преграды. Кого сегодня интересует, насколько честен ректор и что будет завтра? Даже если с утра заклинание, сдерживающее проклятие, испарится, а ректор выгонит меня с работы и забудет, словно о надоевшей игрушке, – это не изменит тот факт, что сейчас я бесконечно счастлива. К чему портить себе настроение неприятными мыслями?

Голова кружилась от новых ощущений. Я торопливо стаскивала рубашку с сильных плеч и злилась, когда не поддавался ремень на его брюках. Я не стеснялась собственной наготы и сгорала от страсти в огненных объятиях. Если мне и суждено пожалеть о случившемся, то жалеть я буду о том, что так долго избегала волнующих прикосновений, сводящих с ума поцелуев и уносящей из реальности страсти, а не того, что сегодня сдалась.

Я старалась запомнить каждый миг, каждое порывистое движение и капельку пота, стекающую по позвоночнику. Я захлебывалась собственным стоном и поцелуем ловила сорвавшийся с его губ рык.

Уснула я, уткнувшись в теплое мужское плечо под ласковое бормотание. Совершенно счастливая и обессиленная, а проснулась поздно и одна. Даже не знаю, как давно ушел Арион, но о его присутствии напоминал только запах дорогого парфюма на подушке, ярко-алая роза на прикроватной тумбочке и короткая записка: «Увидимся в академии». Что она означала, я не представляла, но о хорошем не думалось.

Я села на кровати и закрыла лицо руками. Какая же я дура! Мысли в голову лезли одна чернее другой, хотя, казалось бы, повода для них никакого не было. У ректора могли возникнуть сотни причин, по которым он уехал домой быстрее и не стал меня будить, но почему-то в голове крутилась одна: он получил то, что хотел, и потерял интерес. Это было вполне в духе Ариона фон Расса.

В любом случае узнать, права я или нет, получится только ближе к вечеру, когда доберусь до академии. Возможно, все не так плохо, как я себе напридумывала. Просто я в последнее время отвыкла ждать от жизни что-нибудь хорошее. И не понимала, почему сейчас все должно быть иначе.

Когда я уже почти упаковала все свои вещи, в апартаменты заглянула горничная.

– Герр фон Расс велел вещи отправить экипажем, – прощепетала она, и я с облегчением указала на три чемодана. Меньше всего мне хотелось тащить в руках весь багаж. Их тут же унес дворецкий в парадной ливрее.

– Вызовите, пожалуйста, экипаж и для меня, – попросила я и пошла за Васиком, который все еще стоял на подоконнике. Чулок Като, по-прежнему красовавшийся на его стебле, я выкинула в урну, от греха подальше. А то вдруг владелица встретится в коридоре? Доказывай потом, что охоту за дорогими чулками организовала не я, а шушель. Не поверит, а характер у Като сложный. Она девушка крайне обидчивая.

Впрочем, и я бы еще две недели назад ни за что не поверила в шушеля, таскающего чулки. Вспомнив про Като, я поняла, что с ней в любом случае стоит попрощаться. Когда еще увидимся? Хорошо, если года через три, а может статься, пройдет и пять или десять лет. Жаль

только, я не знала, как это сделать, чтобы не столкнуться с Рокси. Идти к девчонкам в комнату мне не хотелось.

Но сегодня в кои-то веки мне повезло, точнее, элемент невезения наложился на везение. Мой экипаж, который только что подъехал, бесцеремонно перехватила Рокси, уселась по-хозяйски на переднее сиденье, а водитель даже не соизволил поинтересоваться, она ли его вызвала. Я же с открытым от возмущения ртом и Васином под мышкой осталась стоять на крыльце, решая, что проще: вернуться в здание и попросить заказать еще один экипаж или попытаться его поймать прямо на улице.

Пока я раздумывала, на ступеньках показалась Като с небольшим аккуратным чемоданчиком, на каблуках и в шляпе с широкими полями.

– О, Мира! Ты не уехала? – поинтересовалась она. – Твой ректор отбыл еще часов в пять утра. Думала, ты уехала вместе с ним.

– Нет. – Я натянуто улыбнулась и поправила легкий белый шарфик. Зачем он нужен летом, я не знала, но он прилагался к сарафану. – У него возникли неотложные дела. А я не любитель рано вставать.

– Ну а раз ты одна, – вдохновилась подруга, – поехали с нами продолжать гулять? Жалко так быстро расставаться. К тому же и следующая встреча неизвестно когда состоится.

– Ты знаешь... – Я представила Рокси, бывшего и внутренне содрогнулась. – Пожалуй, воздержусь.

– Не дергайся! – Като отмахнулась, поняв, чего я опасуюсь. – Рокси и Крис отбыли домой. Крис – еще вчера. Оно и понятно, после того позора. А Рокси – только сейчас. Они не горят желанием обсуждать случившееся. Мы с Михаэлем и Дроном решили немного посидеть в пабе в паре кварталов отсюда. Пойдем! Заодно расскажем, чем закончился вчерашний вечер. Ты же ушла рано, а там еще этот лохматый нервы всем потрепал!

– Прогуляемся? – поинтересовалась я, с подозрением покосившись на Васику. Девушка в нежно-голубом сарафанчике, босоножках на шпильке и в обнимку с цветочным горшком смотрится как-то очень уж странно. Но деть цветочек было некуда.

– Да нет. Я не очень люблю пешие прогулки. – Като поморщилась. – У меня тут недалеко стоит экипаж, на нем и поедем.

Я, знаешь ли, поддалась очарованию самодвижущихся повозок и купила себе одну. Самую простенькую, конечно, но зато могу передвигаться по городу самостоятельно. Очень удобно. Ну так поехали?

Я пожала плечами. «Почему бы и нет?» – мелькнула мысль. Не хотелось себе признаваться, но меня отчаянно страшила предстоящая встреча с ректором. Вдруг он будет вести себя так, словно ничего не произошло, или того хуже, сразу же заставит подписать заявление и велит убираться на все четыре стороны? От обоих предположений у меня начинали дрожать руки.

Я отправилась следом за Като к повозке, бросив последний взгляд на здание университета, и тут же замерла, едва не содрогнувшись от приступа смеха. Шушель не изменил своим мерзким привычкам, и вместо знакомого флага на флагштоке реяли модные трусы Криса. Достойное завершение встречи выпускников. Ничего не скажешь. Я уверена, теперь университет точно не согласится еще раз провести нечто подобное.

Я взялась за ручку пассажирской двери новой блестящей повозки Като. Решила, что с цветочным горшком будет удобнее сидеть сзади, но подруга замахала руками с водительского сиденья.

– Садись вперед! – заявила она. – Сзади у меня куча разных и не всегда чистых вещей, да и часто вожу хлам по работе, а у тебя сарафан светлый. Мне будет неловко, если ты вдруг испачкаешься.

Я посмотрела на подругу удивленно, но не стала спорить и села вперед, шикнув на Васику, чтобы он стал немного компактнее, но цветочек почему-то не пожелал слушаться. Он вообще рядом с Като вел себя не очень адекватно и постоянно норовил тяпнуть ее за рукав. Пришлось несколько раз хлопнуть по лепесткам, после чего он злобно огрызнулся и демонстративно отвернул цветочную головку к окну. Ну и пусть обижается, это шушель так плохо на него влияет. В последнее время Васик стал слишком много своевольничать.

– Какой у тебя питомец агрессивный. – Като покосилась в нашу сторону неприязненно, а я виновато пожала плечами.

– Бывает у него. Не знаю, из-за чего он на тебя обозлился. Обычно ведет себя смирнее.

Като пожала плечами, снова настороженно взглянула на Васику и сосредоточилась на дороге, а я – на своем своевольном питомце.

Неприятно будет, если он вдруг тяпнет Като, а та потеряет управление, и мы из-за этого попадем в аварию. Со мной такое вполне могло случиться.

Следующие пятнадцать минут мы молчали, думая о своем, а потом я внезапно поняла, что вокруг мелькают незнакомые районы, такие, в которых я никогда раньше не была. Странные люди, обветшалые дома и груды мусора.

– Куда мы едем? – несколько встревоженно поинтересовалась я, а Васик заинтересованно вытянулся из площадки и снова повернулся в сторону Като, агрессивно клацнув зубами.

– Тут просто короче, – беспечно отмахнулась подруга. – Я же сейчас работаю помощницей генерального директора в крупной строительной компании. Я и повозку-то купила, чтобы было удобнее передвигаться по таким районам. Бывает, нужно подвезти что-то к месту стройки или проконтролировать, как идут дела, а то и найти пару-тройку работяг. Поэтому город изучила хорошо. Знаю все закоулки. Не переживай. Приедем самыми первыми.

Я успокоилась, но ненадолго. Места становились все глуше, и каким бы поганеньким ни был мой внутренний компас, но даже он буквально вопил о том, что мы все дальше и дальше уезжаем от центра города. Это пугало, хотя страх еще толком не оформился. Так, внутреннее беспокойство.

– Като, я не знаю, зачем тебе все это, но мне не нравится то, что происходит. – Я старалась, чтобы мой голос звучал уверенно. – Отвези меня обратно к университету или хотя бы туда, откуда я смогу добраться до цивилизации. Мне что-то совсем расхотелось в паб. Я хочу вернуться обратно в академию. Покатались – и хватит.

– Ты всегда была ужасной занудой и трусихой, Мира, хоть и корчила из себя успешную. Просто тебе всегда слишком везло. Не находишь?

– Мое везение в прошлом компенсировано тем, что в последние три года неудачи подстерегают меня на каждом шагу, если тебя это утешит, – фыркнула я, все еще не чувствуя подвоха.

– Утешит или не утешит... какая разница? – в голосе Като мелькнула злость. – У тебя было непозволительно много везения для одной маленькой и, будем смотреть правде в глаза, глупой блондинки. Скажи, ну зачем тебе оно? У тебя и так все есть.

– О чем ты говоришь? – Я начала нервничать. Дома за окном мелькали все быстрее и быстрее, Като прибавляла скорость, а я не знала, что делать. Не выскакивать же из повозки на полном ходу?

– Знаешь, я ведь не хотела ничего плохого, – признала она отрешенно, даже не повернув голову в мою сторону. – Я всего лишь рассчитывала забрать себе немного твоего везения... и все.

– Так это ты сделала со мной? Ты меня прокляла? – догадалась я, и стало так обидно и неприятно из-за своей невнимательности и глупости. Как можно быть такой раззявой? В этом – вся я. Слишком рассеянная. Слишком доверчивая. На Като я думать не хотела, хотя у нее могли быть способности (она любила хвастаться, что в их роду имелись маги), и завидовала она мне всегда по-черному. Пожалуй, даже больше, чем Рокси.

– Прокляла? – Като нехорошо засмеялась. – Ты наивная добрая дурочка, Мира, и не знаешь, что такое проклятие. Проклятие – это очень страшно, оно сжирает тебя изнутри и отравляет каждый миг существования, и не только жертве, но и тому, кто его наложил. Я же просто забрала у тебя немного везения. Впрочем... – Она снова неприятно хохотнула. – Я забрала у тебя везение совсем. И ты знаешь...

Като задумалась.

Я потеряла дар речи и не знала, что делать дальше. Повозка ехала слишком быстро, чтобы из нее выпрыгнуть. Като не заметила моих терзаний и продолжила:

– Мне ведь на определенном этапе действительно стало везти. Сразу после того, как мы закончили. Неожиданно удивительно просто я добивалась того, для чего раньше приходилось прилагать колоссальные усилия. Я получила хорошую работу, нашла перспективного жениха. Но вот беда... все это меня не радовало. Все оказалось таким неприятным и чужим... не тем, чего хотелось. Словно было предназначено тебе! Понимаешь?

Я решительно не понимала и хотела об этом сказать, но повозка резко затормозила у какого-то разрушенного здания, и Като выскочила из нее. Я тоже кинулась прочь, но предательница оказалась быстрее. Она схватила меня за руку и поволокла к старому дому с заколоченными окнами. Я толком не могла отбиваться, так как одной

рукой держала Васику, а во вторую мертвой хваткой вцепилась бывшая подруга.

Цветочек изогнулся и, опутав стеблем руку Като, цапнул бывшую подругу за плечо. Она взвыла, дернулась и, вырвав у меня из рук горшок, со всего размаха метнула его в стену. Я взвизгнула и зажмурилась. По щекам покатились слезы. Васику-то за что? Однако звука удара не последовало. Я открыла глаза и увидела на сломанном козырьке над покосившейся дверью шушеля. Демоненыш прижимал к себе цветочный горшок и корчил рожи Като, которая с бешенством смотрела на него, но боялась броситься догонять, так как рядом стояла я. Отпускать меня она не хотела сильнее, чем поймать демоненка.

Оказавшись на свободе и путаясь в длинном подоле сарафана, я сломя голову кинулась бежать, но моя экс-подруга очень быстро пришла в себя и метнулась следом. Она догнала меня и повалила на землю. У нас были слишком разные весовые категории, и отбиться не получилось. Падая, я сломала каблук и больно подвернула ногу. Вскрикнула, пытаясь столкнуть с себя Като, но не особо преуспела. Като навалилась на меня всем весом и явно не собиралась сдаваться.

Шушель метнул в нее пару кусков черепицы с крыши, поухал, бегая кругами, но так и не смог причинить серьезного вреда. Лапы у него были заняты горшком с Васику. Я орала, вырывалась, но Като, изловчившись, со всего размаха ударила меня по лицу. Я приложилась затылком о землю и почувствовала, что теряю сознание.

Глава 18. В плену у сумасшедшей

Очнулась я от головной боли и не сразу вспомнила, что со мной случилось. Когда события начали медленно всплывать в проясняющемся сознании, я с трудом поверила в то, что это реальность, а не бредовый сон. Я сидела на стуле со связанными за спиной затекшими руками. Поднять голову от груди и разлепить веки было невероятно сложно. А когда мне это все же удалось, оказалось, что вокруг – кромешная темнота, глаза к которой так толком и не привыкли. Лишь где-то вдалеке виднелся тусклый сероватый свет. Возможно, сейчас была ночь, а за углом находилось окно, в которое светила луна. Если так, выходит, я достаточно много времени провела без сознания. Неудивительно, что сейчас мне так плохо.

Первой мыслью было позвать на помощь, но потом я поняла: никто ко мне не придет. Разве что Като. Но я надеялась, что она про меня забыла. Это было бы наилучшим вариантом, а про худший я старалась не думать. Неясно, зачем я понадобилась этой сумасшедшей.

Находилась я, судя по всему, в каком-то заброшенном доме (не исключено, что в том самом, перед которым затормозила повозка Като и рядом с которым бывшая подруга ударила меня по голове). Здесь было холодно, как бывает летней ночью в старом помещении с каменными стенами, пахло плесенью, а где-то вдалеке едва слышно капала вода.

Я осторожно дернулась, но руки были стянуты на совесть, как и ноги, которые похитительница примотала к ножкам стула. Что она собралась со мной сделать и зачем ей это нужно?

Честно сказать, Като я подозревала в последнюю очередь. Не потому, что безгранично ей верила. Нет. Скорее просто думала, будто подобное ей не по силам. Я всегда считала ее слабой, не способной на какой-либо серьезный поступок. Неважно, хороший или плохой. Но тем не менее ее мотивы были ясны. Като всегда завидовала. Причем всем. А мне – особенно сильно. И чувство это было нерациональным.

Она завидовала блондинкам, так как у нее самой были рыжие волосы. Завидовала худышкам, отличницам, тихоням или же оторвам вроде Рокси. Она всегда хотела иметь то, что принадлежало другим, и

то, чем не обладала она сама. Даже если совместить эти качества было невозможно. А вот на собственные преимущества внимания не обращала и не пыталась их развивать. Като завидовала мне, хотя мои родители были не настолько богаты, чтобы удовлетворить любой мой каприз. Она завидовала Рокси, которая рано вышла замуж за моего жениха, хотя их брак трещал по швам с первых дней, и это было видно невооруженным глазом. Зависть сжигала Като изнутри. Видимо, поэтому она и решилась на подлость. Но... если она уже добила желаемого, то зачем ей я? К чему это похищение? Она забрала то, что хотела, еще три года назад. Неужели и сейчас нашла чему позавидовать? Хотя... я ведь играла роль успешной девушки... Возможно, слишком талантливо, и это подвигло бывшую подругу на очередную подлость. И не факт, что в этот раз у меня получится отделаться так же просто, как в прошлый. Ведь везения у меня не осталось.

Слабый огонек магического светильника я разглядела минут через пятнадцать. Като шла, чем-то громыхая на своем пути. Она шипела от злости и ругалась, и я испуганно сжалась на стуле. Было страшно. Неизвестно, что может в гневе натворить эта сумасшедшая. А то, что у нее с головой не все в порядке, я поняла, когда очнулась, привязанная к стулу. Не будет нормальный человек похищать свою одноклассницу и прятать в заброшенном доме. Да и воровать чужое везение нормальный человек тоже не станет.

– А-а-а, очнулась, – безразлично протянула Като, чем немного меня успокоила. Видимо, злости я у нее не вызывала. И то хорошо.

Бывшая подруга свалила в угол комнаты несколько свечей, какую-то белую помятую тряпку, толстую книгу, металлическую чашу и, что заставило меня дернуться, длинный изогнутый ритуальный нож.

– Като... – хрипло позвала я. – Что ты собралась делать?

В горле пересохло, язык едва ворочался, и поэтому голос звучал особенно жалко и едва слышно.

– Устранять несправедливость, – охотно пояснила бывшая подруга. Она уселась прямо на пол, скрестив ноги, и начала разбираться в притащенных вещах. Распахнула на середине толстую книгу и стала переключать свой инвентарь из одной кучки в другую, словно сверяясь со списком.

– Какую несправедливость? – уточнила я, пытаюсь вызвать ее на откровенный разговор. Но, видимо, Като была слишком сосредоточена на своем занятии. Она не реагировала на вопросы и повернулась ко мне, только удостоверившись, что на полу разложено все необходимое.

Ее глаза в пламени свечи выглядели совсем безумными. Я не узнавала ее и не понимала, как раньше не заметила, что с ней творится неладное.

– Понимаешь, Мирочка, – вкрадчиво начала она. – Тебе всегда везло, а мне – нет. Если ты выучила один билет к экзамену, то тебе попадался именно он. А я если не выучила хотя бы один, то получала непременно его. И так – с первого курса. Изо дня в день. Чуешь, какая гигантская пропасть между нами?

– Но... – От обиды у меня перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. – Като, ты же знаешь, я всегда учила все! При чем тут везение? Мне не мог попасться на экзамене единственный выученный билет, я знала их все до одного!

– Ну а кто в этом виноват? – Она пожала плечами. – Это твой выбор. Я бы не учила, но ты же Мисс Совершенство во всем! Ты всегда была невероятно везучей. Лучший парень, внимание однокурсников, перспективы. А я?

– А что ты? Ты тоже могла всего достичь, если бы была чуть-чуть активнее и целеустремленнее! – подала голос я, хотя и понимала, что не в том положении, чтобы провоцировать Като. Но удержаться было сложно.

– Не говори так! – зарычала она и, подскочив, кинулась ко мне. – Ты ничего не знаешь! Мне всегда не везло! Всегда! И именно проклятое невезение виновато во всем!

– И ты хотела, чтобы я почувствовала на себе, каково это? – Смешок вышел горьким. Меня душила обида. Вот за что она со мной так? Я же никогда не делала ей ничего плохого. Наоборот, помогала в меру сил. – Так ведь, Като? Зачем?

– Не пытайся выставить меня стервой! – Бывшая подруга надула губки, видимо, почувствовав мое настроение. – Я не желала тебе зла, просто хотела сделать хорошо себе. Понимаешь, я тогда не стала отнимать у тебя жизнь. Лишь забрала себе твою везучесть. Согласись, жить тебе стало чуть сложнее, а мне, наоборот, проще. Но видишь ли, Мира, везучесть действовала криво. Не так, как нужно мне. А как

только ты показалась на горизонте, я поняла почему. Ты все равно слишком сильно притягивала собственное везение, оно пыталось уйти от меня к тебе. Я ведь не маг и не смогла тогда все сделать правильно. Поэтому сейчас подготовилась основательнее и решила исправить. Пока есть такой шанс. Не хочу вновь становиться невезучей неудачницей.

– Все исправить и сделать правильно? – дрожащим голосом поинтересовалась я, чувствуя, что решимость Като не сулит мне ничего хорошего.

– Да. – Она кивнула. – В этот раз я все сделаю правильно. Тогда я пожалела тебя, оставила жизнь, но сейчас... Нет, я не желаю тебе зла, Мира. – Като замахала руками, увидев, что мои глаза испуганно расширились. – Но пока ты жива... У меня не будет так, как я хочу. Ты мне очень мешаешь. Прости.

Она умоляюще посмотрела на меня, словно просила одолжить на вечеринку мою любимую сумочку, а не собиралась отнять у меня жизнь. Даже губки бантиком сложила. Не понимаю... Мне что, следовало улыбнуться и ответить: «Конечно, убивай меня! Ведь это такая мелочь!»

– Ты серьезно думаешь, будто моя смерть что-то изменит? – удивилась я. Слова Като были настолько нелогичны, что у меня даже страх прошел. Остались недоумение и обида.

– Конечно. – Като серьезно кивнула. – Когда ты умрешь, то не сможешь забрать свое везение, и оно уже не станет работать на тебя. Оно станет моим. Личным. Можно будет налаживать собственную жизнь и покорять новые горизонты.

– Като! – Вразумить сумасшедшую было невероятно сложно, но я была обязана попытаться. – Я три года рвала колготки перед важными встречами, падала в лужи, и моя карьера уже точно никогда не сложится так, как я планировала. Я только сейчас смогла приткнуться хоть где-то и получить...

– Лучшего мужчину в округе? – зло выдохнула она и хищно прищурилась, словно мужчину я отняла у нее. – Я же говорю, Мира, твоя невезучесть даже сейчас тебя не покидает, в ущерб мне! А знаешь, какой мелочный и убогий у меня жених? Он богат и, может, даже хорош собой, но какое же он ничтожество! Эгоистичный, избалованный властью мерзавец. Не чета твоему ректору! И работа...

Ты сидишь и перекладываешь бумажки, милуешься с начальником, а я пашу круглосуточно, и начальник у меня – тот еще упырь! Разве это справедливо?

Я не ответила, потому что мой начальник тоже был тем еще «упырем». А самое главное, я совершенно не была уверена в том, что принадлежал он мне. Все это было красивой игрой на публику. К сожалению, Като восприняла игру слишком близко к сердцу.

Она начала злиться. Движения стали суетливыми, резкими, а голос срывался на крик.

– Като! – Я попыталась воззвать к остаткам ее рассудка, но достучаться было, по-моему, нереально. – Ты ведь понимаешь, что не права? Если убьешь меня, никуда не денется начальник-идиот, и твой парень не изменится в одно мгновение. Да и мой ректор в тебя не влюбится! Есть везение или нет его, в конечном счете все зависит от тебя самой!

– Может быть, так, а может, и нет.

Като подошла ближе и взяла нож. Я дернулась, сглотнула, но она улыbnулась ласково и произнесла:

– Не дергайся, Мира, сейчас я не буду тебя убивать. Нужно соблюсти все формальности. У тебя есть еще немного времени в запасе. И ты можешь... – Она пожала плечами. – Ну, даже не знаю... Например, помолиться.

– Ка-а-акие формальности?

Страх вернулся. Как бы ни была нелогична Като, убийство она, похоже, спланировала хорошо и четко.

– Алтарь, свечи... чаша, – послушно перечислила Като. Она наклонилась над инвентарем и любовно погладила книгу. – Должно быть все по правилам, как в книге. Ты медленно истечешь кровью, а когда умрешь, в моей жизни все наладится.

Она говорила неторопливо и ласково, уверенно, словно повторяла эти ужасные слова раз за разом на протяжении длительного времени. Неожиданно я осознала, что Като действительно готовилась и долго мечтала о сегодняшнем дне. И вот это по-настоящему пугало. Я понимала: уговорить ее отказаться от страшной мечты не выйдет, но была обязана попробовать раз за разом.

– А если нет? – истерично крикнула я. – А если ты ошибаешься и все и дальше будет не так, как ты хочешь? Может быть, дело не во мне,

а в тебе? Может, ты слишком ленива, чтобы получить хорошую работу? Или не разбираешься в людях, поэтому и следующий твой парень будет красивым негодяем? Ты же все пять лет, пока училась, тащила по Алексу, а он надменный и безразличный! Я-то в этом не виновата! – Меня понесло, терять все равно было нечего. – Неужели ты думаешь, что с моей смертью получишь не только везение, но и благоразумие! Думаю, ничего не выйдет, только винить больше будет некого. Ты станешь винить себя или и дальше пойдешь убивать тех, кто покажется тебе более успешным? Вот Рокси, например!

Като на мою гневную тираду ответила удивительно спокойно:

– Рокси несчастлива, а ты счастлива. Поэтому Рокси живет. Она завистливая дрянь. Не хочу быть как она.

– Проблема в том, что ты никогда не станешь такой как я, никогда! – Меня душили слезы, и сдерживать их с каждым мигом получалось все сложнее. Я не хотела умирать. – Мы разные, Като, и вовсе не обязательно, что я лучше. Просто другая. Не такая как ты!

– Замолчи!

Мои слова разозлили Като. Выпучив глаза, она шагнула вперед и наотмашь залепила мне пощечину. Перстень с массивным камнем мазнул по губам, и я вскрикнула.

– Ой, прости! – Кажется, Като слегка смутилась и даже чуть отступила от меня, спрятав нож за спину. – Просто ты слишком много говоришь. Я понимаю, Мира, тебе хочется жить и ты пытаешься придумать что-то, что спасет твою шкуру, но это бесполезно. Правда. Я уже все решила. Я долго изучала этот вопрос и поехала на встречу выпускников только для того, чтобы подтвердить или опровергнуть свои догадки. Как только я увидела тебя в дорогом платье, сияющую, в обнимку с успешным мужчиной, я поняла, почему у меня все не наладилось после того, как я забрала твою везучесть.

– Ты делала вид, будто рада встрече со мной, и планировала мое убийство?

– Конечно. – Она как ни в чем не бывало кивнула и даже слегка улыбнулась. – Я просто ждала, когда представится удобный случай. Но твой ректор не оставлял тебя одну ни на минуту. Когда он с утра вышел и сел в повозку, я сначала испугалась, что ты уедешь вместе с ним, а когда ты так и не появилась на улице, обрадовалась и поняла: вот мой шанс. Осталось чуть-чуть. Мира, не переживай, – «утешила»

меня Като. – Я постараюсь сделать не больно. Я долго тренировалась на свиньях.

– На свиньях? – поразила я и проводила Като взглядом.

В ее слова про «не больно» верилось не особо. Бывшая подруга деловито расставила на полу свечи, а в центр пентаграммы постелила мятую белую простынку – видимо, именно на нее она планировала положить меня. Первой мыслью было начать орать, но потом я вспомнила, куда она меня завезла, и поняла: бесполезно. Даже если вдруг кто-то и услышит, на помощь точно не придет. Я могла надеяться только на то, что шушель с Васиком вернутся в академию, и тогда ректор, если их увидит, начнет волноваться. Это было настолько маловероятно, что я сама себе не верила. Может быть, это сработало бы раньше, в те времена, когда Като еще не забрала себе мою удачу, но не сейчас. Слишком много всего против меня. Вряд ли шушель покажется сразу же. Совершенно не обязательно Арион фон Расс мгновенно сложит два и два и кинется меня спасать. А если и кинется, то как поймет, где меня искать? Пока найдет, Като уже выпустит из меня всю кровь.

Нужно было что-то предпринимать.

Като была выше меня, крупнее и еще сумасшедшая, но я настроилась драться до конца. Когда бывшая подруга срезала пути с рук и ног, предварительно предупредив, чтобы я не дергалась и не пыталась сбежать, я кивнула, делая вид, будто соглашаюсь, и тут же со всего размаху ударила головой ей в переносицу. Перед глазами рассыпались звезды, голова загудела, а Като опасно взмахнула рукой с зажатым в ней ножом и отклонилась назад, пытаясь удержать равновесие. У нее из носа брызнула кровь.

Пока противница не очухалась, я со всей возможной прытью кинулась бежать. Но ноги затекли, оказались ватными и подкашивались. Буквально через секунду в них словно впились сотни маленьких иголок, и я завопила от боли. Бежать не получалось, только ковылять со всхлипами, надеясь успеть дотащиться до улицы.

Като быстро очнулась и с рычанием кинулась за мной. У нее ноги не бунтовали и слушались. Поэтому догнала она меня очень быстро, я даже до коридора добраться не успела. Бывшая подруга уронила меня на пол, налетев со спины, оседлала сверху и вцепилась в волосы.

– Просила же, Мира! – обиженно крикнула она и больно дернула меня за волосы, заставляя задрать голову. Я неестественно изогнулась в спине, а она поднесла к моей шее кривой нож. – Вот зачем ты пытаешься сбежать? Я же все равно догоню! Придется делать неправильно и некрасиво. Зачем? Снова хочешь все мне испортить? Умрешь ты в любом случае, только я не достигну желаемого. А ведь ты, Мира, хорошая девочка? Ты не будешь намеренно мне вредить?

– Намеренно вредишь мне ты!

Я зарыдала. Болели колени, которые я разодрала, когда падала. Шею свело, а затылок словно горел. Казалось, будто Като хочет снять с меня скальп. А еще с каждым мигом у меня оставалось все меньше и меньше надежды на спасение.

– Мы уже обсуждали этот вопрос! – Като бесцеремонно, упираясь коленом мне в поясницу, встала и потянула меня за волосы, заставляя подняться на четвереньки. Кинжал она от моей шеи так и не убрала. – Давай вставай! Не надейся, сбежать не получится. У тебя нет выбора. Точнее... ты можешь умереть красиво и с пользой или сдохнуть тут, как свинья. Тебе не жить. Все понятно?

Я решительно не хотела умирать ни первым способом, ни вторым, но почему-то поверила Като. Если сейчас ее не послушаюсь, то она зарежет меня прямо здесь, а если пойду, то проживу еще хотя бы недолго, пусть несколько минут, за которые, может быть, в голову придет какая-нибудь светлая идея. Да и вдруг шушель не такой неразумный и пакостный, как о нем пишут в справочниках? Он же подарил мне бант, сделанный из чулка Като!

Эта мысль только сейчас пришла мне в голову. А ведь демоненок, похоже, догадался обо всем раньше. Из всех моих однокурсников от его шалостей сильнее всего пострадала именно Като. Я не верила, что это случайность. Остальных он почти не трогал. Только некоторым перепало, потому что попали под горячую руку, или, точнее, лапу. А вот Като достался полный набор шушелевой «любви»: и чулок украл, и банку меда на волосы опрокинул, и нападал постоянно...

Еще пострадал Крис, но тот сам виноват. Как я поняла, шушель питал странную слабость к белым трусам с красным рисунком. Вдруг твареныш все же сумеет донести до ректора или лича то, что я в опасности? Только вот поймут ли они странные намеки зловредного существа? Да и будет ли сам шушель эти намеки оставлять? Я сейчас

была ни в чем не уверена, кроме одного: если мне хоть кто-нибудь не придет на помощь, конец моей истории окажется донельзя печальным и глупым.

Несмотря на всю нереальность, мысль о том, что кто-то может меня выручить, окрылила, и я почти не дергалась, пока Като укладывала меня на простынку и закрепляла мои ноги и руки. Я только крутилась, пытаюсь сбросить путы. Старалась сделать вид, будто случайно, чтобы не разозлить Като, но усложнить ей работу.

Нужно было потянуть время. Будет обидно умереть за несколько минут до прихода помощи. Хотя... Като ошибалась. Везение ко мне так и не вернулось, только амулет немного сдерживал невезучесть. Кстати, он еще был при мне. Я очень надеялась, что его действие не прекратится в самый неподходящий момент.

Глава 19. Час расплаты

Следующие полчаса были самыми жуткими в моей жизни. Я действительно приготовилась умирать, так как вырваться из цепкой хватки Като не получилось и никаких гениальных идей по поводу собственного освобождения в голову не пришло. Бывшая подруга все же сумела меня распять на холодном полу – тонкая простынка не в счет.

Она расставила свечи и принялась листать толстую книгу в поисках нужного заклинания. Вид при этом у Като был действительно безумный: рыжие волосы висели неопрятными спутанными кочьями, глаза лихорадочно блестели. Взывать к ее здравому смыслу было глупо – не достучишься. Если в ней и осталось что-то разумное, то я обнаружить это не смогла. Крыша у Като поехала основательно, и сумасшествие прогрессировало. Странно, что никто не заметил этого раньше.

– Вот что за невезение! – шипела она, дрожащими руками пытаюсь вырвать из книги листок. – Как я могу читать текст заклинания и одновременно убивать тебя, а, Мира? Не получится! Это очень неудобно!

Я не знала, что ответить. Да и не хотела вмешиваться в монолог Като. Но сложности, возникшие у нее, радовали.

Они продлевали мне жизнь.

– А давай, Мирочка, читать будешь ты? – предложила Като на полном серьезе. В ее глазах светилась надежда.

– Ты предлагаешь мне очень странную вещь... – Я подбирала слова осторожно, стараясь не разозлить ее больше, но в то же время донести всю нелогичность ситуации. – Я не собираюсь облегчать тебе процесс собственного убийства. Като, ты нездорова!

– Вот ты всегда была эгоистичной стервой, Мира! – огрызнулась бывшая подруга и надулась. – Тебе сложно, что ли? Просто прочитать несколько корявых фраз на тарабарском языке! И все! Нет, как же! Мы слишком гордые! Ну и как хочешь! Это в тебя лезвие будет входить криво!

Похоже, она настолько тронулась умом, что реально не понимала, почему меня огорчает факт скорой кончины и с какой это стати я не желаю помочь ей в благом деле.

– А давно ли ты заделалась магом? – Мне ничего не оставалось, кроме как продолжить давление. – Я всегда считала: для того, чтобы провести ритуал, нужно обладать силой и необходимыми навыками. Этому не учат в управленческом университете.

– Это все сказки, Мирочка, про навыки и обучение. А сила у меня есть. Совсем чуть-чуть – передалась по наследству от бабушки, – но для проведения ритуала хватит. Говорю же: я старательно готовилась к этому дню.

Она подошла ко мне, шагнула внутрь криво нарисованной мелом пентаграммы, присела рядом на пол и нежно погладила меня по щеке.

– Главное – правильно тебя убить, чтобы ты больше не могла портить мне жизнь.

– Я не портила тебе жизнь! Я три года даже не представляла, где ты и что делаешь! И благодаря твоему подарочку разгребала свои проблемы!

– Вот видишь, ты какая. – Като сокрушенно покачала головой. – Даже не вспоминала обо мне, а ждешь снисхождения! Нет, не выйдет. Ну что же, приступим. – Она улыбнулась и занесла руку с ножом, но читать корявое заклинание, одновременно втыкая в меня нож, у нее не вышло. Като надавила мне острым лезвием куда-то в район солнечного сплетения, я не выдержала и заорала, бывшая подруга сбилась, нож скользнул и оставил неглубокую, но болезненную царапину.

– Да что с тобой происходит, Мира?! – возмутилась сумасшедшая. – Неужели не можешь полежать спокойненько? Я не хотела прибегать к крайним мерам, но теперь...

– Каким? – взвыла я, чувствуя, как по щекам катятся слезы. – Отпусти меня, Като! Я тебя умоляю, отпусти! Я действительно не сделала ничего плохого!

Как там мне говорил лич? Смерть будет ранней и глупой? Но не такой же!

Я забилась в путах, пытаюсь вырваться, и закричала что есть мочи. Сейчас я уже не анализировала, кто именно прибежит мне на помощь и сумею ли я сбежать, даже если освобожусь.

– Не вопи, Мира! – Като отмахнулась и достала из необъятного кармана несвежую тряпку.

– Не надо! – заорала я, сообразив, что именно собирается сделать сумасшедшая, но было поздно. Като прижала меня коленом к полу, схватила за волосы, чтобы я не могла мотать головой, и, несмотря на все мои попытки вырваться, заткнула рот кляпом. Я рассадила себе затылок, так как не сдавалась до конца, и ободрала губу, но все равно проиграла и в этой схватке.

– Вот, так-то лучше! – очень холодно и по-деловому заметила она. Взяла листочек и отошла с ним в угол, пояснив зачем-то для меня: – Пожалуй, лучше выучу наизусть. Так надежнее и удобнее.

Наверное, Като все же нуждалась в собеседнике. Я так и не могла понять, зачем она невольно ищет у меня одобрения.

– Знаешь, Мира, – продолжила Като, – я еще никогда не протыкала ножом живого человека. В книге все очень подробно описано. Куда ставить нож, как давить, чтобы жертва не умерла сразу же, а долго истекала кровью. Говорят, это обязательное условие. Смерть должна быть долгой и мучительной. Но, оказывается, это непросто! Нужно применить силу. Представляешь, у меня вряд ли получится правильно вонзить нож одной рукой! А вторая занята листочком. Поэтому полежи еще немного, а я пока выучу заклинание.

Като говорила тихо и дружелюбно. В ее голосе не было злости, и это пугало сильнее всего. Она ведь все для себя решила, а я теперь даже говорить с ней не могла. Лежала, редела и прощалась с жизнью, которая только-только начала налаживаться. И даже без моего везения все шло неплохо. Это же не проклятие, значит, и снимать ничего не нужно. Просто была раньше везучая девочка Мира, а стала везучая девочка Като. Мира же начала коллекционировать неприятности. И ведь я с этим свыклась и нашла своего ректора. Жаль, что не получится узнать, куда и зачем он ушел с утра пораньше.

Знакомую пушистую тень я заметила совершенно случайно и мгновенно воспряла духом. Если шушель вернулся, значит, он не настолько обделен интеллектом, как о нем поговаривают. Он вспомнил обо мне и пришел. Вопрос – зачем? И будет ли помогать? И если да, то как именно?

Като сосредоточенно шевелила губами и зубрила заклинание, поэтому никого и ничего вокруг не замечала, а шушель выбрался из

угла, очень по-деловому прошелся вдоль пентаграммы и помочился на каждую из свечей. Я старательно пыталась отвернуться и молилась, чтобы не попало на меня. Воняло отвратно! Огоньки с шипением гасли один за другим.

Если бы твареныш при этом не хихикал так мерзко, увлеченная своим занятием, Като, пожалуй, его бы и не заметила, а так всполошилась, подскочила и с воплями кинулась за мелким пакостником, пытаясь достать его длинной палкой, подобранной тут же, среди сваленного в углах хлама.

Шушель, как ни странно, не пытался сбежать. Распушив хвост, он сиганул Като на голову, потоптался под вопли, выхватил из рук моей мучительницы листок с заклинанием и демонстративно сожрал, причмокивая и отплеываясь.

Като завопила, отодрала смачно рыгающего твареныша от прически и с гневным воплем швырнула о стену. Я бы заорала, но не могла. Шушеля было дико жалко, он хоть и мерзавец, но свой, привычный, и пришел ко мне на помощь. Впрочем, я шушеля недооценила. Вместо того чтобы удариться о стену, он с чавкающим звуком растворился в ней. А через пару минут появился в другом углу комнаты.

За минуты тишины и спокойствия я успела опять пасть духом, а Като – с горестными воплями зажечь свечи и свериться с книгой, которая уцелела.

– Вот знаешь, Мира, иногда даже неприятности происходят очень уместно, – заявила она, ползая на четвереньках возле пентаграммы. – Я заметила небольшую неточность.

Като зашла внутрь пентаграммы и начала соединять свечи между собой причудливым узором поверх уже существующих линий. Шушелю это не понравилось. Он шипел, визжал, рушил свечи, но я заметила, что пакостничал он только там, где Като еще не успела нарисовать защитную линию.

– Выкуси, гаденыш! – прошипела она, замкнув круг. Шушель распушился, ощерился и исчез в облаке дыма, оставив после себя традиционную смердящую кучу, видимо, в знак отношения к Като. Я же поняла, что теперь меня не спасет никто.

– А сейчас, Мира, мы приступим. – Сумасшедшая довольно улыбнулась и начала медленно, нараспев читать заклинание, похоже,

ей удалось выучить слова. Нож в ее руках засветился, с каждым словом сияя все ярче и ярче.

– А ну-ка, корова рыжая, брысь! Прочь, пока я рога тебе не обломал!

Знакомый голос я услышала и узнала сразу же. Сердце затрепетало, и в душе снова загорелась надежда. Он все же пришел! Таким взбешенным я ректора не видела даже тогда, когда Васик сожрал министерскую грамоту.

Като не ожидала увидеть гостей, поэтому вздрогнула, сбилась и прыжком развернулась в сторону Ариона фон Расса, который, не пытаясь продолжить диалог, со всего размаху швырнул в мою обидчицу огромным огненным шаром. Я даже не успела испугаться, потому что сверкающий сгусток врезался в защитный круг и разлетелся по помещению снопом искр. Като заверещала, прикрыв голову руками, но быстро пришла в себя, поняв, что через защитный контур до нее не добраться.

Она попыталась возобновить чтение заклинания, но это непросто сделать, когда вокруг бегают ректор с выпученными глазами, орет непотребности и швыряется фаерболами, от которых нет ущерба, зато много дыма и отвлекающий грохот.

– Да прекратите! Неужели вы не видите, что мешаете? – завопила она и опасно замахнулась на меня ножом. Я сжалась от ужаса, а ректор послушно отскочил. Он был напуган, хоть и пытался не подать виду, но я, видимо, слишком хорошо его изучила и заметила то, что укрылось от Като.

– Так-то лучше! – выдохнула она, поправила волосы и повернулась к Ариону фон Рассу. – Теперь уходите, – тихо, но уверенно произнесла Като. – Вы только мешаете и раздражаете. Ни к чему. Ее вы уже не спасете, сами же знаете, этот защитный контур не пробить. Зачем пытаться?

– А это мы еще посмотрим, – упрямо заявил ректор и подошел так близко, насколько позволял контур. – Не смей ее трогать, иначе будет хуже. Я найду тебя, рыжая лахудра, и сделаю твою жизнь очень долгой и невыносимой! Поверь, это я умею. Что бы ты ни задумала, насладиться этим не сможешь.

– Вы не спасете ее! – Като воинственно поджала губы и выдвинула подбородок, демонстрируя решимость.

Но спорить с ректором было бесполезно. Даже находясь в ситуации, которую не мог изменить, он умудрялся качать права и ставить условия. Като такое поведение обескураживало, и голос ее звучал уже не так уверенно, как раньше.

– Если с ее головы упадет хоть один волос, я тебя убью, воскрешу и снова убью. И так – до бесконечности... – шипел Арион, сопровождая каждое слово мощным ударом кулака по подрагивающему контуру.

– Вы не сможете! – язвительно ответила Като, но я заметила, что ее руки дрожат, и воспрянула духом. – Если вы не заметили, то подсказу: у вас не получается зайти за защитный контур.

– Может быть, ты не в курсе, но жизнь внутри контура уныла и быстро закончится! – парировал ректор. – Ты захочешь жрать и пи-пи и выйдешь, а я, если надо, буду сидеть тут неделю и ждать, когда у тебя, сумасшедшая истеричка, сдадут нервы! Так что лучше выходи и отпусти Миру по-хорошему, тогда, так и быть, я подыщу тебе доброго дядю-врача.

– Не могу! – Като скривилась и потерла руками виски. – Если я ее не убью, то никогда не стану счастливой и не добьюсь успеха. Как вы не понимаете?

– Нет, это ты не понимаешь, – вкрадчиво произнес Арион, видя, что она начинает сдавать позиции. – Если ты тронешь Миру, то точно будешь несчастна. И это я тебе могу сказать, даже обладая очень и очень слабыми способностями провидца. Понятно?

Ректор снова со всего размаха шибанул кулаком по защитному контуру. От силы удара даже пошла волна. Като зашипела, отстранилась и снова начала торопливо бубнить заклинание, слова которого, впрочем, быстро застряли у нее в горле, так как на помощь Ариону фон Рассу из коридора медленно выплыл лич. Причем сейчас он выглядел действительно устрашающе (я бы сама с удовольствием заорала, но, во-первых, почти лишилась сил, а во-вторых, орать с кляпом неудобно).

На иссохшем лице горели алые глаза, рот скривился в кровожадном оскале, а белые патлы волос, подобно змеям, развевались за спиной. На плече у него гордо восседал распушившийся шушель, который что-то нашептывал личу на ухо. Жаловался, не иначе.

Лич вскинул руки – пальцы засветились зеленым, – подплыл ближе и с леденящим душу воплем кинулся на защитный контур. Выражение лица у него при этом было настолько кошмарным, что я чуть не подавилась кляпом, а Като, тихо пискнув, начала заваливаться. Видимо, умертвие оказалось слишком сильным испытанием для ее неустойчивой психики.

Ее обморок оказался очень кстати, потому что зеленое пламя лица, сорвавшееся с кончиков пальцев, тоже не смогло пробить контур. В итоге ситуация у нас вырисовалась отвратительная и патовая. Я лежала прикованная на холодном полу. Спина затекла, попа замерзла, губы пересохли, и кляп мешал ужасно. Като валялась в глубоком обмороке тут же, рядышком. Печально, что и нож никуда не делся, а значит, если эта сумасшедшая быстро придет в себя, мои мучения возобновятся. Вот только пережившая стресс Като будет злее и увереннее.

А за пределами защитного контура суетливо бегали ректор и повизгивающий шушель. Лич на их фоне выглядел преступно спокойным. Наверное, суета могла продолжаться достаточно долго, если бы к нам не нагрянули новые гости. Первой в помещение вбежала рыжая растрепанная девчонка в обнимку с моим Васиком, а следом за ней вошел высокий красивый блондин.

– Сказал же тебе – не выпускать ее из академии! – рыкнул ректор, который, казалось, на какое-то время забыл про меня и попытки пробить защитный контур. Он смотрел на рыжую одновременно с ненавистью и нежностью. У меня даже сомнений не осталось в том, кто это.

– Я не смог. – Блондин флегматично пожал плечами и предусмотрительно отступил в тень, видимо, чтобы не досталось, а я почувствовала себя лишней.

– Ну а что с тебя взять, недомаг! – в сердцах бросил ректор и обратился к рыжей: – А ты, беда ходячая, зачем притащилась? Просил же по-хорошему! Почему нельзя хотя бы раз в жизни послушаться меня? Вот не до тебя сейчас!

– Ну, знаешь ли, папа! – возмутилась девица, с интересом косясь в сторону пентаграммы. – Я просто не могу такое пропустить! Должна же я на мамочку будущую полюбоваться.

Я икнула, и даже кляп мне не помог, а Кассандра (если я не ошибаюсь, дочь ректора звали именно так) подошла ближе и ткнула пальчиком в защитный контур.

– А наша-то какая? Та, которая связанная на алтаре, или рыжая с ножом? Светленькая симпатичнее, а рыжая боевая, но слабенькая. Вон, уже в обмороке, – вынесла вердикт она.

– Рыжих мне и так хватает! – рыкнул ректор, как мне показалось, смущенно.

– Ну так чего ждешь? – удивилась Кассандра и указала в мою сторону. – Доставай ее оттуда! Забираем – и домой, а то я проголодалась.

– Вот и в кого ты такая умная-то пошла? – рыкнул ректор и отвернулся. – Знать бы еще как... – тихо добавил он, но рыжая уже, похоже, не слушала.

– Иногда думаю, что не в тебя, – заявила она, сунула Васику блондину, который стоял рядом с ней, и, шепнув пару слов, сделала толкающее движение руками под переходящий в ультразвук вопль ректора:

– Не-э-эт!

Я не поняла, что случилось, потому что верх поменялся с низом несколько раз, скобы, к которым меня привязала Като, с треском выскочили из пола, и одна из них чувствительно припечатала мне по ноге. Контур разлетелся вдребезги, словно кто-то разбил стекло, я даже почувствовала жалящие удары на лице и плечах. В комнате закрутился дикий вихрь, в котором оказались все. Пожалуй, было даже страшнее, чем на импровизированном алтаре.

Голова кружилась, мимо меня пролетали какие-то вещи, а один раз промелькнул даже ректор, схватиться за которого я не успела. Кляп выскочил сразу же, и я наконец-то от души заорала.

Через какое-то время все закончилось. Смерч, организованный Кассандрой, сошел на нет, и я, больно ударившись об пол плечом, замерла, боясь даже пошевелиться.

В оглушающей тишине раздалось одновременно два возгласа: «Ы-ы-ы... упс...» и «Кассандра!»

– Но я же нечаянно! – ответила рыжая, выползая из-под мятой простыни. Волосы закрывали ей лицо, и вид она имела жутковатый. Извинялась Кассандра привычно, даже не задумываясь. Видимо, не

впервой. И тут я в полной мере поняла ректора. Они с дочкой действительно друг друга стоили.

Где-то в углу простонал блондин и постарался принять вертикальное положение. Надо отдать ему должное, во время всей этой катавасии он так и не выпустил горшок с Васиком. Цветочек обвинил спасителя, словно лиана, и мелко дрожал. Испугался, бедненький.

Кассандра безуспешно пыталась убрать с лица лохматые рыжие пряди. Я вообще лежала и не шевелилась, стараясь прийти в себя после произошедшего. Где-то над головой противно поскрипывали остатки старой люстры. Я подняла глаза и заметила шушеля, качающегося на изогнутой железяке. Твареныш был на удивление тих. Он молчал, не пакостил и только тихонечко попискивал.

Като пришла в себя первая и, отшвырнув нож, на четвереньках, но удивительно резво помчалась в сторону выхода. Видимо, решила, что не стоит меня трогать, раз на помощь примчалась такая мощная группа спасения.

Следом за ней метнулся только шушель с люстры, и почему-то я была уверена, что он сумеет ее задержать. Арион, отдышавшись, бросился ко мне, а я даже отреагировать нормально не могла, потому что обозревала разруху, которую учинила дочка ректора.

– Она всегда такая? – шепотом поинтересовалась я.

– Обычно еще хуже, – отозвался ректор и без слов прижал меня к себе, целуя в макушку.

Блондин, как я понимаю, будущий зять, деловито отковыривал длинные отростки Васику от стены и от своей шеи. Получалось у него аккуратно и быстро, поэтому я не стала вмешиваться.

Кассандра снова меня удивила. Она тащила под мышкой голову лича к отброшенному в угол все еще шевелящемуся телу. Мне стало плохо, и я сглотнула, но даже вопрос задать не успела.

– Все будет хорошо, – опережая его, пообещал ректор, и я поверила. А Кассандра, рассыпаясь в извинениях, пыталась приладить голову обратно. Смотреть на это я не могла, поэтому отвернулась.

– Сударыня, я из-за вас потерял голову. – Язвительный шепот лича заставил меня застонать. Как он может в этой ситуации еще и иронизировать?

Впрочем, смущало это, видимо, только меня, так как Кассандра ворчливо отозвалась:

– Не могу ответить вам взаимностью, у меня жених есть!

А ректор на эту шутливую перепалку даже не прореагировал.

– Ну папа-а-а, – простонала рыжая спустя несколько минут. – Помоги, что ли? Спасли мы твою златовласую принцессу, давай теперь соберем моего научного руководителя, а то ведь к тебе попрошусь! Сам рад не будешь!

– Упаси боже!

Ректор отчетливо вздрогнул и, шепнув мне на ухо что-то ободряющее, отправился на помощь своему чаду. А я прислонилась спиной к стене и почувствовала, что медленно уползаю в беспамятство. Последнее, что я услышала, – это вопль ректора: «Мира!» и язвительное замечание его дочери: «Вот, папочка, все же ты у меня мужчина хоть куда. Не выдержав твоей любви, юные девы падают в обморок. Как думаешь, это от счастья?»

Глава 20. Здравствуйте, я ваша мама

Мне не хотелось открывать глаза. Вот совсем не хотелось. А все потому, что физически я чувствовала себя нездоровой. Болела голова и ныли ребра, саднила скула, и я не представляла, где окажусь, когда проснусь окончательно. Вдруг все там же, на холодном алтаре, рядом с сумасшедшей Като, которая готовится проткнуть меня кривым кинжалом для жертвоприношений? Нет уж. Лучше и дальше плавать в спасительном небытии.

Правда, я не чувствовала холода и лежала вроде бы на чем-то мягком, а еще ресницы щекотали солнечные лучики, а нос улавливал едва заметный запах родного парфюма. Мне, несмотря на физические неудобства, было хорошо. Так хорошо, как не могло бы быть в холодном подвале.

Я еще немного полежала, собираясь с силами, и медленно открыла глаза, чтобы тут же их захлопнуть. У моей кровати сидел ректор. И не просто сидел, он низко наклонился над моим лицом и внимательно изучал. У меня даже перед глазами все поплыло. Нельзя же так пугать!

– Мира, – нежно и хрипло позвал он, опалив мою щеку горячим дыханием. – Я знаю, ты уже не спишь. Открой глазки и больше не пугай меня так сильно. Я думал, что с ума сойду, когда в академию вместо тебя явились шушель с Васиком.

– А ты не будешь наклоняться так близко? – с подозрением поинтересовалась я. – А то у меня перед глазами двоится, и начинает кружиться голова.

– Не буду, – услышала я тихий смех и осторожно открыла глаза снова.

Я находилась в своей комнате, которую уже успела полюбить. Здесь я чувствовала себя уютно и в безопасности. На подоконнике стоял Васик, довольный, тянущий листочки к солнышку, и, судя по ярко-зеленому толстому стеблю, сытый. Соседнего цветка на подоконнике не было. Значит, за моим питомцем не уследили и он сожрал конкурента. Ну этого и следовало ожидать. Я собиралась

отдать цветочный горшок с растением герре Сибилле, но забыла. С себе подобными Васик не уживался принципиально.

На прикроватной тумбочке я заметила огромный букет белых роз, а рядом со мной на кровати сидел уставший и слегка помятый ректор в домашней, расстегнутой на груди рубашке с коротким рукавом. Я сразу же почувствовала себя безгранично счастливой, а потом вспомнила, что он ушел и даже не сказал, куда и зачем. Почти забытая обида снова дала о себе знать.

– Почему ты сбежал? – поинтересовалась я, чувствуя, как задрожали губы. Ответа я боялась панически.

– Потому что дурак, – честно признался он и опустил глаза. Впервые я видела смущающегося ректора. – Больше я не оставлю тебя ни на миг. Обещаю. Причем даже если ты сама будешь этого хотеть, все равно не оставлю. Ты же знаешь, я упорный.

– И все же? – Я решила проявить настойчивость. Если уж узнать нечто неприятное, то сейчас.

– Во-первых, я обещал найти Демиона, чтобы проконсультироваться по поводу проклятия... – осторожно начал Арион и внимательно посмотрел мне в глаза.

– А будить почему не стал? – Объяснение было так себе, но существовало еще загадочное «во-вторых», поэтому страстные взгляды я игнорировала, хотя от них тепло в груди.

– Потому что... во-вторых, мне нужно было немного побыть наедине с собой... подумать и проанализировать.

– Ты хотел меня послать ко всем шушелям? – Я все-таки не смогла сдержать слезы, просто потому, что была пока слаба и измотана. А еще мне хотелось верить в сказку, которой, похоже, не существует.

– Нет. – Он нежно улыбнулся и снова погладил меня по щеке. – Зачем посылать тебя к шушелям, когда один такой прочно поселился у нас в академии? Я хотел сделать тебе сюрприз... и выбирал, какой...

– Интригуешь... – Я выдохнула. От души отлегло. Все же вряд ли в качестве сюрприза он приготовил увольнение. Непохоже. Хотя... с моей-то везучестью... может быть и такое. Но подобной подставы от ректора я не ждала.

– Стараюсь, – несколько неуверенно усмехнулся он и посмотрел на меня долгим задумчивым взглядом.

– И что же это за сюрприз? – Любопытство распирало, и мне хотелось получить сюрприз в заgreбущие руки (при условии, что он хороший). Даже голова уже прошла.

Ректор наклонился ко мне и скользнул губами по губам, нежно, медленно, обещая. Такие сюрпризы мне нравились, но вряд ли Арион сбежал от меня, чтобы подумать о поцелуях.

– Вот ты сейчас встанешь, умоешься, наденешь красивое платье, и я поведу тебя обедать в ресторан. Если ты, конечно, в силах, – тут же добавил он. – Если нет, то нам накроют на террасе, и за бокалом хорошего вина мы обязательно обсудим с тобой сюрпризы. Договорились?

Я пожалала плечами и улыбнулась. Стало легко и хорошо. У меня осталась масса вопросов, в том числе касающихся моего везения и дальнейшей судьбы Като, но сейчас все это казалось таким неважным. Като сказала, что проклятия нет. Просто я потеряла феноменальное везение. А зачем оно мне, если я нашла свое место в жизни и своего мужчину? Разве только затем, чтобы не бояться ежеминутно все это потерять.

– Ну, о чем задумалась? – потормошил он меня. – Будем обедать в ресторане или здесь, в академии? Ты хочешь прогуляться? Или пока предпочтешь никуда не выходить?

Заботливый ректор, который не орет, забавлял. Его хотелось чмокнуть в нос и потрепать по волосам, но я сдержалась.

– Я точно хочу в душ и там, думаю, определюсь.

Улыбка сама собой вышла томной и соблазнительной. Сейчас я не переживала за свое будущее. Что бы нас ни ждало в дальнейшем, в данный момент Арион принадлежал мне, и я наслаждалась собственной властью над ним.

– А меня с собой в душ возьмешь? – поинтересовался он и наклонился ближе, обхватывая меня за шею и припадая в волнуящем поцелуе. Я уже хотела шепнуть: «Да», – а перед глазами встал соблазнительный образ Ариона фон Расса в мыльной пене, но тут дверь с грохотом распахнулась. Мы отпрянули друг от друга, а ко мне в комнату влетел рыжий ураган.

– Касс, ну я же сказал, что не вовремя!

Блондин – возлюбленный дочери ректора – вошел следом за своей бесцеремонной невестой и выглядел немного смущенным, чего не

скажешь о самой Кассандре. Рыжая рассматривала меня с интересом, но, к счастью, без враждебности.

– Должна же я как следует разглядеть, кого именно мы спасли, – совершенно не смутившись, пояснила она свой интерес. – Ей же еще долго придется страдать от всепоглощающей любви моего папочки.

– Не-не, я не претендую... – пискнула я, пытаюсь сказать, что не буду занимать в сердце ректора место его дочери, но, оказалось, Кассандру волновало совсем другое.

– Понимаешь... – доверительно начала она, заглушив возмущенный вопль ректора, который, похоже, очень хотел, чтобы я на его любовь претендовала. Кассандра, бесцеремонно подвинув папу, присела ко мне на кровать и продолжила, игнорируя недовольное сопение родителя: – Любовь Ариона фон Расса означает заботу. Чем больше любви, тем больше заботы, все просто. И я очень надеюсь, что он сейчас переключится на тебя и, следовательно, отстанет от меня. Хотя бы чуть-чуть!

– Касс! – простонал ректор и попытался стащить дочурку с кровати за руку.

– Боишься, что она испугается и сбежит? – лукаво поинтересовалась упирающаяся рыжая. – Правильно переживаешь! Я бы сбежала. – Она все же отвоевала право сидеть на кровати и теперь устраивалась поудобнее, игнорируя гневный взгляд отца.

– Я бы на месте твоего недомага тоже сбежал, – парировал папочка. – Но смотри, болезный, терпит тебя – и ничего. Даже вид счастливый как-то умудряется сохранять уже больше полугода. Вот где самоотверженность!

Кассандра фыркнула, но с кровати поднялась, а я, чтобы перевести разговор с неприятных семейных тем, спросила:

– Что вообще случилось? Как вы меня нашли и что со мной будет? Я продолжу сшибать все углы и влипать в неприятности?

– А можно начну я? – подал голос блондин. Как ни странно, его даже ректор перебивать не стал. – Расскажу, что с тобой будет. Воздействие, которое Катриона три года назад оказала на тебя, нельзя назвать проклятием. Хотя по проявлениям люди, недостаточно сведущие в вопросах проклятий... – Ректор от этой шпильки зашипел, но больше никак свое возмущение не показал. – Так вот, люди

несведущие подобные вещи часто путают с проклятием. На самом деле она просто позаимствовала у тебя твою силу.

– Силу? – насторожилась я. – У меня нет магов в роду. И не было никогда. Поэтому и силы никакой нет.

– Ну... сила – это самое точное определение, которое подходит к везению, сопровождавшему тебя с рождения. К магии это качество имеет весьма отдаленное отношение. Катриона позаимствовала твое везение. Но я даже не знаю, как правильно сказать... Это то же самое, как если бы она, обладая фигурой, отличной от твоей, попыталась влезть в твое платье. Можно при желании, но сидеть оно так, как нужно, все равно не будет. Ты лишилась везения и страдала три года, а она хоть и обрела его, но ужиться с ним так и не сумела. Будь это проклятие, оно бы сломало твою жизнь. В твоём же случае просто стало несколько сложнее. Ты смогла прижиться в академии, тебе здесь помогли и не выгнали. Проклятие так не работает, оно разрушило бы все вокруг.

– А Като? Что будет с ней? – поинтересовалась я. Доводы Демиона звучали вполне логично и меня устраивали.

– Подружка твоя три года проходила в неудобном платье с чужого плеча и окончательно свихнулась. Когда вы встретились, твоя сила начала возвращаться к тебе сама по себе. Постепенно, думаю, везучесть восстановится. У вас с Като был слишком тесный контакт. Когда она хотела тебя убить, сила тянулась к своей владелице. Этот процесс контролировать сложно, а Катриона не была магом. Обладала лишь зачатками неразвитых способностей.

– Она сбежала? – На миг мне снова стало страшно. Вдруг сумасшедшая продолжит за мной охоту? С нее станется.

– Да. – Демион кивнул. – Но это неважно. У нее не все в порядке с головой, и на работу мы уже доложили. Катриону забрали в лечебницу. Там ей будут восстанавливать личность и баланс сил. Очень скоро все встанет на свои места. Ты получишь везучесть обратно, а она, возможно, вернет себе хотя бы разум. Но начинать ей придется с чистого листа и со своими исходными данными. Думаю, с таким пятном на репутации и без феноменального везения построить карьеру будет очень сложно. Обратно в фирму, где она работала, ее вряд ли возьмут. У них очень высокая ответственность, работают с серьезными госзаказами. Като и сейчас там была не на хорошем счету – слишком

завистлива и ленива. Ей даже везучесть не помогала. Для результата работать-то все равно нужно, а она этого не любила. Поэтому никто особенно не расстроился, когда стало известно о том, что пока она не появится в фирме.

– Я даже не могу понять, жалко мне ее или нет... – задумчиво заключила я, проанализировав свои ощущения. – Я ведь ее всегда жалела и помогала, чем могла. А она... сделала все возможное, чтобы сломать мою жизнь. Вдобавок попыталась убить... Просто из зависти, которая и оснований-то под собой не имела. По крайней мере, сейчас.

– Ну, все что ни делается, – к лучшему, – философски заключила Кассандра. – В конце концов, если бы не Катриона, ты бы не оказалась здесь, в академии, и мой папа до сих пор тиранил бы меня одну. Слушайте, а может, это у меня феноменальное везение? Иначе чем еще объяснить ее появление здесь?

Рыжую все проигнорировали, и она в шутливой обиде надула губы. Демион усмехнулся и прижал невесту к себе, а ректор продолжил, предварительно погрозив дочери кулаком:

– Найти тебя нам помог шушель. Когда он вернулся в академию с Васиком и полчаса бегал с визгом у меня по кабинету, я понял, что это не просто так. Дальше все было делом техники. Шушель вывел нас на то место, где тебя держала Като.

– Вы успели вовремя. Еще бы чуть-чуть... – Я покачала головой.

– Да, – снова подал голос Демион. – Она могла бы тебя убить.

– И? – уточнила я. Было интересно, сработал бы план Като или нет.

– И ты была бы мертва. – Демион пожал плечами. – Твоя удача умерла бы с тобой, а Катриона осталась бы с кровью на руках и, думаю, свихнулась бы окончательно, как только схлынула бы эйфория и она бы сообразила, что натворила. Думаю, ей было бы очень плохо. Убийство – это слишком серьезно. Только вот тебя ее гипотетическое раскаяние не воскресило бы.

– Вы даже не представляете, как я вам всем благодарна! – На глаза в который раз с того момента, как я пришла в себя, навернулись слезы. – Раньше так обо мне беспокоились только родители.

– Ы-ы-ы... – протянула Касс и затравленно посмотрела на меня. Покусала губу и, спрятавшись за Демиона, выдала: – Кстати, о родителях...

– Что случилось, Кассандра? – страдальчески выдохнул ректор.

– Ну, в общем... папа, мне дико жаль... но у нас скоро будут гости...

– Приедет твоя мать? – сморщился Арион, а у меня похолодело в груди.

Я совсем не хотела встречаться с бывшей женой ректора. Особенно сейчас, непричесанная, слабая и пока тотально невезучая.

Но Кассандра помотала головой и ткнула пальцем в меня.

– Не-а, не моя мать, ее... И еще отец.

– Что? – взвыла я и попыталась то ли выбраться из-под одеяла, то ли закопаться в него поглубже. – Может, успеем сбежать?

– Не думаю... – Рыжая покачала головой. – Вообще, надо было раньше предупредить, тогда, может, и успели бы, но я забыла. Поэтому, предполагаю, бежать поздно. Они где-то тут. На подходе.

– К академии? – уточнила я.

– Ну, как сказать... – Кассандра замялась. – Можно и так сказать, но вообще-то... на подходе к комнате. Но если нам повезет, они заблудятся в коридорах и ты успеешь причесаться. Просто они ругались и говорили, что долго ждать не будут, пойдут искать сами. А я отвлеклась... Очень стыдно. Правда. Но искать у нас можно долго, академия строга к незванным гостям.

– А они незваные? – вкрадчиво уточнила я.

– Ну... – Касс совсем засмузилась. – Вообще, когда они представились, я сказала: «Здравствуйте, дорогие бабушка и дедушка»... А что? Формально так оно и есть или почти есть... короче... не незваные они.

– Касс... – простонал ректор. – Вот как ты могла, а?

«Интересно, что именно?» – пронеслось у меня в голове. Вариантов было как минимум три. Впрочем, Кассандра отца знала все же дольше, чем я, и поняла абстрактный вопрос лучше.

– Ну а что? – Рыжая чувствовала себя явно неуютно, но пыталась как-то выкрутиться. – Знакомиться же рано или поздно так и так придется. Не все ли равно, когда?

– Нет! Не все равно! – шикнул на нее ректор, а я откинулась на подушки, думая, что до возвращения везучести мне еще очень и очень далеко.

– Где же моя деточка?!

Мамин голос я могла узнать из тысячи и, пробормотав испуганное: «И-и-и», – занырнула под одеяло, решив не показываться оттуда совсем. Пусть сами разбираются.

Первой в комнату влетела мама, я наблюдала за ней через щелку в одеяле, потом, шумно топая, ворвался папа, а замыкала шествие испуганная герра Сибилла.

– Что вы сотворили с моей невинной девочкой! – кинулась мама на Демиона с кулаками, и он, заорав, спрятался за Кассандру.

Рыжая не стусевалась, грозно глянула на мою маму (видимо, у ректора научилась) и сказала:

– Это не он. У меня жених приличный.

– Да ну? – Арион снисходительно изогнул бровь, явно еще не понимая весь масштаб трагедии.

– Ну да, – передразнила Кассандра и с превеликим удовольствием заложила родителя, ткнув в него пальцем: – Все, что вы могли заподозрить, творил с вашей дочерью он!

– Вот за что ты отца так не любишь?! – не выдержала я и вынырнула из-под одеяла, чтобы полюбоваться побледневшей мамой и судорожно сглатывающим отцом, который даже рукава закатал, чтобы учить уму-разуму моего ухажера. Только вот ректор был на голову выше и взирал на моих родителей с профессиональной вежливой улыбкой. От нее даже у министерских дам дар речи пропадал. А всю неделю ректор перед зеркалом репетировал – готовился к встрече с родителями абитуриентов. То есть вид он сейчас имел до противности солидный и внушительный, такого уму-разуму не поучишь. Это поумерило пыл.

– Ну... – Мама сглотнула. – Это... А намерения у вас серьезные? – закончила она дрожащим голосом, и мое сердце упало в желудок. Я не была в этом уверена, а ректор мог ляпнуть все что угодно.

Но не успел, так как за него ответила Кассандра:

– Самые что ни на есть серьезные. Я даже платье свое свадебное отдам. И с залом договоренность уже имеется. Я все равно не хочу свадьбу осенью. А чего добру пропадать?

– Это еще почему? – возмутился Арион фон Расс, разом потеряв интерес и к моим родителям, и, похоже, ко мне. – Как это не хочешь? – начал закипать он, и я страдальчески вздохнула. Обманчиво ласковый

голос у ректора был перед тем, как он начинал орать, словно полоумная баньши.

– А потому что мы тебе говорили: у нас свадьба будет зимой! – Кассандра даже не обратила внимания на угрожающие симптомы, только шаг вперед сделала и упрямо посмотрела в глаза ректору. Только сейчас я поняла, насколько эти двое похожи. Даже внешне, несмотря на обманчиво рыжие волосы дочурки. – Зимой – и точка!

– Поздно! – рыкнул Арион фон Расс. – Все уже организовано, и приглашения разосланы.

– Видишь, как удачно все вышло? – ухмыльнулась нахалка. – Тебе даже за кольцом бежать не нужно.

– Почему это?

– Потому! – Кассандра достала из кармана мощный перстень из белого золота с крупным топазом и россыпью бриллиантов. – Мне его бабушка подарила, но... – Рыжая помолчала, мигом посерьезнев. – Она просто не думала, что ты когда-нибудь наденешь его на чью-то руку...

Арион фон Расс молчал, я лежала, желая провалиться под землю. Родители затаили дыхание. Кассандра посмотрела по сторонам и добавила:

– Ну что вы все замерли? Мне даже неловко! И потом, это кольцо ей больше подходит, чем мне. А мне Демион подарит какое-нибудь свое фамильное. У тебя ведь есть фамильное кольцо?

– Для тебя – не одно, – улыбнулся блондин и наклонился к губам своей невесты, но тут же отпрыгнул, так как получил по губам маленькой искоркой, которая сорвалась у ректора с пальца.

– Нечего тут! Хотите зимой свадьбу? Вот и целоваться будете зимой! – буркнул обиженный папочка и с ненавистью уставился на меня.

Я замерла, чувствуя себя до ужаса нелепо, и подала голос:

– Скажите, а с чего вы решили, что я хочу замуж?

– А твоего мнения здесь никто не спрашивает! – рявкнули на меня в три голоса мама, папа и возлюбленный, проявив удивительное единодушие. Мама посмотрела на Ариона с чуть большей нежностью и заявила, с вызовом взглянув на Кассандру:

– А свадебное платье у нас уже есть. Осталось только формальности уладить.

– Да что вы говорите? – язвительно поинтересовался ректор. – А может быть, вы все отсюда вымететесь, а? Вон дочь моя непутевая покажет вам наши местные красоты и достопримечательности (только на кладбище не води, а то знаю я тебя!), а я пока невесте своей предложение сделаю. Не абы как, а по-человечески, как положено! А то испортили мне всю романтическую ситуацию! Заодно и о формальностях подумаете!

– А я вот против романтических ситуаций с моей дочерью до свадьбы! – не очень решительно заявил папа и выпятил вперед свой внушительный животик.

– А вас, папаша, никто не спрашивает, – заявил ректор. – Раньше надо было дергаться! Все возможные романтические ситуации с вашей дочерью у нас уже были. Так что нечего махать кулаками после драки.

– Красиво, герр Расс, сказали! Красиво! – крикнул Демион из-за двери. – Я обязательно запомню для нашего с вами следующего разговора!

– Поговори у меня еще тут! – шикнул Арион и мощной струей воздуха захлопнул дверь, едва не выбив косяк. С той стороны ойкнули, мама схватила папу за рукав, и они послушно сбежали из комнаты, оставив нас с ректором вдвоем.

– Прости, – пробормотала я. – Я не думала, что так выйдет. Точнее, предполагала, что они рано или поздно явятся, но чтобы так... Я не претендую на замужество... Понимаю, все слишком быстро... И вообще, ты, может, и вовсе не хочешь ничего такого...

Я чувствовала себя крайне неловко. Ну вот зачем они примчались и все испортили? Я была бы довольна, если бы мы просто сходили поужинать.

– Зато я претендую. – Арион улыбнулся, прервал мой маловразумительный словесный поток и присел рядом на кровать.

– Это из-за них, да? На тебя все давят.

– Это из-за себя. И тебя, – ответил он и достал из-за пазухи маленькую черную коробочку. – Не думай, будто я решил это сделать под влиянием ситуации или из-за Кассандры и твоих родителей. Просто в этом дурдоме не получается ни на секунду остаться вдвоем. Я хотел сделать все красиво, но, видимо, не судьба. И я хочу, чтобы кольцо у тебя было то, которое я выбрал именно для тебя, а не то,

которое принадлежало каким-то другим женщинам. Даже если эти женщины – мои достойные предки.

На черном бархате лежало удивительной красоты кольцо – белое золото, кружевная вязь и россыпь мелких бриллиантов, между которыми вспыхивали голубые топазы.

– Ты станешь моей женой, Мира? – поинтересовался он, а у меня пропал голос, и я только кивнула.

В этот же миг над нашими головами раздалось знакомое хихиканье, и мне на кровать высыпалась целая куча розовых лепестков. Они вихрем полетели по комнате и завалили, в конечном счете, все: палас, постель, шкафы и туалетный столик.

– Вот же шушель! – возмутился ректор, отряхиваясь, а я счастливо засмеялась и произнесла:

– Он же просто радуется за нас! Это так мило! – Я совсем не злилась на шушеля и, наверное, уже никогда не смогу. Если бы не он, Като воплотила бы в жизнь свой коварный план.

– Ты вообще представляешь, во что превратится свадьба? – тоскливо простонал ректор и упал на подушки рядом со мной, уставившись в потолок.

– Нет. И не хочу. – Я прижалась к сильному плечу и с наслаждением вдохнула знакомый волнующий запах. – Пусть будет сюрприз.

– Поверь, моя магическая академия – это правильное место. Тут твоя жизнь будет полна сюрпризов. А сейчас... ты все же позовешь меня в душ?

Глава 21. Призрак из прошлого

– Герра Сибилла, вы преувеличиваете! – отозвалась я и повернулась перед зеркалом другим боком.

Как же меня все достало! Никогда не думала, что свадьба – это так утомительно, скучно и долго. Точнее, не сама церемония, самой у меня еще не было, а подготовка к ней! И нам еще повезло! Матушка Демиона давно везде и со всеми договорилась. Даже перенос даты сложностей не вызвал.

Мама дернула меня за рукав, чтобы я стояла прямо и не вертелась, и продолжила закалывать булавками корсет. Когда она заказывала это платье, мне было пятнадцать, и родительница надеялась, что у дочери к замужеству будут более пышные формы. Не сложилось. Я так и осталась стройной и тонкокостной. Мама пыталась откормить меня за последние несколько дней, но у нее ничего не вышло, поэтому платье пришлось немного ушивать. Хотя лучше б выкинули! Оно мне совершенно не нравилось.

– Нет, Мирочка, – печально вздохнула герра Сибилла. – Все же один из окаянных выкопался... вот зуб даю!

Я сделала страшные глаза и покосилась на матушку, но она была увлечена подгонкой платья и не обратила внимания на провокационное определение. Покойников она у меня боялась, а уж что с ней будет, если она увидит умертвие, даже представить страшно (я и за себя-то не была уверена. Лич, помнится, меня до обморока напугал). Но сейчас, похоже, обошлось, и мама не заподозрила подвоха.

Герра Сибилла, заметив отсутствие реакции, продолжила:

– Так вот. Шорохи в коридорах слышала не только я, но и девочки с кухни. Элиза даже ночью прибежала. Испугалась, бедняжка. Еда частенько пропадает – тоже не просто так, я тебе скажу. Ну все признаки налицо. – Она махнула рукой и страдальчески вздохнула.

– Зачем ему еда? – поинтересовалась я и тут же ойкнула, так как в лопатку впиалась булавка. – Ну мама!

– Прости, золотко. – Мама подула мне на спину и, не удержавшись, полюбопытствовала: – Что за страсти тут творятся?

– Не вникай, – отмахнулась я, молясь, чтобы она не начала допытываться. – Это все рабочие вопросы.

– Зачем тебе рабочие вопросы? – удивилась мама, и за спиной я услышала воинственное сопение. – Ты же замуж выходишь. Ты теперь должна думать о муже, детях и вечном!

Этот разговор у нас начинался не по одному разу в день, и к единому мнению мы так и не пришли. Ее не убеждало даже то, что мой будущий муж ничего не имел против работающей жены. Еще бы! Кто лучше меня поможет ему разобраться с документами?

– Не обсуждается... – начала я, рискуя нарваться на скандал, но герра Сибилла опередила мою маму и затараторила:

– Вот как раз по первости они до еды и охочи!

Мама у меня была женщиной воспитанной и прерывать словесный поток не стала, только начала шумно вздыхать у меня за спиной. Но к вздохам я давно привыкла и умела их игнорировать, а герра Сибилла хорошо меня отвлекала.

– А как же? – продолжила она. – Им не хватает чего-то, вот и хомячат все подряд. Он это! Я точно тебе говорю. Нужно профессора Сазейра просить посмотреть. Ладно бы, время было обычное, можно бы и повременить, а так... Завтра – такое событие! Ну вот ты только представь масштаб бедствия, если... – Она махнула рукой, не закончив фразу.

– Не надо профессора Сазейра! – взвыла я, представив возможные последствия, и добавила чуть тише: – Ну пожалуйста.

Герра Сибилла тоскливо вздохнула и задумалась, уставившись в окно. Видимо, прикидывала, что быстрее расстроит свадьбу ректора. Умертвие, которое шатается по коридорам, рано или поздно напугает моих впечатлительных родителей или незадачливых гостей, от которых даже шушеля пришлось прятать? Я молчу о том, каких усилий мне стоило уговорить его не появляться эту неделю. Пока паршивец слушался, правда, пришлось отдать ему Васика. Или же быстрее апокалипсис наступит, если пригласить профессора-лича, чтобы он безобразие устранил? Сам профессор не показывался из своих апартаментов. К слову, я его об этом не просила. Мне было неловко, но он сам пришел к такому решению. А я была занята размышлениями о том, как сделать так, чтобы и маму с папой не напугать, и на свадьбу его пригласить. По всему выходило – никак.

Есть же еще куча родственников. Моя прошлая жизнь и нынешняя плохо сочетались, с этим стоило смириться.

Мама уже зашнуровала корсет и принялась расчесывать мне волосы – убедить ее, что все это я могу сделать сама, причем на порядок лучше, казалось невозможным. Ну пусть потешится. В конце концов, на завтра я все равно вызвала себе мастера из столицы. Родительницу пока не расстраивала, но если на примерке платья я еще могла пережить ее понимание прекрасного, то завтра на церемонии хотела выглядеть принцессой.

Правда, в этом платье выглядеть принцессой было сложновато. Все же фасон устарел лет десять назад, когда мама приобрела этот наряд, похожий на торт со взбитыми сливками. Я очень хотела его или утюгом прижечь, или грязь какую опрокинуть на подол, но мама бдила. Оставался один способ: подговорить шушеля. Правда, этот поганец же меры не знает. Неизвестно, чем обернется невинная просьба.

Платье Кассандры мне нравилось намного больше: смелое, с открытым декольте и разрезом от середины бедра. Оно казалось провокационным и небанальным, а еще на его корсет не были пришиты сотни раздражающих розочек.

Для дочери Арион его забраковал, но почему-то я думала, что на своей невесте оценит. Но мама была неумолима, и я, как и положено послушной дочери, смирилась. По большому счету, какая разница, в каком платье идти к алтарю? Лишь бы рядом был тот самый мужчина.

«Тот самый мужчина» сегодня отсутствовал, и я скучала, но в последний день перед свадьбой нужно было сделать очень много незаконченных дел, и все наши мужчины отбыли улаживать нюансы и мелочи предстоящей церемонии. Мы с геррой Сибиллой в академии из руководящего состава остались одни. И конечно же, герра именно сегодня решила устранить проблему, которая появилась значительно раньше. Вот неужели нельзя было озаботиться этим хотя бы накануне?

– Мир, ну что делать-то будем? – с тоской спросила меня герра и страдальчески заглянула в глаза, словно я была дипломированной магичкой, которая решала проблемы взмахом волшебной палочки.

– Ну герра Сибилла, а почему вы до этого дня молчали?

– А что? – Она тяжело вздохнула. – Сначала ректор сильно переживал, так как вы болели, потом родители ваши приехали, потом –

подготовка к свадьбе! Закрутилась, забыла, не до того. А сейчас гости подъезжать будут, а тут – такая оказия! Нужно срочно исправлять.

«Забыла она! – мрачно подумала я. – Ректора боялась. Со мной договориться проще!»

– Какая оказия? – все же не выдержала и подозрительно поинтересовалась мама, исподлобья поглядывая на герру Сибиллу.

Мама на следующий день после своего приезда застала сцену «Ректор в восемь утра общается со своим персоналом» и после этого впервые со дня окончания университета прониклась уважением к моей профессии, но так и не смирилась с тем, что после свадьбы я продолжу работать дальше. Но зато с того момента старалась вообще не обращать внимания на рабочие разговоры, упорно делая вид, что ее это не касается. А сегодня вот не удержалась и встряла.

Герра Сибилла несчастно посмотрела на меня, но быстро нашлась.

– Да... студенты пораньше приехали, а они вредные... Нужно их отправить по домам. Еще каникулы не закончились.

Объяснение было, на мой взгляд, так себе, но маму оно неожиданно устроило, и тему можно было бы считать закрытой, если бы в комнату робко не заглянула Элиза, которая работала у нас на кухне.

– Там этот... – дрожащим пальцем она указала куда-то в коридор.

– Кто этот? – поинтересовалась я, с тоской догадываясь, о чем идет речь. А я ведь надеялась, что проблема рассосется сама собой и мне не придется ее решать! Но мечтам не суждено было сбыться. Впрочем, к «несбычье мечт» я привыкла и восприняла это философски.

– Ну этот! – Элиза оказалась понятливой и помнила, что при моей маме лишнего говорить не стоит, поэтому сделала страшные глаза и одними губами прошептала: – Мертвяк. Он сидит в углу кухни и пожирает сосиски... Я не знаю, что с ним делать, и подходить точно не буду. Маришка сунулась... так там в обморок и хлопнулась. Я ее едва утащила. Тяжелая, зараза.

– Экие у вас студенты голодные! – Мама укоризненно покачала головой, а я ринулась в коридор.

Проблему нужно было решать, а кроме лича, у нас в наличии был только один некромант. Правда, недоученный, непредсказуемый, и за

его использование мне обязательно влетит. Но зато его не испугается мама. Этот момент был для меня сейчас решающим.

– Герра Сибилла, кто идет за Кассандрой, а кто – мертвяка сторожить? – поинтересовалась я шепотом, чтобы родительница не услышала.

– Вы уж на кухню... – мигом среагировала герра и сбежала, а я, отмахнувшись от маминого вопля:

– Куда в платье-то? – поспешила за Элизой по коридору.

Поджилки тряслись, но я храбрилась. Мертвяк не страшнее Като с ножом. Говорят, восставшие бывают агрессивными, только если их некромант натравил, а случайно ожившие – только страшные, но не опасные. Это успокаивало и внушало надежду.

У дверей сидела толстая бледная Маришка, которая пришла в себя и кухню послушно сторожила, но дрожала при этом как осиновый лист. Обычно румяное лицо сейчас было синюшного цвета. Она сама напоминала не совсем свежее умертвие.

– Как хорошо, что вы пришли! – Толстушка даже всплакнула от избытка чувств. – Там он, окаянный! Так и сидит, пожирает наши запасы! Ирод! Сосиски-то свежие, сегодня только с рынка принесла!

Я осторожно заглянула за дверь и заметила грязного мертвяка в разодранной рубашке. Он был не такой уж страшный, видимо, совсем свежий, потому что одежда на нем не истлела, да и кожа казалась неповрежденной. Все не так плохо, как я себе представила. Спутанные волосы упали на глаза, и поэтому я сначала не разобрала лица. Видно, что молодой, слегка полноватый мужчина. Сейчас он сидел на полу и доедал сосиски. На связке осталось две или три штуки.

– Он что, целиком слопал? – поинтересовалась я у девушек, руками показывая, какой длины обычно бывает связка. Говорить старалась тихо, но мертвяк все же услышал и вскинул голову.

Как же я орала! Наверное, стекла бы повылетали, если бы я не вспомнила про маму и не замолчала на восходящей ноте. А все потому, что в умертвии я узнала своего бывшего. До меня не сразу дошло, что он грязный, осунувшийся, но живой.

С криком: «Мирочка, я тебя нашел!» – он резко кинулся ко мне и, ухватив за руку, затащил на кухню, прежде чем я сообразила, что делать. Сердце стучало. От неожиданности я даже не могла понять,

чем грозит мне незапланированный визит. Вряд ли чем-то хорошим. Но тут, в академии, я была дома и не сильно боялась.

– Я пришел забрать тебя отсюда! – категорично заявил он и потянул меня за руку, почему-то по направлению к холодильнику. – Это страшное, страшное место. Я сюда отправился следом за тобой, но бродил темными коридорами несколько дней и не мог найти выход! Это все он, твой колдун! Он хочет помешать нашему счастью!

«Вот везет же мне на психов!» – подумала я и попыталась вырвать руку, но Крис держал крепко.

– Нет ни нас, ни совместного счастья, – зашипела я, испытывая стойкое желание схватиться за сковородку, благо на кухне их было множество. – Представления не имею, как в академии можно гулять несколько дней и не суметь выйти на люди. Только персонал перепугал и продукты перепортил!

– Можно, – пискнула Элиза, которая бочком пропихнулась в помещение и теперь прятала за спиной массивную чугунную сковородку. – Тут заклинание такое, незваных гостей отваживает. Без приглашения сюда лучше не соваться...

– Вот видишь! – Крис смотрел на меня влюбленным взглядом, но ничего, кроме брезгливости, во мне не вызывал. – Я пришел, чтобы забрать тебя с собой!

– Вот уж нет! – Я рванулась сильнее и агрессивнее, потому что разозлилась. Крис, который не ожидал такого активного сопротивления, выпустил мою руку.

Я отшатнулась и, не удержав равновесия, полетела на стоящий у стены открытый кухонный шкаф. Больно врезалась спиной, выругалась весьма витиевато – все же лексикон ректора оказался на редкость прилипчив. Раздался звон, и сверху на меня посыпалось содержимое полки. Первой упала мука, а следом за ней – открытая томатная паста. Вот говорила же не раз, чтобы закрывали то, что может упасть и перепачкать всю кухню!

Я расчихалась и попыталась увернуться от баночек помельче. На белом подоле расплылось красное грязное пятно – маминым мечтам сбыться было не суждено, я все-таки платье испоганила. И это меня волновало сейчас даже больше, чем Крис. Доказать матушке, что я не специально, будет сложно.

– Мирочка! – завопил бывший и кинулся ко мне, намереваясь поднять. – Я тебя спасу!

– Не нужно меня спасать! – отмахнулась я от него, как от прокаженного, и забарахталась в пышных юбках. Крис свалился на меня сверху и тут же облапал. Получил коленом между ног, взвыл, но попыток меня обнять не прекратил.

Мы бы так и барахтались на полу, если бы над головой не раздалось мерзкое знакомое хихиканье – на помощь пожаловал шушель. Он сидел на верхней полке и выбирал, какую из банок метнуть в моего обидчика. Я только зажмуриться успела, прежде чем в Крису полетел черный молотый перец.

Чихали мы долго, причем твареныш – не меньше нашего. Приправа оказалась забористая и действенная. Я все же отпихнула от себя Крису и нащупала одну из сковородок (так, на всякий случай). Стоило отдышаться и поговорить. Может быть, у него хватит ума уйти отсюда самостоятельно?

Во всем случившемся дальше виновата была Кассандра. Впрочем, как всегда. Я уже поняла, что моя будущая падчерица служила катализатором неприятностей. И если в период своей невезучести в основном страдала я сама, то у Кассандры ее разрушительная сила затрагивала все вокруг, кроме нее. Я бы сама справилась с Крисом – он был слаб, я зла, а тут и сковорода чугунная под рукой, и шушель на помощь пришел, – но рыжая, когда неслась по коридору, зачем-то громко орала:

– Ну и где тут мертвяк?! Сейчас я его поймаю и упокою! Мира, не смей его портить ничем тяжелым, иначе сама будешь отлавливать все конечности! Они шустрые, мигом разбегутся по академии!

Крис заметался по кухне, забыв про меня. И я бы испугалась этих диких воплей. Он попытался вырваться и все же получил сковородкой между глаз, но не от меня, а от Элизы, которая поджидала на выходе и шибанула моего бывшего, похоже, рефлекторно. Ойкнула и испуганно покосилась, но «красавец-мужчина» уже валялся без сознания у ее ног.

И все бы на этом закончилось, если бы вопли Касс не услышали мама, которая с завываниями кинулась мне на подмогу, и лич, тоже примчавшийся со скоростью света. Не знаю, то ли он испугался, что Кассандра таки исполнит свою угрозу и кого-то упокоит, то ли переживал за мое благополучие.

– Деточка! – кричала мама, семеня по коридору. – Что случилось? Какие, к шушелям, умиртвия?!

Она едва не запнулась за Крису, который валялся у ног Элизы, и заорала.

– Он жив! – постаралась успокоить ее я, молясь, чтобы Крис не очнулся и родительница не узнала в нем моего бывшего.

Но случилось худшее – мама увидела мое облитое томатной пастой платье. Мало того, что субстанция напоминала кровь, так еще и наряд был непоправимо испорчен.

– Мирочка... – прошептала она и начала оседать. Видимо, томатная паста смотрелась слишком реалистично на белом атласном материале, и я была для родительницы ценнее, чем платье. Это даже радовало. Правда, в создавшейся ситуации так, чуть-чуть.

– Мама... – Я кинулась вперед, чтобы ее успокоить и подхватить под руки.

Но лич успел быстрее. Увидев, что дама падает, он, как и положено джентльмену, подхватил ее под локоток. Аккуратненько так.

– Спаси... – И мама обернулась к своему спасителю.

Я икнула. Элиза замерла – она так и не выпустила из рук сковородку. Кассандра, показавшаяся в дверях, прикрыла рот ладошкой. Даже шушель очень тихо и осторожно растворился в ближайшей стене, видимо, вспомнил про свое обещание не отсвечивать, может быть, почувствовал надвигающуюся катастрофу и сбежал.

Как же мама орала, перед тем как упасть в обморок! От души. Даже меня затмила.

– Ну... всем спасибо, – мрачно сказала я и печально посмотрела на бесчувственную родительницу в объятиях лича. – Свадьбы у меня не будет.

– Прямо все так плохо? – пискнула Кассандра, которая, судя по выражению лица, почувствовала себя виноватой.

– А я откуда знаю? Вот очнется – спросим. И все же как хорошо, что мужиков-то сегодня нет... – задумчиво заметила я, чувствуя невероятную усталость и опустошенность.

– Ы-ы-ы... – согласилась со мной Кассандра. Видимо, представила папочку в гневе.

Я тоже представила. Только своего. Был бы он тут, подозреваю, мы бы лича по всей кухне собирали. Или папу... кто знает, как сложилось бы.

Крис очнулся, ужаснулся нашей разношерстной компании и попробовал уползти, но к нему радостно, с воплем: «Ура, мертвяк!» – кинулась Кассандра. Кончики ее пальцев засветились изумрудным.

– Вот все же ты, как и отец, сначала делаешь, а потом думаешь! – рыкнул на нее лич, мигом преобразившись. В глазах бушевало пламя. Таким он меня пугал, а рыжей – хоть бы хны. Она даже не поежилась. Зато Крис как-то нездорово пикнул и позеленел. – Какой же это мертвяк? Живой он.

– Живой? – Девица посмотрела внимательнее, стушеввалась и отступила. – А что тогда тут забыл?

– А это сейчас важно? – фыркнула я, не желая вдаваться в подробности. – Давайте маму куда-нибудь положим. Если она очнется в объятиях профессора, боюсь, реакция будет еще более непредсказуемой.

– А с *этим* что делать? – деловито осведомилась рыжая, с нездоровым интересом посматривая на Криса.

– Ну не знаю... проследи, чтобы ничего не натворил, – скомандовала я и отправилась следом за личем, бросив через плечо: – Только не обижай сильно. Твой отец вернется – сам его обидеть захочет.

Кассандра кивнула и начала медленно подходить к Крису, который попытался забиться в угол. Я была уверена: после разговора с Кассандрой бывший сбежит из академии со скоростью падающего метеорита. Впрочем, если не сбежит, это его проблемы, а мне сейчас свои бы решить.

* * *

Я оказалась права. Всего через каких-то полчаса Крис с подачи Кассандры удалился. Идея покорить меня заново его покинула, а рыжая вернулась в преподавательскую комнату, куда мы переместились, как раз чтобы застать эпический момент, когда мама начала со стоном приходить в себя.

– Мама? Мама! – рыдала я и обмахивала родительницу какими-то приказами. – Ну правда! Не стоит переживать так сильно! Профессор-лич – это уважаемый сотрудник академии. Все хорошо! И я цела! На платье – томат!

– Неблагодарная! – Мама соизволила открыть один глаз. – А меня поймал труп! Несвежий! Я не оставлю дочь там, где по коридорам ходит он!

– Так не вопрос! – Кассандра, которая сидела на столе, смачно откусила яблоко, утащенное с кухни. – Пойдемте упокоим. Папа не разрешил вам устроить экскурсию по кладбищу, а очень зря. Оно у нас колоритное.

– Я-а-а... – Мама начала заикаться. Видимо, представила в красках кладбище, опасности, там поджидающие, и сам ритуал упокоения.

– Ну если он просто оживший труп, надо упокоить... – Рыжая явно провоцировала, а я молилась, чтобы мой жених как можно дольше отсутствовал. Если обстоятельства сложатся удачно, до его приезда получится уладить все проблемы, и он ни о чем не узнает.

Сам виновник матушкиной истерики сидел в уголочке и в разговор, к счастью, не вмешивался. Матушка его не видела, и я была пока относительно спокойна.

– Да я как-то не знаю... – Мама неуверенно посмотрела на меня.

Она, конечно, была напугана и зла, я видела, что мысль увезти меня отсюда ей в голову приходила, а вот избавиться от лича было то ли совестно, то ли страшно.

Продолжить мучиться сомнениями Кассандра ей не дала. Доела яблоко, выкинула огрызок в мусорку и заявила:

– Вот и я не знаю, как упокоить. Не доучилась.

– И когда доучишься, не упокоишь, – шелестящим шепотом отозвался из угла лич. – Потому что ленива. Да и замуж соберешься. А какая некромантка из замужней женщины?

Мама снова охнула и закатила глаза, а Кассандра ответила:

– Замечательная некромантка. Но вы правы, я вас упокаивать не буду. «Я вас породила, я вас и убью» в этом случае не сработает. Вы мне и в полуживом состоянии нравитесь. Совсем в живом, конечно, было бы лучше...

Я шикнула на обоих, так как маму снова пришлось обмахивать и уговаривать прийти в себя. Я уже видела, что это все позерство и игра, но мне и в голову не пришло ее игнорировать. Как можно? Мама же у меня одна и очень переживает.

К консенсусу мы с ней все же пришли. Она не желала смотреть на лича, но согласилась забыть, что лич здесь работает, и обещала молчать обо всем случившемся.

Все же после того, как отошла от шока, мама вспомнила, что вообще-то давно хотела меня выдать замуж, ректор – неплохая партия, а свадьба назначена на завтра. А значит, совершенно не время что-то менять. К тому же и повод-то не такой уж существенный. Мало ли какие у меня коллеги.

После того как герра Сибилла, шикнув на профессора (он тут же послушно удалился), повела маму отдыхать, я выдохнула с облегчением, и мы с Кассандрой отправились за ее платьем. Вот уж не думала, что мой бывший еще способен сделать хоть что-то полезное. Но именно благодаря ему я буду в том платье, в котором хочу сама, а не в том, которое приготовила для меня мама.

Конечно же, когда мы с Кассандрой возвращались по коридору – она, как всегда печальная из-за того, что стала причиной очередных неприятностей, и я – лохматая, в очень провокационном наряде «мертвой» невесты, навстречу нам попался только что вернувшийся ректор. Он посмотрел на нас очень внимательно, и от этого взгляда стало как-то нехорошо. Оправдываться мне сейчас очень не хотелось, поэтому с воплем «ы-ы-ы» на сей раз убежали мы обе.

Эпилог

С утра в день свадьбы пропало платье, а ресторан сообщил, что у них случилась авария. В банкетном зале ночью рухнул потолок – не выдержал огромной люстры, повешенной неделю назад. Так как обе новости пришли одновременно, я даже не поняла, какая из них сильнее выбила меня из колеи.

Пока с выпученными глазами, с фатой, прикрепленной к прическе на одну шпильку, и в коротком пеньюаре я бегала по академии, пытаюсь придумать, куда нам деть почти четыре сотни гостей, платье нашлось. Оказывается, его забрала мама, «чтобы по-быстрому ушить ну очень неприличный разрез». У меня даже сил возмущаться не было, я только страдальчески вздохнула и подумала: «Лучше платье без разреза, чем вообще никакого платья».

Только мы разобрались с местом проведения банкета, решили, что столы поставим во дворе академии, дали команду прибывшим из ресторана работникам, а я выдохнула и наконец-то влезла в платье, которое заметно потяжелело из-за того, что мама вколола в подол четыре булабочки (для того, чтобы детей было побольше), вшила мешочек соли (чтобы жених налево не ходил) и еще так, по мелочам, насовала разных круп (я так понимаю, чтобы молодые с голоду не сдохли), нарисовалась еще одна неожиданная проблема. Мы совершенно не подумали о том, кто будет нести шлейф платья невесты.

Снова начался забег по академии, но найти маленькую девочку и мальчика в академии магических искусств сложновато, особенно летом, когда и большие-то мальчики с девочками на каникулах. Поэтому когда прямо из воздуха появился смущающийся шушель с Васиком в обнимку и кокетливым бантиком из чулка на голове, даже мама в обморок не упала, а махнула рукой.

В конце концов, либо шлейф тащит хоть что-то мелкое и умильное, либо он собирает пыль по ступенькам и полам. За пятнадцать минут до выхода невесты все равно ничего лучше не придумаешь, и мама это понимала. А после встречи с личем она начала спокойнее реагировать на сверхъестественные проявления.

Хотя я считала, что шушеля бояться все же стоило больше, нежели профессора Сазейра, но сейчас было не время доносить до мамы эту мысль. К тому же родительница дала добро на присутствие лича на свадьбе. Мы только форму одежды обговорили, и получился у нас не профессор-умертвие, а очень загадочный некромант, который не снимал перчаток и закрывал лицо.

Перед началом церемонии я уже не хотела ничего – только скинуть туфельки, забрать своего ректора под бок и спать-спать-спать. Огромная толпа гостей, стремящихся хотя бы чуть-чуть приблизиться к невесте, пугала не только меня, но и слегка нервного жениха. С Арионом мы встретились не у алтаря, как положено, а чуть раньше, на ступенях академии, чтобы на нас могли посмотреть все гости. Папа со слезами на глазах передал мою руку жениху, сзади радостно взвизгнул шушель, и дальше мы должны были идти с женихом под радостные возгласы толпы.

Ректор был зол, он пытался мило улыбаться гостям, но получалось не очень. Глаза полыхали алым, и оскал выходил хищным. Я это видела и чувствовала его напрягшуюся руку. А нам еще до алтаря идти, ну... далеко идти: вниз – пятнадцать ступенек, потом – по красной ковровой дорожке, где нас будут посыпать цветами и рисом, а терпение у моего жениха закончилось. Причем, похоже, еще вчера, когда нам с Кассандрой пришлось пересказывать все наши приключения.

Я и сама, честно сказать, уже устала. Хотелось сбежать куда-нибудь в дремучий лес, где мы будем одни. Но впереди нас ждали клятвы, танец, торжественное застолье! Как бы не было беды!

Я посмотрела на Ариона фон Расса, подбодрила его улыбкой, получила в ответ все тот же оскал и поняла, что дело плохо. Хорошо, если мой жених не сорвется на гостей или проводящего обряд жреца.

Самым сложным оказалось пробиться под обстрелом из риса и розовых бутонов. Шушель сзади на шлейфе дергался и подпрыгивал, а я даже не могла повернуться и посмотреть, что он делает. Подозреваю, он пытался ловить цветы, но делать это зубами оказалось неудобно. Отсюда и недовольное повизгивание.

Жрец нам попался опытный. Едва взглянув на пылающие демоническим огнем глаза ректора, он тут же передумал растекаться мыслью по дереву. Отбарабанил быстренько речь, выслушал наши

заверения о том, что мы в здравом уме и твердой памяти и ну очень хотим стать мужем и женой, и позволил жениху поцеловать невесту.

Я с облегчением выдохнула. Сзади радостно взвыл шушель, и нам на голову полетели лепестки роз вперемешку с живыми бабочками. В этот раз я орать не стала, так как рядом стоял мой ректор, а с ним мне даже бабочки с мерзкими крыльями были не страшны. На какое-то время я почувствовала себя счастливой. Ровно до тех пор, пока не вспомнила, что это еще не конец – это начало сегодняшнего вечера. Впереди нас ждут традиционные конкурсы, танцы и еще очень много утомительных вещей.

Но, оказывается, у моего мужа был свой план.

– А не хочешь ли ты, любимая, запустить «веником» в своих подружек сейчас? – вкрадчиво поинтересовался он на ухо, чем изрядно меня обескуражил.

– А зачем? – удивилась я. – По плану же позже...

– Позже можешь не успеть, – отрезал он, с ненавистью покосившись на толпу. – А они тебе этого не простят. Посмотри на их глаза, девицы очень хотят замуж.

– Ну ладно. Спорить с начальником – себе дороже. – Я пожала плечами и послушно метнула бело-красный букет в толпу.

Надо ли говорить, что первым букет успел поймать шушель и счастливо прижал его к своему лохматому пузу под страдальческие вопли женской незамужней части гостей? Ректор ведь, по моей просьбе, на букет наложил заклятие удачи. Он должен был принести судьбоносную встречу со второй половинкой тому, кто его поймает. Теперь я старалась не думать о возможном появлении второй половинки шушеля. Если это произойдет, то даже магическая академия не устоит.

– А сейчас... – Арион первый раз за сегодняшний день улыбнулся открыто и искренне. – Дорогие наши гости, – он сделал весьма характерный акцент на слове «дорогие». – Счастливо оставаться!

Ректор притянул меня ближе, и мы нырнули в мутное облако открывшегося портала.

– Куда-а-а? – вопила мама, семена по красной дорожке.

– Не пушу! – вторил ей папа, но ректор крикнул: – Хорошо развлечься! – и мы рухнули в никуда, чтобы вынырнуть в месте, которое я могла бы назвать своим личным раем.

– Как тут красиво! – выдохнула я, высвобождаясь из объятий мужа и делая шаг по направлению к водопаду, стекающему с отвесной скалы в небольшую чашу, расположенную прямо у наших ног. Сам водопад был небольшим – метра три в высоту, но удивительно красивым из-за тянущейся к нему зелени – лианы с ярко-алыми цветами, кусты, названия которых я не знала, и высокая трава. Я словно попала в сказку. А на площадке, чуть в стороне, стоял накрытый на двоих стол.

На глаза навернулись слезы.

– Переживал, что ты не оценишь мою попытку от всех сбежать, поэтому ничего и не сказал, – задумчиво отозвался ректор, который внимательно следил за моей реакцией. – Но оставаться там и дальше я не мог. Прости.

– Я очень ценю! – Я кинулась к нему на шею. – Это лучшая свадьба, о которой я только могла мечтать. Правда-правда.

* * *

Вернулись мы в академию под утро. Праздник удался и без нашего присутствия. Это было видно по тому, во что превратился двор академии. Некоторые гости спали в обнимку прямо на травке. Невозмутимый лич, затянутый с ног до головы в черный шелк, который скрывал лицо и кисти, сидел, придерживая спящую блондинку, а по коньку крыши осторожно пробирался шушель, прижимая к груди мой букет.

– Только бы не на свидание собрался... – пробормотал ректор, а я счастливо засмеялась. В нашей академии могло случиться все что угодно.